

UNIVERSITATEA DIN BUCUREȘTI
FACULTATEA DE FILOLOGIE
Catedra de limbi slave

ASOCIAȚIA SLAVIȘTILOR
DIN
REPUBLICA SOCIALISTĂ ROMÂNIA

ROMANOSLAVICA

XXV

BUCUREȘTI 1987

UNIVERSITATEA DIN BUCUREȘTI
FACULTATEA DE FILOLOGIE
Catedra de limbi slave

ASOCIAȚIA SLAVIȘTILOR
DIN
REPUBLICA SOCIALISTĂ ROMÂNIA

ROMANOSLAVICA

XXV

REFERATE ȘI COMUNICĂRI

la Al X-lea Congres internațional al slavistilor
(Sofia, 14-22 septembrie 1988)

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ
на X Международном Съезде славистов
(София, 14-22 сентября 1988))

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS
au Xe Congrès International des slavistes
(Sofia, 14-22 septembre 1988)

BUCUREȘTI
1987

COMITETUL DE REDACȚIE

Prof. MIHAI NOVICOV
(redactor responsabil)
Prof.dr. GHEORGHE MIHĂILĂ
(redactor responsabil adjunct)
Prof.dr.doc. ION C.CHIȚIMIA.
Prof.dr. ECATERINA FODOR
Prof.dr.doc. IOAN PĂTRUȚ
Prof.dr. CONSTANTIN N.VELICHI
Conf.dr. CORNELIU BARBORICĂ
Conf.dr. DORIN GĂMULESCU
Conf.dr. DAN HORIA MAZILU
Conf.dr. VIRGIL ȘOPTEREANU
(membri)
Lect.dr. MIHAI MITU
(secretar)

Lucrarea a fost analizată și avizată de colectivul
Catedrei de limbi slave și de conducerea Facultății de
filologie.

Adresa redacției

70-151 București
Str.Pitar Moș 7-13
R.S.România

ON THE OLD LINGUISTIC BALTO-SLAVIC RELATIONS

Ariton Vracliu

In order to designate the nature of the old relationships between the two Indo-European groups the authors of diverse hypotheses use various terms, such as: unity, community, protolanguage, common epoch (period), parallel evolution, communio etc. Undoubtedly there under lying these terms are different ideas, generated by most varied outlooks on language and its relation to society: the theories of A.Schleicher, J.Schmidt, H.Schuchardt, and B. de Courtenay, E.Sapir's conception of linguistic models, the theory of language contacts, W. von Wartburg and others' theories on substratum, superstratum and adstratum, the views of the advocates of linguistic unions and of the neolinguists (mostly Italians), a.s.o. Thus, the question of the genetic relationships between the Slavic and Baltic languages has been a central one for specialists since the publication of A.Schleicher's works. Less attention has been paid, however, to the typological and geolinguistic aspects of the controversy.

The study we have made so far of the facts makes it possible to draw certain conclusions regarding the nature of the old Balto-Slavic relations:

1. The great similarities existing between the two linguistic branches cannot be entirely explained by their IE origin. Many of them come from a period of community when the ancestors of the Slavs and of the Balts used to speak the same language. Therefore, today we can say that the Balto-Slavic linguistic unity did exist, even though we cannot establish its chronological and territorial limits yet.

2. Like any common language, the Balto-Slavic was never, in any particular moment of its evolution, perfectly unitary.

3. Certain analogies (e.g. the frequent use of the genitive with verbs + negation, the predicative instrumental) evolved under the

guages are concerned, they represent the maintenance of old elements and cannot always serve to support the idea of a Balto-Slavic linguistic community. One must also take into account the closer relations between the Balto-Slavic languages and other IE groups (Germanic, Indo-Iranian, Italo-Celtic, Tocharian, Hittite, Daco-Moesian etc.).

2. There must have been dialects of transition between Slavs and Balts. N.V.Toporov's arguments from the field of hydronymy and from the word stock join with those put forward by J.Endzelin, J.Otrębski, B.A.Serebrennikov and V.Kiparsky; the former are very important for the study of the Baltic dialects now extinct.

3. It is most likely that common Slavic originated in peripheral dialects of the Baltic type. The researches of the relationship between and among Old Prussian, Jotving and Proto-Slavic would be of utmost actuality.

4. In B.V.Hornung's opinion, the area of Balto-Slavic isoglosses must have also included the Dacian tribes of the Carpa and the Costoboces, which is very important for the study of the autochthonous element in Romanian. It is worth noticing that, from this point of view, there are certain words in the native word stock of Romanian with an almost identical equivalent in Baltic; we refer not only to the well-known doină, but also to mal "bank, shore", copac "tree" (see Let. mala and koks). See also the Lettish phrase acis mazgāt, the same as the Romanian a se spăla pe ochi (both meaning "to wash one's face").

5. It is an error to share the opinion that the Balto-Slavic question would be only a linguistic one and that it may be accounted for outside historical data. In our opinion, the problem of the Balto-Slavic community, which is so topical and controverted, can only be solved if a close cooperation between linguists and, generally speaking, historians (archaeologists, ethnographers and antropologists) is ensured. So, by means of the data supplied by archaeology, temporal and spatial limits, on the one hand, and, the concrete contents of the epoch of Balto-Slavic community, on the other, could

be fixed.

6. The question of the Balto-Slavic unity cannot be separated from the general problem of the common language and of the original homeland. One may only suppose that, after the branching off of the IE, the Balto-Slavs were in the immediate neighbourhood of the Indo-Iranians and Proto-Germans. Their contact with the latter went on after the separation of the Balto-Slavic from the so-called satsm group, which may be inferred from the presence of specifically Balto-Slavic elements in Proto-Germanic. The Balto-Slavic linguistic unity begins after the separation from the other sat_m languages. It is difficult to estimate when that period began and how long it lasted. The chronological limits established by different scholars are extremely unlike: the 3rd and the 5th millennia B.C. are very approximative dates, which must be brought into agreement broadly and then specified. We may suppose that in the next stage certain linguistic differences between the Balts and the Slavs began to emerge because of the increase in population and of the extension of the inhabited territory, which led to the appearance of dialectal features. They continued in rather close contact with each other, though. This made it possible for the innovations that took place in one part of the territory to be transferred to the other. But later on isolation went so far that there could no longer be any question of innovations common to both the Slavs and the Balts. Another factor contributed to this. Having evolved from the same IE dialect, Slavic and Baltic found different substrata on the territory inhabited by the population speaking them; these substrata led to their subsequent linguistic differentiation.

7. Undoubtedly, an attempt to explain the similarities between Slavic and Baltic must needs take into account the fact that, beside common innovations, there must have been also certain elements inherited from IE. Certain affinities must be interpreted as a result of a parallel evolution or as old borrowings.

Consequently, the study of the old linguistic relationships

between the Slavs and the Balts must take into account multiple causes:

- a. the common IE origin;
- b. the parallel evolution from a common impulse;
- c. community ("communion"), like the Balkan one (but not linguistic unity, meaning a common language);
- d. mutual borrowings (which are a postulate for linguistic unions, e.g. the Balkan one).

всем частям речи: существительные - например, адрес, агитка; прилагательные - например, азартный, английский; числительные - например, семь, тысяча; местоимения - например, я, этот, такой; наречия - например, азартно, больно; глаголы - например, бороться, изобразить, изобретать, сгиттерить; союзы - например, и, а, но; предлоги - например, в, на, с; частицы - например, -ка, же; междометия - например, о-с, гс-с и др.

Имеющиеся лексические единицы можно разделить на: единицы, которые характеризуют язык (бодрость, бодрый, бросить), и единицы, характеризующие речь (болванка, тыщи, сыгнану-ка) - с одной стороны, и единицы, являющиеся плодом исканий автора с эстетической целью передать читателю новую действительность в новом облике. Эти поиски В. Маяковского и определили его как **н о в а т о р а** языка на всех уровнях системы.

Прежде всего следует проанализировать его новшества на уровне семантики, словообразования, грамматической формы, совершенствования стилистической нормы.

Семантика слова - область, отличающаяся гибкостью, поэтому писателю удалось здесь приемом моделирования⁶ добиться особых результатов (ср. бусы, баварикадный, голос, лоб, октябрь, прытча, урожай; некоторые единицы являются частью сложных слов: автомехановышибала, автоуховерт, антиволокитоаппарат и др.). Например:

И мы

    обывателям

        не позволили

    баррикадные дни чернить и позорить.

    /.../

Борись

    и в мелочах

        о баррикадной энергией... (с. 8-9).

Огромные вопросыи,

        огромней слоних,

L'ÉLÉMENT DE PROVENANCE SLAVE DANS L'ANTHROPONYMIE ROUMAINE

Ioan Pătruț

Depuis longtemps je souligne la nécessité d'accorder, chez nous, une attention suivie à l'anthroponymie, négligée au profit de la toponymie. L'explication de cette situation réside surtout dans la position "privilegiée" de la toponymie, laquelle, par ses valences spécifiques, s'impose dans les études historiques, notamment d'histoire concernant les relations entre le peuple et un territoire quelconque, ainsi que les relations entre les peuples.

Dependant il y a des liens anciens, étroits et réciproques entre les anthroponymes et les toponymes: toponyme (oïconyme) < anthroponyme (cf. roum. Turda, nom de localité, attesté dans le premier document qui se réfère aux réalités de la Transylvanie, de l'année 1075)¹, nfam², ancien prénom); Bucur prénom → București → Bucureștea-nu nfam).

On doit ajouter que la valeur des anthroponymes augmente encore quand ils acquièrent une "dimension locale", concernant leur origine, leur provenance; par exemple, on peut établir la diffusion territoriale de quelques noms de personne (comme roum. Coman) ou de quelques dérivés avec certains suffixes anthroponymiques (roum. -et-; Ionete).

Je considère comme nécessaire une précision dès le commencement. Le problème énoncé dans le titre est bien actuel pour l'onomastique roumaine, mais les conditions de son élucidation ne sont pas tout à fait favorables autant pour la langue réceptrice (le roumain), que pour les langues émettrices (les langues slaves).

En fait, pour le roumain on ne dispose pas d'un répertoire d'anthroponymes, pour le passé et pour le présent, je ne dirai pas complet (parce que c'est un "desideratum"), mais "satisfaisant" et, de plus, il manque un bon dictionnaire anthroponymique étymologique. Ces insuffisances sont propres - bien sûr, à divers degrés - aussi aux langues slaves en contact avec le roumain. J'ajoute, à cette occasion

aussi, une lacune; un dictionnaire anthroponymique étymologique général slave, vu que le dictionnaire de Fr. Miklosich (Die Bildung der slavischen Personennamen, Vienne, 1860), qui a rendu des services aux linguistes plus d'un siècle, comporte un nombre réduit de noms et, en plus, il présente un défaut de principe et de méthode; celui de chercher l'origine des anthroponymes, surtout des dérivés, presque toujours dans les mots communs (méthode adoptée aussi par d'autres linguistes, slaves, roumains, etc.)³.

Les anciennes et étroites relations (éthniques, économiques, sociales et culturelles) slavo-roumaines ont eu d'importantes répercussions dans l'onomastique roumaine, c'est-à-dire dans la toponymie et dans l'anthroponymie.

Il y a des facteurs, surtout deux, qui ont favorisé la pénétration des anthroponymes slaves en roumain: a) les rapports sociaux-économiques entre les Roumains et les Slaves; b) l'utilisation, pendant quelques siècles, du slavon dans l'église, dans l'administration et dans la diplomatie des Pays Roumains. Mais la limite entre ces deux catégories d'anthroponymes ne peut pas être tranchante.

Pourtant il est à retenir qu'on doit chercher la sources des emprunts ou des correspondants en bulgare (y compris pour les plus anciens et les plus répandus), en serbo-croate, en ukrainien et en russe et rarement en d'autres langues slaves.

Il n'est pas toujours possible de préciser la langue slave émetrice d'anthroponymes à cause de leur ressemblance formelle dans plusieurs langues slaves et puis à cause de la diffusion et de la circulation différente des noms de personnes par rapport aux noms communs (et aux toponymes aussi). Il résulte que dans quelques cas on peut localiser la provenance (bulgare, serbo-croate etc.) des anthroponymes roumains, parfois on doit les rapporter aux formes semblables ou identiques de plusieurs langues slaves.

Il y a en roumain un grand nombre de noms "entiers" d'origine slave, parmi les plus fréquents (comme Ioan, Gheorghe, Pavel, etc.)

et plus des dérivés (voir infra). Cependant, la contribution slave a été exagérée; on a affirmé que les anthroponymes chez les Roumains sont - et surtout ont été - dans leur majorité d'origine slave⁴. Je considère qu'une telle évaluation n'est pas possible pour deux raisons:

1. l'absence mentionnée d'un répertoire des anthroponymes roumains;
2. les déficiences étymologiques des dictionnaires et des autres travaux d'onomastique roumaine.

À cause du nombre limité de noms "entiers" (Ioan, Gheorghe etc.) dont l'étymologie, en général, ne comporte pas des discussions, je fais état ici seulement de dérivés, dont le nombre est considérable.

Évidemment, une question surgit dès le début: quels dérivés sont empruntés aux Slaves et lesquels sont formés par les Roumains? J'ai affirmé plusieurs fois qu'un critère orientatif pour la différenciation des dérivés propres de ceux empruntés aux Slaves se dégage des conclusions auxquelles je suis parvenu en examinant la structure morphologique des noms roumains: les dérivés obtenus des "radicaux" vocéliques sont formés par les Slaves (bg. Da-n-o nh, Gi-ŝ-a nh > roum. Danu nfem, Ghișa nfem); si le thème est consonantique, les dérivés sont ou peuvent être roumains, mais aussi slaves: Albota nfem est une formation roumaine (Alb-ot-a, cf. roum. nfem Alb, Albu), mais Balici nfem peut-être un dérivé roumain, d'un thème Bal-, cf. roum. nfem Bal, Bala, Balea, Balu, mais aussi slave, cf. bg. Baličev (= Bal-ič-ev), nfem, scr. Baličevič (Bal-ič-ev-ič) nfem.

Quelle est alors la situation des dérivés de la dernière catégorie au point de vue de leur provenance? J'accepte et je soutiens la thèse qu'on n'emprunte des éléments de structure (suffixes, déinences, etc.), que dans des cas exceptionnels, et qu'ils sont véhiculés d'une langue à l'autre par des mots empruntés⁵. Dans cette situation, il ne s'agit plus, à nom avis, de suffixes "étrangers", "empruntés", étant donné qu'ils sont extraits de mots empruntés qui se sont adaptés aux systèmes phonétique et morphologique de la langue réceptrice. Malgré le fait que les noms propres, dans les cas présent les anthroponymes,

possèdent des traits caractéristiques, je considère que les suffixes des dérivés anthroponymiques se trouvent dans la même situation que ceux du lexique commun (ils sont devenus roumains). Je souligne que nombre de dérivés roumains n'ont pas de correspondants slaves; cela signifie que ces dérivés sont des formations roumaines.

En rapportant les dérivés roumains aux dérivés slaves existants, je crois qu'on peut conclure qu'il s'agit en roumain d'une sorte de calque de la forme, d'un calque du modèle slave de dérivation.

Naturellement, on ne peut pas nier que ces suffixes roumains sont les correspondants des suffixes slaves. Les langues slaves, surtout le bulgare, ont contribué à la formation, au cours des siècles, d'un système dérivational anthroponymique roumain, différent de celui du lexique commun et de la toponymie aussi; ce système comporte des suffixes propres, exclusivement anthroponymiques, comme, par exemple, les suffixes monoconsonantiques, qui constituent un groupe d'un intérêt à part; ces suffixes, à l'exception de -s-, n'étaient pas reconnus en roumain, malgré leur caractère insolite et leur ancienne et grande productivité: -d- (cf. Bord nh, top, Bordea idem, Borda nh, Bordu nh; -t- (Berta nfem, Berte nfem, Bertea nfem, top); -s-, -z-, -n-, -l-, -r-, etc.

J'ai déjà mentionné que parfois on ne peut pas préciser la langue slave émettrice de tel ou tel anthroponyme en roumain. Les suffixes se trouvent dans une situation similaire; on ne peut pas localiser les correspondants pour beaucoup des suffixes roumains, pour la même raison: les formes identiques ou très semblables des suffixes d'un côté et de l'autre: cf. -d-, -t-, etc. (voir supra), -sn- (Borhan nh), -in- (Prodin nfem), -ot- (Albotă nfem) etc. Les cas de distinction formelle évidente sont rares; cf. le suffixe roumain -ișt- (roum. Batigste nfem) correspond au bg. -išt- (<sl. comm. -itj-) s.-cr. -iś-, russ. -iś-, pol. -ic-⁶.

On ne peut pas, dans l'état actuel du roumain, préciser la valeur, existante autrefois, de presque tout ces suffixes: -d-, -t-,

-in-, -ot-, -igt-, etc. et aussi des dérivés respectifs; Borda, Berta, Albota, Batiste etc. Outre cela, nombre de dérivés, même d'hypocoristiques ont changé de fonction: les anciens prénoms (comme Borda, Berta, etc.) sont devenus des noms de famille ou des surnoms; en même temps, ces noms se sont démodés, ils sont passés du fonds actif dans le fonds historiques (parce que les noms de famille sont hérités et non actualisés). Ces changements ont déterminé une modification substantielle de l'anthroponymie roumaine, surtout du fonds des prénoms. Parmi les facteurs qui ont alimenté ce processus on peut compter: l'assimilation des Slaves qui vivaient en étroites relations avec les Roumains; l'introduction du roumain à l'église et dans l'administration; la législation, du point de vue juridique, de la forme correcte (entière), tantôt des prénoms, tantôt du nom de famille, dans le régime du nom double. Les rapports avec les Slaves, devenant de plus en plus rares, les liens entre le dérivé et le nom de base ont été oubliés.

Mais ce ne sont pas seulement les dérivés roumains qui sont passés de mode, mais aussi le système qui leur a donné naissance. Le vieillissement du système et, bien sûr, des suffixes a été déterminé aussi par une autre cause: nombre de suffixes fonctionnaient seulement dans l'anthroponymie et non pas dans le lexique commun; par conséquent leur fréquence limitée les a rendus inusités et, de nos jours, ils ne sont plus employés.

Les considérations que je viens de présenter sur l'élément slave de l'anthroponymie roumaine sont formulées du point de vue historique; cela signifie que je n'ai pas omis la dynamique des noms, problème important, car l'anthroponymie roumaine a été soumise au cours des siècles, même plus que le lexique commun, à des mutations quelquefois presque radicales, conditionnées par des facteurs sociaux, culturels, etc.

Bien que beaucoup d'emprunts d'origine slave ou de dérivés formés d'après des modèles slaves soient passés de mode, nos documents sont pleins de tels noms, qui fonctionnent comme prénoms, hypo-

coristiques, noms de famille. Un nom comme roum. Dobrotă - emprunt d'origine slave (cf. bg., s.cr. Dobrota nh) ou (on ne peut pas préciser) dérivé roumain (du thème Dobr-, cf. roum. nfam Dobra, Dobre, Dobres, Dobru + suf. -ot-) - a perdu la fonction de prénom (présent, par exemple, dans un document de Munténie, de l'année 1424: И СЕ СЕБ-ДИТЕЛЪ [c'est sont les membres du conseil du voivode*]; КЪПАН БОРЧА, КЪПАН БОМКО [...], КЪПАН ДОБРОТА [.../]), il existe comme nom de famille non pas rare et, de plus, il a acquis la "dimension locale" comme toponyme: Dobrota, nom de village, cf. Dobrot, Dobrotu, noms de villages, cf. Dobroteasa (Dobrot-eas-a), Dobrotești (Dobrot-esti), noms de villages. Par ces nouvelles fonctions tels noms, nombreux, vivent dans l'actualité et, en même temps, ils maintiennent dans le système anthroponymique roumain les suffixes qui leur ont donné naissance.

Notes

- 1 Voir Ștefan Pascu, Volevodatul Transilvaniei, I, IIe éd., Cluj, 1972, p. 19; Ioan Pătruț, Nume de persoane și nume de locuri românești, București, 1984, p. 14.
- 2 J'utilise les abréviations: nh = nom d'homme; nf = nom de femme; nfam = nom de famille; top = toponyme.
- 3 Voir Ioan Pătruț, Onomastică românească, București, 1980, p. 14 seq.
- 4 Emil Petrovici, Studii de dialectologie și toponimie, București, 1970, p. 300. Cette affirmation est basée sur la constatation de Șt. Pașca que dans la Țara Oltului les prénoms ("numele de botez") de provenance slave représentent deux tiers (Nume de persoane și nume de animale în Țara Oltului, București, 1936, p. 37).
- 5 Voir I. Pătruț, Are limba română afixe și desinente de origine slavă?; dans Studii de limba română și slavistică, Cluj, 1974, p. 153 seq. (avec des indications bibliographiques).
- 6 Voir A. Meillet-A. Vălliant, Le slave commun, IIe éd., Paris, 1934, p. 368; Franciszek Szawski, Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego, dans Słownik prasłowiański, II, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1976, p. 58-60; I. Pătruț, Studii..., p. 169-171.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦВЕТОБООЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Екатерина Фодор (Eкатерина Fodor)

Многие названия цвета в славянских языках имеют сходную судьбу как в истории развития номинации, так и в дальнейшем развитии их семантической сферы, имея многочисленные лексико-семантические параллели и в других индоевропейских языковых группах. Значительный семантический параллелизм отмечается в развитии цветообозначений в славянских, германских и романских языках; различия касаются способов деривации и словосложения, образования устойчивых словосочетаний¹.

Цветообозначения, важнейший элемент акта коммуникации, культуры, быта народов², поэтики художественного текста, уже давно стали предметом пристального внимания исследователей³, отметивших в качестве отличительной черты этой лексико-семантической группы – динамизм, активное участие в обогащении словаря языка.

Избрав предметом исследования семантическое развитие цветообозначений в русском и польском языках, автор поставила перед собой задачу выявить пути семантического движения цветовых названий в этих языках, названий, являющихся в своих истоках частью индоевропейского словарного фонда. Насколько нам известно, на этот аспект в меньшей мере было обращено внимание компаративистов-семасиологов. В сферу анализа вовлечены не все названия цветов, а лишь названия белого, черного и красного цветов, чаще употребляющихся и характеризующихся разнообразием семантических и деривационных связей. Широко представлены эти названия в славянской мифологии, где выступают в бинарных оппозициях: белый – черный, красный – черный⁴. Триада белый – черный – красный играет немаловажную роль в некоторых примитивных культурах⁵. За пределами работы остаются названия, относящиеся к более узким участкам этой цветовой гаммы, которые указывают или на цветовую насыщенность, или на ее светлоту. Выбор предмета исследования продиктован частично и сжатыми печатными рамками самого сообщения.

В центре внимания автора находится семантическая деривация - расширение сферы значения слов за счет метафорического перекося, позволившего значительно расширить функционально-стилевую область названий белого, черного и красного цветов в русском и польском языках.

Русск. белый - польск. biały

Название восходит к прасл. ^xbělъ, являясь исконно-родственным др.-инд. bhālaw "блеск", лит. balas "белый", лит. bāls, bāls "бледный, блеклый", bālti "белеть", которые продолжают и.-е. ^xbhe-lo-; близко к реконструируемому кельт. ^xbelos "светлый, блестящий" (Трубачев, 2); греч. φάλιος "светлый, белый", кимр. bāl "белозначный", алб. ballë "лоб", др.-исл. bal "огонь", лит. balà "болото", báltas "белый" (Фасмер, 1). Слово представлено во всех славянских языках как название для белого цвета: ср. ст.-слав. бѣлъ, болг. бял, сербохорв. бѐо, чеш. bílý, в.-луж. běly и т.д. Цветообозначение имеет также значительное число лексических и семантических дериватов в современных славянских языках.

Итак, первоначальное значение цветообозначения белый в индоевропейских, в том числе и славянских языках, - "светлый, блестящий". Название широко используется в цветовой символике славянских мифов. Например, конь белой масти появляется у Бога Грозы (Перуна). Как известно, у капитолийского Юпитера в Риме также был белый ритуальный конь⁶. Корень слова присутствует в наименовании бога удачи, света Белобога в западнославянской мифологии⁷.

В древнерусских памятниках письменности название цвета белый - бѣлий - было одним из наиболее употребительных (Бахилина, 23). Оно использовалось для обозначения цвета растений, животных, одежды, как троп в литературных произведениях и т.д. Расширяя круг своих значений, белый становится названием-символом всего возвышенного, а позже - человеческой красоты (ср. белые руки, лицо белое, белое тело и др.).

Широкий круг использования этого названия и его лексических и семантических дериватов в древнепольском языке и его памятниках. Слово

зарегистрировано в формах biały, biała, biało (Sławski). Его дериват białka выступает со значениями "белого хлеба", "белая пшеничная мука" и "женщина" (Sławski). Для последнего использовались и словосочетания biała głowa, biała głowka. Совр. польск. białogłowa (Dobrowzewski) находит соответствие в русск. белоголовка, которое рассматривается М. Фасмером как табуистическая замена слова "женщина" (Фасмер, 1).

Корень слова biał-/biel- входил уже в древнепольском в состав сложных слов или словосочетаний, типа: białogrzuz "белогривый", białopoki "белоногий", białorzut "птица из рода соколиных" и многие другие.

Как близкородственные языки, русский и польский обнаруживают целый ряд семантических параллелей и в последующем развитии терминологических и нетерминологических подсистем. Ср. русск. беляк, польск. biełak, русск. белье, польск. bielizna, русск. белила, польск. bielidło, русск. цинковые белила, польск. biel cynkowa; русск. свинцовые белила, польск. biel ołowiana; русск. беловейка, польск. bieliźniarka; русск. белый стих, польск. biały wiersz; русск. белок, белковина, польск. białko; русск. глазной белок, польск. białko oczne; ср. также прилагательные с корнем бел-/biał-: русск. белесый, беловатый, польск. białawy; русск. белощицый, польск. białolicy; русск. белоперый, польск. białopióry и многие другие. Одинаково активна словообразовательная способность слова белый - biały в обоих языках, что подтверждается большим количеством отыменных и отглагольных образований. Например, в русск. побелка, отбелка, белизна, беловик, беловой, белить, отбелить и т.д.; польск. bielactwo "альбинизм", bielarna "фабрика или цех на фабрике, где отбеливают ткань", białosz "конь белой масти, белый камень", białkować "белить (в строит. технике), направлять еду белком" и др.

Расширение семантической сферы данного названия путем метафорического переноса характеризуется и рядом особенностей: 1) несовпадением объема значений нетерминологического и терминологического типа; 2) различием структур фразеологических единиц. Ср. польск. białogryb "вид

карпа", białoskórnicstwo "скорняжное дело", białozór "крякчет", białozw "белая лошадь, белый камень" и др. Ср. также фразеологизмы: biała broń "холодное оружие", biała rzeź "женщина"; biała kawa "кофе с молоком"; biała karta "чистый лист"; biały grób "иной"; białe świątki "рождественские праздники"; do białego dnia "до утра"; biały jako dołab "седой как лунь" и др. Столь же многочисленны фразеологические образования со словом белый в русском языке, не имеющие соответствующих эквивалентов в польском. Образность фразеологизмов, их связь с историей и культурой народа передаются и специфическими для него языковыми средствами.

Активно расширялся семантический объем слова белый - biały в последние три-четыре десятилетия. Приведем несколько примеров из русского языка: белый враг "сахар и соль"; белая зависть "желание, не сопровождаемое досадой, злобой, обладать тем, что имеется у другого"; белое зерно "рис"; белое золото "бивни слона"; белый панцирь "арктические льды" и др. За это время получили развитие синонимические образования со словом белый: белая жатва, белая страда - "уборка урожая хлопка"; белый дьявол, белая опасность, белая смерть - "наркотики, наркомания". Слово белый вошло в ряд словосочетаний терминологического характера: белый континент "Антарктида"; белая нефть "газовый конденсат, из которого получают бензин, дизельное топливо, керосин"; белая дыра "гипотетический объект Вселенной, представляющий собой результат расширения вещества, находившегося в сверхплотном состоянии"; белая Спартакиада "зимняя Спартакиада" и т.д.⁸

Возникают семантические неологизмы и в польском языке. Например, biały krak "редкость, особенность, уникат"; białe tango "дамское танго"; biały tydzień "неделя распродажи столовых и постельных тканей"; białe szaleństwo "лыжный спорт" и др. (Szymczak).

Количественный рост как семантических, так и лексических дериватов в обоих языках, продолжающий начатую еще в древности тенденцию к расширению, а иногда и переосмыслению семантического потенциала цветных обозначений, подтверждает отмеченную в свое время акад. В.В.Вино-

градовым закономерность существования слова в языке: "Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений"⁹.

Итак, семантическое ядро слова белый - biały "чистый, блестящий, имеющий белый цвет" постепенно обрывает новыми значениями, ассоциативно связанными с ними цветовым или вторичным метафорическим значением. Метафорическая образность направляет семантическое развитие слова белый в русском и biały в польском языке в сторону энантиосемии (опосредованности выражать антонимические отношения в сочетании с определенным кругом слов). Например, в случае русск. белая смерть, белый дьявол, где по традиции при существительном выступало определение черный, как и в совр. польск. biały węgiel со значением "вода как источник электроэнергии" существительное węgiel ассоциировалось ранее с прилагательным szary. Это значение белого цвета, не известное раньше славянскому миру, отсутствует и в цветовой символике примитивных культур. Так, в африканском ритуале идембу все 23 значения белого цвета связаны с понятием блага, счастья, чистоты, власти и т.д., т.е. с понятием о положительном в жизни человека¹⁰.

Русск. черный - польск. szary

Общеславянское название черного цвета возводится к праславянскому *хъръть из *ъръхъть (Фасмер, IY) или более раннему *кърено-кърно-къръно- (Цыганенко). Его общеиндоевропейское происхождение подтверждается др.-инд. kr̥ṣṇān "черный", лит. Kirėnā "название реки", kėr̃šas "черно-белый, пятнистый", kėr̃še "корова-пеструха", kėr̃šis "вол пестрой масти", kar̃šis "лещ", kir̃šl̃iūe "хариуо"; др.-прусс. kir̃span "черный" (Фасмер, IY). Ср. в славянских языках: др.-русс. чрънь, от-слав. чрънь, укр. чорний, блр. чорны, болг. чърн, черен, схр. црн, слов. сгр, чеш. šerň, словц. šaryny, в.-луж. žorny, н.-луж. сарну, полаб. сарне.

В древнерусских памятниках письменности XI-XII вв. цветообозна-

чение черный употребляется для характеристики цвета предметов живой и неживой природы, а в христианской символике – как антитеза белому – для обозначения темных сил (Бахилина, 29–31).

Корень присутствует в названии Чернобог в балтийско-славянской мифологии со значением "злой бог"¹¹. Здесь же слово черный выступает в бинарной оппозиции с красным и белым. Черный ассоциируется с нечистой силой (чертом), у которого глаза красные. Ср. польск. czarny bóg "дьявол", чеш. Černobůh "бог зла, дьявол", полаб. Černoboh "бог зла" (Nitsch).

В древнерусском рано появляются дериваты глагольного типа ПО-ЧЕРНѢТИ, УЧЕРНИТЬСЯ и др. В древнепольских памятниках письменности czarny используется также в многочисленных именах и глагольных дериватах: czarnoksiężnik, czurnice, oczernić (Nitsch) и др.

К числу древнейших значений этого слова относится и значение "нечистый, грязный".

Корни черн-, czarn-/czern – активно используются в деривации и словосложении в современных русском и польском языках. Ср. например; русск. чернявый, польск. czarniawy; русск. черненький, польск. czarnutki; русск. чернобровый, польск. czarnobrewy; русск. чернушка, польск. czarnucha; русск. чернить, польск. czernić и др.

Семантическая деривация цветообозначения черный – czarny образует сложную, разветвленную систему значений. Так, в русском языке слово черный вошло в состав устойчивых словосочетаний: черная изба со значением "курная изба"; черный вход "не главный"; черное крыльцо "не парадное"; черная работа "неквалифицированная, тяжелая"; черный народ (чернь) "люди, принадлежащие к непривилегированным слоям общества в царской России" и др. Значение слова черный переносится и в область моральных ценностей со значением "преступный, злостный, подлый": черная измена, черные силы реакции; со значением "мрачный, безотрадный, тяжелый" – черные мысли, черные дни; со значением "зависимый, несвободный" (в сфере правовых отношений древней Руси) – черный народ, черные крестьяне и др.

Значение "нечистый" активно используется в сфере духовной, ре-

длгозных верований: черные книги "колдовские книги"; черная магия "колдовское искусство"; черный "черт"; черное слово "брань"; черная немочь "припадок эпилепсии" (считалось, что припадок происходит из-за того, что в человека вселилась "нечистая сила") и др. Многие из этих значений получили развитие и в польском языке. Например, czarnoksięski "чернокнижный, чародейский", czarnoksiężstwo "чернокнижие, волшебство, магия, колдовство", czarnoksiężnik "чернокнижник, волшебник, колдун, чародей"; czern "чернь, сброд, толпа"; czernowidz "пессимист", czernowidztwo "пессимизм". Среди значений слова czarny, характерных для современного польского языка, найдем и такие, как: "грязный, испачканный", "плохой, враждебный, злостный", "горестный, неудачливый", "зловещий, беспокойный" и др. (Dorowzewski, Szymczak): czarne pręsa, robota "черная, неквалифицированная работа"; czarna niewdzięczność "черная неблагодарность", czarny charakter "злой характер" и т.д.

Семантические неологизмы, возникшие в результате метафорического или метонимического переносов, значительны и в новейший период развития обоих языков. Например, русск. черная волна "волна, несущая нефть и мазут"; черная дыра "пустотка звездного вещества"; черный ящик "объект, явление, внутренний механизм которого неизвестен"; польск. robi czarnej, mała czarnea, duże czarnea со значениями "полчашечки", "маленькую чашечку", "большую чашку черного кофе"; czarna kawa "люди, собравшиеся на чашку черного кофе" и т.п.

Сохраняя исходное значение цвета и переносные значения, слово czarny стало активно использоваться в терминологических подсистемах, в области фразеологии: czarniak "рыба из семейства Gadusviniens"; czarnuszka "название растения из семейства Nigella" и др.; czarnym szlakiem "украдкой, тайно"; czarne bractwo "орден иезуитов" и т.д.

Русск. красный - польск. czerny

Слово красный как цветообозначение является вторичным в русском

языке. В Словаре Срезневского найдем названия чървленъ, чърмънъ. В памятниках XVII в. встречается и слово червчатый. Наряду с этими названиями входит в языковой обиход слово красный, а к концу века оно становится обозначением для красного цвета.

Общеславянским корнем названия красного цвета является Хъръвь со значением "червь" (ст.-слав. чръвь, др.-русс. чръвь). Он родотвенен лит. kirmlis "червь", др.-инд. kr̥m̥is "червь, личинка", нов.-перс. krīm, ирл. cruim, алб. krimb, с тем же значением. Речь идет о разновидности червей, из которых в древности добывалась красная краска. Ср. народнолат. vermiculus "красный" от vermiculus "червячок, кошениль", из которого добывали пурпурную краску (Фасмер, IУ). Название встречается в современных славянских языках: болг. червен, схр. црвен, црѣвен, слов. črlijen, чеш. červený, словц. červený, в.-луж. čerwjeny, н.-луж. čerwenu. Слово послужило основой при образовании названий летних месяцев июня и июля: др.-русс. чървень, чървьць "июль"; укр. червень, червець "июнь"; др.-чеш. červen "июнь"; červen druhý "июль", чеш. červen "июнь"; чеш. červenec "июль"; польск. czerwiec "июнь". Названия связывали с тем, что в этом месяце собирали кошениль.

Параллельно с древнейших времен существовало название для красного цвета в форме др.-русс. чърмънъ, др.-сербск. чрман; с ним связано название реки на территории Югославии Црница; словен. črmljén "красный". Оно восходит к праславянскому Хъръмъ "червь"; ср. также словен. črt "карбункул, червь".

В мифологии славян и балтов красный цвет выступает в бинарных оппозициях с белым или черным цветом, соответственно символизируя, как и в примитивных культурах, добро или зло.

В русском языке, как отмечалось выше, уже в XVII веке происходит замена старого названия новым - красный -, имеющим ранее значения "красивый, прекрасный, великолепный, отличный, драгоценный", сохранившиеся в названии Красной площади в Москве, в словосочетаниях красна девица, красный угол, в обозначении ценных сортов чего-нибудь: красная рыба, красный зверь и под. Возникает большое число названий оттенков красного

цвета¹⁵. Слово активно вовлекается в словообразовательный процесс. Формируется новое значение "революционный, передовой", нынешнее отражение в таких словосочетаниях, как: Красная армия, Красная гвардия и др. В последние десятилетия слово красный стало выступать с такими значениями, как: "исключительный, образцовый, торжественный, инициативный". Например: Красная книга "издание, осуществляемое Международным союзом охраны природы и природных ресурсов, содержащее сведения о редких видах животных и растений мира; собрание подобных сведений по какой-либо области, части страны"; красный рейс "образцовый рейс автомашин"; красный стык - красный шов "соединение двух последних труб при прокладке газо-, нефтепровода, событие, торжественно отмечаемое строителями".

Цветовое обозначение красный - czerwony обладает словообразовательной продуктивностью в обоих языках. Ср. русск. красить, польск. czerwienić, русск. краснеть, польск. czerwienieć się, русск. краснокожий, польск. czerwonoskóry, русск. краснота, польск. czerwonoba и др. Различия отмечаются в образовании терминологической лексики. Ср. czerwik "название дерева из семейства Erythroxylon", czerwonak "фламинго", czerwonec "разновидность мха из семейства Ceratodon purpurens", czerwotka "дизентерия" и др. Как и русский язык, польский развивает у слова czerwony значение "революционный, левый, передовой" (Doboszewski).

Итак, семантическое развитие цветовых обозначений белый - biały, черный - czarny, красный - czerwony, с одной стороны, продолжает древнейшую систему цветовых обозначений и цветовой символики, а с другой, - идет по пути расширения сферы метафорического переноса в сторону терминологических и нетерминологических подсистем. В свою очередь, метафорический перенос имеет как бы дихотомический характер: 1) в его основе лежит ассоциация по цвету; 2) или ассоциация с метафорическим значением, возникшим еще в древнейший период развития обоих языков.

Принятые сокращения

Бахилина - Бахилина, Н.Б., История цветовых обозначений в русском языке, Москва, 1975.

Doroszewski = Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, t. I-IX, Warszawa, 1958-1969.

Nitsch = Słownik staropolski, red. K. Nitsch, Z. Klemiensiewicz, J. Safarewicz, t. I, zeszyt 2, 5, Warszawa, 1953, 1955.

Sławski = Słownik prasłowiański, pod. red. Fr. Sławskiego, t. I-V, Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk, 1974-1984.

Словарь Срезневского - Срезневский, И.И. Материалы для Словаря древне-русского языка, т. I-III, Москва, 1958.

Трубачев - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, сост. О.Н.Трубачев и коллектив, вып. I-X, Москва, 1974-1984.

Фасмер - Фасмер, М., Этимологический словарь русского языка, перевод и доп. О.Н.Трубачева, т. I-IV, Москва, 1964-1973.

Цыганенко - Цыганенко, Г.П., Этимологический словарь русского языка, Киев, 1970.

В работе использованы данные и других толковых, исторических и этимологических словарей русского и польского языков. Это специально не оговаривается, поскольку их данные совпадают с материалом вышеуказанных лексикографических работ.

Примечания

- 1 См. В.А.Москович, Статистика и семантика, Москва, 1969, с. 21-23.
- 2 Интересное исследование цветовой символики в примитивных культурах Африки проведено В.У.Тернером - Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала идембу), "Семиотика и искусствознание", Москва, 1972, с. 50-81.
- 3 Например, не утратили своего информативного значения работы, опубликованные в конце XIX века: S.Fl. Marian, Cromatică poporului român, București, Tipografia Academiei Române, 1882; В.И.Шерцль, Название цветов и символическое значение их, "Филологические записки", Воронеж, 1884. Большое количество работ по цветообозначениям появилось в различных отраслях за последние несколько десяти-

- детей. Укажем на некоторые из них: Р.М.Хилл, Die Farbenwörter der russischen und bulgarischen Schriftsprache der Gegenwart, Amsterdam, 1972; Angela Bidu-Vrânceanu, Analiza structurală a vocabularului limbii române contemporane. Numele de culori, București, 1976; Н.Б.Бахилина, История цветообозначений в русском языке, Москва, 1975; Светлана Бекова, Семантико-стилистический анализ слов со значением цвета, Прага, 1977; Р.В.Алиппиева, Семантическая значимость слова и структура лексико-семантических групп, Ленинград, 1986, и др.
- 4 См. более подробно: В.В.Иванов, В.Н.Топоров, Исследования в области олавянских древностей, Москва, 1974.
  - 5 См. упомянутую работу В.У.Тернера.
  - 6 Мифы народов мира, под ред. С.А.Токарева и др., т. I, Москва, 1980.
  - 7 Там же, с. 167.
  - 8 Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов, под ред. Н.З.Котеловой, Москва, 1971, и выпуски, появившиеся в печати в 1978-1984 гг.
  - 9 В.В.Виноградов, Основные типы лексических значений слова, в сб. Избранные труды. Лексикология и лексикография, Москва, 1977, с. 164.
  - 10 В.У.Тернер, указ. раб., с. 56-57.
  - 11 Мифы народов мира, т. II, с. 625.
  - 12 Например, Р.В.Алиппиева в своей монографии Семантическая значимость и структура лексико-семантической группы приводит следующие названия оттенков красного цвета в русском языке: алый, багряный, багровый, вишневый, клюквенный, кровавый, кумачовый, киноварный, малиновый, пурпурный, пунцовый, огненный, пламенный, розовый, рдяный, рубиновый, шарлаховый.

О СЛОВАРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Мария Думитреску (Maria Dumitrescu)

Современный этап в развитии языкознания характеризуется возросшим интересом к слову, к лексике вообще, а это отражается на уровне научной продукции появлением ряда специальных работ¹, словарей (порой — новых как тип)². Поиски в этой области велись издавна³, во последние десятилетия определяли весьма четко проблемы, связанные с ростом инвентаря, с возможными частными явлениями моделирования лексики, в частности, лексики русского языка, и с аспектами совершенствования средств, предназначенных для осуществления коммуникации. Довольно часто такая деятельность приводила и приводит неизбежно к желанию посмотреть и оценить имеющееся уже либо на уровне отдельного текста, либо на уровне произведений одного писателя.

Цель настоящего сообщения — доказать, что лексический фонд выбранного нами писателя соотносим с литературным языком XIX века и что этот фонд может быть организован в виде словаря.

Естественно, и в случае лексики произведений В. Маяковского, как одного из лучших писателей первой половины XIX столетия, можно говорить о тесной связи лексических элементов с литературным языком, воплощением которого выступает лексика произведений поэта.

Произведения В. Маяковского наглядно показывают, как функционировал литературный язык, как к нему относился автор и насколько предпринятые им попытки обновления увенчались успехом. Многое в этой области уже исследовано⁴.

Подход и решение не новой проблемы на уровне современного исследования, надеемся, поможет выявить новые аспекты.

В качестве иллюстративного материала были взяты произведения, включенные в 10-й том сочинений В. Маяковского⁵. В данном томе (он был нами выбран потому, что выписанный по этому тому материал был уже организован в алфавитном порядке. Том содержит более 5000 единиц по

страна
 решает
 миллионнолобая (с. 138).

В-третьих,
 комбинируя
 мало-помалу

систему
 рычагов и домкратов, -
 изобретите
 "автомехановышиблу"

Для
 вышибания бюрократов (с. 82).

...

... изобретите
 "антиволокиитоапарат"... (с. 83).

Возможности словообразования не упускались поэтом, а с особой частотой им использовались новые образования. Здесь следует уточнить тот факт, что В.Маяковскому удалось раздвинуть рамки гнезда слов (ср. европа, европейски; зуб, зубы, зубы-вилки, зубной, зубастее; лошадь, лошадка, лошадиный, лошажье; читать, читатель, читах; затруднения, затрудненьца, затрудненьца, затрудненьшки).

В случае префиксации (например, безножье, обэстетился, разужасная, разупорствовать, разэлектричь, расфабричь), суффиксации (например, паспортина, баррикадина, изпачи, горластый, моторист, скандалист, стоэтажный, генеральствовать), сложения (например, медногорлый, нежно-голосый, свинцовоночь, мирозвоны, двухметроворостый) и образования различных единич, представляющих случаи в рамках процесса субстантивации (например, исты, истры, совторгслужащий) или иллюстрирующие явления сращения (например, антиволокиитоапарат, автоуховерт) появляется много новшеств. В тексте произведений В.Маяковского встречаются и единицы, созданные на основе использования заимствований и аббревиатур. Заимствования восходят к лат., фр., итал., исп., англ., нем., славянским языкам (например, грандисоье, капюсин, карнавалово, кор-

тежка, ком-ватор-пас, мадамье, палаццо, разгильдяйство, поэзи, рю, включая и образования с начальным ф- типа фокстротит). Что касается использования аббревиатур, то здесь количество превосходит все ожидания (например, главнезаведующий, главрепетком, губкомовские, Гэжэ, ГУМЗ, КИМ, нэлаци, исправдом, промфинплан, наркомост, МОПР, севкавгоссахзавод и др.).

Автором были созданы и использовались также словоформы ряда грамматических категорий (например, расфабричь, разэлектричь, ждань, чемберленичь), и значительно реже использовались диалектальные единицы (например, копечно, легше, охоче, сыграну-ка, тыщи, тратьте-ка), как и элементы церковнославянского пласта лексики (напр., притча, пре-чистая, праздник, церковь).

Без всякого сомнения нововведения В.Маяковского в большей своей части остались принадлежностью определенных произведений, т.е. они не стали частью всеобщего словаря говорящих по-русски. Часть языковых нововведений отражает социальное движение, а часть — желание автора выделить то или иное явление, тот или иной факт, предмет мысли, объект действительности, повседневной жизни общества. В произведениях В.Маяковского закрепились как в документе единицы лексики, свойственные 20-30-ым годам XX века, и их особо следует ценить. Они являются свидетельством сдвига в общем историческом процессе развития. Сказанное следует дополнить тем, что все то, что встречается у В.Маяковского (общее и частное), необходимо издать в виде словаря. Если для первой половины XIX века существует Словарь языка Пушкина⁷, то для XX века (его первой половины) необходим Словарь языка произведений Владимира Маяковского.

О роли писателя в развитии художественных средств и лексики литературного языка можно судить объективно на основе словаря языка его произведений. Словарь будет в полной мере способствовать более глубокому и полному пониманию текста и, следовательно, более полному

и точному переводу на основе правильного толкования той или иной единицы или словоформы. Подобный словарь явится вне всякого сомнения и словарем речи и эта речь сопоставима с литературным языком на всех уровнях. Реальные возможности каждого уровня языка (от образовательного, грамматического, стилистического) выражаются в реэвой системе писателя определенного периода, в нашем случае В.Маяковского, в большей степени интересно явление моделирования и подход автора к слову, к комплексной единице (напр., ветер-игрун, война-метелица, шурья-молын, земля-старик, песенно-есенинный, амурно-лировая) и словосочетанию, что можно проиллюстрировать множеством примеров:

Мой стих дойдет
 через храбры веков
 и через ролы
 поэтов и правительств.
 Мой стих дойдет,
 но он дойдет не так, -
 не как стрела
 в амурно-лировой охоте ... (261).

когда
 война-метелица
 придет опять -
 должны уметь мы целиться,
 уметь стрелять (264).

Индивидуальное в пределах словаря предстоит особо отметить графически, и правая сторона словарной статьи должна включать не только помету (что само-собой разумеется), но и точное скатое укзание на особенность(и) единицы. Наличие словаря даст возможность не только объективно судить о языке писателя, но и приступить к услодованию этого богатства на современном уровне и сделать подходящие выводы. задачи словаря в данном случае определяются необходимостью выявить все стороны функционирования литературного языка, общий вклад писателя на уровне языка, "чтение" слова и возможное его исследование с тем, чтобы следующее "чтение" было соразмерным с желанием автора произведе-

ния. Отношение к норме(-ам) литературного языка периода должно быть выделено также через призму стилистической системы автора и литературного языка в целом.

В необходимости такого издания мы убедились и приступили к созданию картотеки такого труда⁸. Рано предсказать в настоящее время, появится ли словарь (в настоящем смысле слова) или только перечень единиц, содержащихся в указанных 13-ти томах Сочинений автора. Почти половина материала имеется уже в виде карточек (тт. 8, 9, 10, 11, 12 - полностью; из остальных томов выборка проводилась в пределах 50-100 страниц). Эффект от проделанной работы представляется положительным: авторы выписок считают, что такой труд позволяет лучше познать поэта и в ряде случаев - судить о возможности перевода на румынский язык или на другой любой язык.

Сопоставление текста В.Маяковского с существующим переводом на румынский язык привело к ряду наблюдений и выводов. В румынском переводе чувствуется стремление передать не только содержание стихотворений, но и (иногда в первую очередь) художественные особенности данных произведений. При параллельном чтении подлинника и перевода можно легко отметить, что самые большие трудности, стоящие перед переводчиком⁹ при передаче на румынский язык, связаны с инновациями В.Маяковского или со стилистически окрашенной лексикой. Возникнувшие проблемы получили неодинаковое решение: иногда создавались новые слова (1), а иногда использовалось описание (2); наряду с указанными случаями можно отметить и полное отсутствие при переводе какой-либо авторской единицы (3). Примерами могут служить следующие отрывки:

1. Переводчик под влиянием русского текста решил задачу перевода путем создания новой единицы (подчеркнуто в тексте):

... в лоценом хамье (63).	... <u>lîngă bătărănetul prosper</u> (549).
... Старья <u>дирозвоны</u> (74).	... <u>îi ridicădrăngălăii</u> (559).
... чтоб трубадуры	... cînd este
не стали	poet

"трубо... un trompet mocofen
раз- nici răs-trubarudo-trompet (584)
трубо-дураками" (143).
... тебе ... înmonumentăți
века în distincții
возмонументят награду (74). prin veacuri (560).

2. Вместо инноваций В.Маяковского переводчик предлагает иногда удачный описательный вариант с использованием других частей речи:
Темно свинцовоночь (128) Plumb duce noaptea în straițe (578)
Мне наплевать на бронзы многопудье (284). Nu dau un ban pe tonele
de bronz mătăhălos (17).

... стих раскрежеченный (65). ... versul-scrișnet (552).
Тинтиндликел Tin-tin-tin
мандолиной, din mandolină,
дундунал виолончелью (112). don-don-don,
ton
bariton (568).

3. В ряде случаев переводчику не удалось передать яркости стихов подлинника или стилистически окрашенных слов и инноваций поэта:

... с шеей разжемчуженной, Perle la gât,
разбриллиантненной brillante la mîni c-ar avea (549).
рукой (63).
распробабкиной техники Tehnica veche
скидыввей хлам (163). nu ne ține de cald (586).
Отбросим ... vom rupe
войны războiului
штыкастые щупальцы (59). orice tentacul (548).

Думается, что организация материала в виде индекса с выделением инноваций (они будут отмечаться графически и будут сопровождаться минимальной иллюстрацией) стоит ближе к нашим реальным возможностям. Иллюстрацией к сказанному служит прилагаемый список (Приложе-

ние) единиц по 10-ому тому на букву А. Показать истинное положение дел в пределах словарного состава, словообразования, морфологии и синтагматики текста произведений Б.Маяковского нам представляется современным только при наличии всех данных. Это приведет и к выявлению механизма моделирования, того, что отличает фактически Б.Маяковского от других поэтов первой Половины XX века.

Новаторство - ярчайший пример умения моделировать язык, пример полного владения им. Суметь проявить способность моделирования в поэзии - не только дар, но и огромнейший труд ("поэзия - одно из труднейших производств").

Библиография и примечания

- 1 Ф.П.Филин, О словарном составе языка великорусского народа, "Вопросы языкознания", 1982, 5; его же, О некоторых особенностях лексики восточнославянских языков, ВЯ, 1983, 1.
- 2 Новые слова и словари новых слов, АН СССР, отв. ред. Н.Э.Котелова, Ленинград, 1978; Новые в русской лексике. Словарные материалы-77. Под редакцией Н.Э.Котеловой, Москва, 1980 (серия). Для настоящего сообщения привлекались также: Словарь современного русского литературного языка, тт. 1-17, Москва, 1950-1965; Словарь русского языка, тт. I-IV, издание второе, исправленное и дополненное, АН СССР, Институт русского языка. Под редакцией А.П.Евгеньевой, Москва, 1981-1984.
- 3 Очерки лексикографии языка писателя (двуязычные словари). Отв. ред. А.В.Федоров, Ленинград, 1981.
- 4 Э.Паперный, О мастерстве Маяковского, Москва, 1953; В.П.Гончаров, Поэтика Маяковского, Москва, 1983.
- 5 Владимир Маяковский, Полное собрание сочинений, том десятый, 1929-1930. Стихи детям 1925-1929. Подготовка текста и примечания С.А. Коваленко, Москва, 1958.
- 6 Слово употребляется со значением "придать особую форму, изменение по определенной модели со стилистической целью".
- 7 Словарь языка Пушкина, АН СССР, Институт языкознания, отв. ред. В.В.Виноградов, тт. I-IV, Москва, 1956-1961.

- 8 При составлении картотеки по языку произведений В.Маяковского участвовали преподаватели: **Т.Симула**, Н.Клем, И.Витязов, Эмилия Ликэ, Килия Станчу, Диана Бинцелер, Луминица Булински, С.Грималски, Флорина Мохану, Параскива Шербэнеску.
- 9 В скобках указаны с. по 10-ому тому сочинений В.Маяковского и по изданию V.Maiakovski, Versuri, ed. îngrijită de Cicerone Teodorescu, Bucureşti, 1964.

ЛЕКСИКА РУССКИХ (ЛИПОВЯНСКИХ) ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РУМЫНИИ

Андрей Иванов, Феодор Кириля (Andrei Ivanov, Feodor Chirilă)

Равногласия, возникшие в среде русского духовенства в середине XVII в. (1654 г.) относительно выдвинутой патриархом Никоном необходимости реформирования некоторых сторон духовно-религиозной жизни (и прежде всего необходимости устранения различий, появившихся в течение более ста лет в русских богослужебных книгах по сравнению с их греческими оригиналами), привели к расколу в Русской Православной церкви того времени: все её служители с течением времени разделились на приверженцев намечавшихся изменений в богослужебных обрядах и на их противников (иначе - раскольников или старообрядцев). А когда к сугубо религиозному фактору несколько позже добавился и протест со стороны определенной части крестьянства, консервативного боярства и духовенства против гражданских и государственных преобразований Петра I и, что не менее важно, крестьянский протест против растущего гнёта, то преследуемые властями русские староверы вынуждены были искать себе убежище за пределами России, в том числе и в Румынских княжествах.

Так в основном, объясняется пребывание русских старообрядцев на территории современной Румынии - в её северо-восточной (молдавской) и юго-восточной (добруджской) областях¹.

Отделившись, таким образом, более чем 250 лет тому назад от общенационального языка в силу упомянутых выше условий и оказавшись в совершенно ином языковом окружении, говоры русских старообрядцев (иначе - русские диалектные говоры или, по местному названию, липовнянские говоры) вошли в новое для них русло развития, став говорами островного типа². Свообразная их эволюция касается, хотя и не в одинаковой мере, всех уровней и прежде всего лексического, как наиболее восприимчивого к экстралингвистическим изменениям.

Данная статья является результатом анализа лексики десяти

добруджских и семи молдавских поселений: Каркалуу (родной говор авторов), Килия Веке, Журиловка (в настоящее время Униря), Махмудия, Мила 23, Периправа, Сарикёй, Слава Черкеза, Сфитовка - уезда Тулча и, соответственно, Братешть, Тыргу Фрумоз - уезда Яосы, Думаска - уезда Васлуй, Климеуць, Липовень, Маноля - уезда Сучава, Писк-Браила - уезда Браила. К анализу дополнительно были привлечены говоры старообрядческого населения, проживающего в городах Васлуй и Роман. Некоторые липованские говоры явились уже предметом отдельных исследований авторой данной статьи,³ в основном на уровне грамматики и лексики, но и других уровнях⁴.

Лексический состав рассматриваемых говоров весьма разнообразен с точки зрения происхождения: наряду с основным пластом, унаследованным из общерусского языка, он содержит лексические элементы украинского, польского, турецкого, татарского, болгарского и, естественно, румынского происхождения.

Изменения в окружающей действительности нашли яркое отражение в лексике липованских говоров. Три основных явления наблюдаются в этой связи: 1) выход из употребления слов, обозначающих уже несуществующую действительность или вытесненных взаимовыменяемыми синонимами; 2) появление новых слов (путём лексических инноваций и заимствований) по мере развития самой действительности и обогащения жизненного опыта самих носителей говора и, наконец, 3) семантические изменения у некоторых лексем.

Итак, благодаря наличию трёх хронологически различных категорий слов, унаследованных из общерусского языка, образованных с помощью соборных ресурсов и заимствованных из других языков или говоров, структура липованских говоров приобрела специфический колорит. Анализ каждой из них даст, надеемся, представление о состоянии лексики липованских говоров наших дней.

1. Первая категория слов состоит из русского фонда, отражающего глубоко укоренившиеся отношения между членами соответствующего

этнического коллектива, названия предметов и понятий, находящихся в постоянном употреблении. Сюда же входят и лексические элементы книжно-славянского, тюрско-татарского, украинского и польского происхождения, вошедшие в общерусский язык задолго до поселения старообрядцев на новых территориях. Примерами слов из древнего лексического фонда могут служить: хлеп⁵ /хлеб/, вада /вода/, мѣтка /мать/, ба́тька /отец/, брат⁶, сѣстра /сестра/, зямля /земля/, дра́ка, члѣвѣк /человек/, кврѣѡа /корова/, окака́ть /плясать, танцевать/, рабѣтъѣ /работать/, уно́га /много/, ба́ски(и) /бабский/, бе́ли(и) /белый/, кѡкѡрка, о́вяха́тъ /брехать/, ура́х /враг/, абѡх /обух/, зѣна /ожерина/, касау́лѣтъ /сторожить/, арми́ни /армянин/ и др.

Слова данного типа составляют основную массу словаря липованских говоров. По нашим предварительным подсчетам – это 70–75 % из всего лексического запаса.

Анализ унаследованной из общерусского языка лексики позволил выявить наличие в речи нынешнего липованского населения значительного количества слов, происхождение которых следует искать в лексических системах, вероятно, средизвеликорусских говоров. Речь идет о наличии, особенно в добруджских липованских говорах, лексических синонимов типа хѡнка-баба-хѡя́йка, баба-жѣнщина, ба́йѣнка-аѡѡчка, ку́кишка-дѡѡя, ѡѡднѣ-ѡѡдичи, у́дѡл-кут и др. Данный лексический факт находит себе подтверждение и на уровне фонетики и грамматики этих говоров, в основном южновеликорусского происхождения. Среди липован это, прежде всего, потомки выходцев из старообрядческих колоний, покинувших Россию только по религиозным причинам, и бывших казаков-некрасовцев, оставивших Россию по политическим убеждениям⁷.

Более точные суждения в этом отношении можно будет высказать лишь после того, как выйдут в свет запланированные тома Словаря русских народных говоров (до настоящего времени было опубликовано 17 томов)⁸ и Атлас русских народных говоров⁹.

Освоение книжнославянской лексики происходило в результате непосредственного контакта русских старообрядцев с рукописными и печатными религиозными книгами до и после поселения на новой территории. Сопоставляли этому церковь, действовавшие некогда старообрядческие приходские школы и не в последнюю очередь религиозные праздники, занимавшие важное место в духовной жизни липован. Наличие данного типа слоя отмечалось и в конвергентных русских говорах¹⁰. Примером могут служить следующие лексемы: младенец и маладэнец /младенец/, алтáрь, девица, отрык /юноша/, божицы /клясться/, абэдня /обедня/, ба́тошка, поп, ате́ц /отец/ и др.

Можно предположить, что слова украинского и польского происхождения, бытующие в липованских говорах, были известны их первоначальным носителям вследствие прямых или опосредственных языковых контактов с соответствующим населением ещё до их поселения на современной территории. Как доказательство, подавляющее большинство этих слов наличествует и в конвергентных южновеликорусских говорах. Приведём несколько примеров: хло́пци (укр. хлопець; польск. chłopiec) "мальчик, юноша, парень", обл. хлопец (Даль, IV, с. 551); тро́хи, тро́шки (укр. трохи, польск. trochę) "немного, немножко, чуть, чуть-чуть", обл. трохи, трошки (Даль, IV, с. 435); да́ть (укр. обл. давати, польск. dać) "заботиться, приобретать", обл. давать (Даль, I, с. 416, СРНГ, VII, с. 280); го́дя (укр. годі, обл. годя - Гр., I, с. 298) "будет, хватит, довольно, полно", обл. годя (СРНГ, VI, с. 267); крина́ца (укр. криниця, польск. krucica) "колодец", обл. криница (Даль, II, с. 195); барабу́ля (укр. обл. барабуля - Гр., I, с. 28) "картофель", обл. барабуля (СРНГ, I, с. 102); рятава́ть (укр. рятувати) "спасать, выручать" и др.

Пути проникновения тюркизмов (тюрко-татарских слов) в липованские говоры разнообразны. В массах этих слов выделяются хронологически последовательные лексические наслоения, первое из которых уходит своими корнями в далёкое прошлое и имеет соответствия в общерусском языке.

Следовательно, слова этого слоя были заимствованы до переселения русских старообрядцев за пределы западной России. К этой категории слов относятся: армуде (татар. ermud - Даль, I, с. 23; СРНГ, I, с. 276) "айва"; зимбил (татар. zimbil, Даль, I, с. 683) "козина из рогаза"; баран (татар. bärän, - Даль, I, с. 47; Дм., с. 19); баштан (татар. bošten) "бахча", обл. баштан - Даль, I, с. 40, Дм., с. 20); щерб (татар. şirbe) "уха", обл. щерб - Даль, IV, с. 655; Радлофф, 3, с. 2021); баклажани (тур. нар. patliğ'en) "помидор", обл. баклажан - Даль, I, с. 36, СРНГ, I, с. 59, Дм., с. 18); казна (тур. kezne) (общерусск. казна, Даль, II, с. 74; Дм., с. 19); сазан/тур. sezən (общерусск. сазан - Дм., с. 21, Даль, IV, с. 129); эрик (тур. ıarık, обл. эрик - Даль, I, с. 251, СРНГ, IX, с. 26) "старица"; узкий глубокий пролив; канал"; чубук (тур. şubuk, обл. чубук, Даль, IV, с. 611, рум. ciubuc) 1. "чубук, трубка для курения"; 2. "виноградная лоза" и другие.

Данные заимствования, являющиеся составными элементами общенационального русского языка, пользуются в говоре широким употреблением и высокой частотностью, что говорит в пользу их реликорусского происхождения.

II. Второй лексический слой - это в основном большое количество слов, заимствованных не новой, чужой для них территории. Источниками заимствований послужили румынский язык, украинские, болгарские и турецкие говоры, а также, после 1944 года, русский литературный язык, так как слова, вошедшие из русского языка в условиях дивергентного говора, следует считать заимствованиями¹¹.

Среди заимствований из румынского языка выделяются более давние слова и слова, вошедшие в говоры в последние 40 лет и превышающие в количественном отношении возбудующие в них лексические элементы вместе взятые.

Первый период заимствований из румынского языка начинается о момента поселения русских старообрядцев на новой, румынской террито-

рии. Можно предполагать, что первоначально процесс заимствования не был интенсивен из-за изолированности от окружающей лингвистической среды, характеризовавшей образ жизни первых переселенцев. В силу действовавших долгое время собственных религиозных догм староверы избегали браков с иноверцами, что, естественно, привело к замкнутости, некогда свойственной и староверам на территории России¹².

С течением времени контакты между пришельцами и местным населением расширяются, вследствие чего и пополнение словарного запаса липованских говоров румынским лексическим материалом набирает более быстрые темпы. Сегодня заимствования, относящиеся ко времени, поздний предел которого доходит вплоть до 1944 г., характеризуются широким употреблением, будучи известными всем носителям говора без различия пола или возраста. К данной категории слов относятся: андилем (рум. *untdelemn*) "постное масло"; актдинаштир (рум. *act de nastere*) "свидетельство о рождении"; папуша (рум. диал. *părușă*) "кукуруза"; папушойа (рум. диал. *părușoi*) "стеблик кукурузы"; мамалига (рум. *mămăligă*) "мамалыга" (каша из кукурузной муки); малай (рум. *mălăi*) "кукурузная мука"; арес, род. п. арезу (рум. *orez*) "рис"; прима-ция (рум. *primărie*) "сельсовет, примария"; примарь (рум. *primer*) "председатель сельсовета; примарь"; макан (рум. *moșen*) "горец-чабан, овчар"; шаврон (рум. *șorpon*) "навес, сарай" и многие другие.

Второй период заимствования из румынского языка охватывает последние четыре с половиной десятилетия, характеризующиеся собой интенсивностью данного процесса. Заимствуются слова не только вследствие непосредственного и постоянного контакта носителей говора с живой речью румынского населения в условиях совместного труда на различных строительных объектах, но и в результате воздействия румынского литературного языка посредством школы, военной службы, средств массовой информации. Румынские слова, вошедшие за этот период в словарь липованских говоров, обозначают либо новую действительность,

либо уже известную, привносся в обозначение последней дополнительные смысловые оттенки, создавая синонимические пары. Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами: а) кумпаратива (рум. cooperativă) "потребительский кооператив", шушава (рум. sosea), кунчѐт (рум. concediu) "отпуск", багоза (рум. betoză) "молотилка", дириджѐнт (рум. diriginte) "классный руководитель"; б) учѐтиль "учитель" = инвацѐтор (рум. invăţător); сарѐй = шапрѐн (рум. şapron); вираплан (рум. aeroplan) = авиѐн (рум. avion) "самолет", устар. "аэроплан"; омакѐтка = бичиклѐта (рум. bicicletă) "велосипед"; лѐфа (рум. leaţă) = салѐр (рум. salariu) "зарплата"; раабрѐаны = дискурѐаны (рум. a se desurca) "выпутаться, разобратся"; развѐсны = диварѐаны (рум. a divorţa) "развестись"; при(д)сидѐтиль = пришидѐнт (рум. preşedinte) "председатель"; курѐлѐй = пѐзник (рум. peznic) "сторож" и др.

Тот факт, что заимствования из украинского языка, имевшие место уже в условиях островных говоров, не засвидетельствованы в диалектных лексикографических работах русского языка, подтверждает их сравнительно недавнее проникновение в липованские говоры как результат общения с носителями украинских говоров на территории Румынии. Сравни: пятлѐўка (укр. петлявка) "мелко измолотая белая мука"; рѐзым (укр. розым) "ум"; отѐрѐя (укр. сторія, Гр., IV, с. 210) "происшествие, история", ритаваѐть (укр. рєтовати) "списать"; дѐбри (укр. добре) "хорошо" и др.

Рыболовство — основное в прошлом занятие липован Добруджи — способствовало установлению и поддержанию коммерческих отношений с проживавшим некогда на этой части территории турецким населением в условиях турецкой администрации и привело к усвоению хотя и немногочисленных, зато прочно укоренившихся в словарном запасе туркизмов, обозначающих в основном понятия из области администрации и рыболовства. Правда, некоторые из них бытуют и в словаре румынского языка, полностью или частично совпадая в своей форме с липованскими вариантами. При всѐм этом мы склонны считать, что заимствование происходило непосредственно из первоисточника. В основе данного мнения лежит историческая действитель-

ность, а именно: добруджские липоване, как, впрочем, и коренное румынское население, находилось под столетним османским владычеством и, следовательно, в ситуации непосредственного территориального и языкового контакта с носителями турецких говоров. В этих условиях население черпало нужный ему иноязычный материал непосредственно из первоисточника¹³. Учитываем также тот факт, что немалое количество данных заимствований сохранило неизменный свой первоначальный облик. Приведем несколько примеров: баџа (тур. bağ, Радлофф, IV, с. 1448) "виноградник"; кураджэй (тур. kuraj - Радлофф, II, с. 924) "столовая"; чикёр (тур. çikir, Радлофф, III, с. 2112; польск. sukier, укр. цукор "сахар" ("конфеты"); нахут (тур. nohut, Радлофф, III, с. 694; ср. рум. năut) "нут"; баджик (тур. bağık, Радлофф, IV, с. 1522) "труба дымовая"; кирџана (тур. kerhane, ср. рум. диал. chirhane, Тиктин, IV, с. 356, рум. лит. cherhane, DEH, с. 144) "рыбоприемный пункт" и др.

Нередко установление источника заимствования слов представляется весьма затруднительным, а подчас и невозможным. Это так называемые слова многозначного заимствования. В нашем случае речь идет о ряде слов турецкого происхождения, бытующих в липованских говорах, румынском и болгарском языках. Приведем несколько примеров: калабалик (тур. kalabalık, тат. kalabaluk, Радлофф, II, с. 233; рум. calabalik, DEH, с. 107; болг. калабальк I. "множество, масса, толпа; беспорядок", БТР, с. 275; рус. диал. калабалнк, Фасмер, I, с. 506; укр. калабалик, Гр., II, с. 209; 2. "пожитки, манатки, шмоть"); юка (тат. юкка, тур. юкка; рус. диал. юко, Даль, II, с. 664, Фасмер, III, с. 129, укр. юко, юка, Гр., III, с. 47, рум. обл. оса, осаца "килограмм"; папуц (тур. parus, рум. parus, болг. папук, мн. папуци) "туфель"; кантарь "весы" (тур. kantar, рус. диал. кантар или кантарь, Даль, II, с. 152; укр. кантарь, Гр., II, с. 215, рум. cihtar, болг. кантар); чамур "глинобитная стена (стена из смеси глины, навоза и соломы) (тур. çamur, рус. диал. чамур, Даль, IV, с. 581; укр. чамур, Гр. IV, с. 444; рум. обл. сеамур, DEH, с. 130; болг.

чамур, ВТР, с. 940).

После исторических событий 1944 г., имевших место в Румынии, были созданы благоприятные условия для пополнения словаря липованских говоров и за счёт русского литературного языка посредством школ, средств массовой информации или личных контактов с носителями общерусского языка. Например: самалёт "самолёт", пáрта "парта", сматрёт "смотреть", дэцки сад "детский сад", пáртия, чэсны сло́ва "честное слово", танца́ють "танцевать", си́ю́дня "сегодня", ку́шать "кушать", бу́кварь и многие другие.

Займствования отмечали в общем объективным нуждам выражать новую окружающую действительность. Это даёт основание утверждать, что сегодня нет такой области словаря липованских говоров, в которой не было бы иноязычных лексических элементов, обозначающих в момент заимствования новые для них понятия и предметы.

В словарь липованских говоров вошли и такие слова, которые не отражали какую-нибудь новую действительность, а просто называли уже известную действительность, создавая, таким образом, синонимические пары и обогащая и разнообразя своими дополнительными семантическими или стилистическими характеристиками липованский словарь. Ср., например: самалётка и бициклёта (рум. bicicletă) "велосипед"; свет и луміна (рум. lumină) "электрический свет"; пабу́ка (общерус. побывка) и кунчёт (рум. concediu) "отпуск", "побывка"; сарай и шапрон (рум. șorțon) "сарай"; эрик (Даль, I, с. 521) и канал (рум. canal) "канал"; чуть ни и трохи ни; хлопиц и паринь; картошка и барабу́лы и др.

III. Третий словарный слой охватывает лексические в том числе и словообразовательные и семантические инновации, свойственные каждому липованскому говору в отдельности, разумеется, не существующие в общерусском языке. К ним относятся: апёнка "гриб", ря́тка "очередь", адукáт "адвокат", вара ўпа "лихорадка", рыбáлка "рыбак", прашо́ука "пропашка, прополка", су́тка "одни сутки", длáнка "длина", шырíнка и шырка "ширина", скарпéцц "тапочки", заўна́ть "продать", рыбáлски (й)

"рыболовецкий", пярміся (рум. petmiş) "увольнительная записка", нябѣчины(й) (ср. общерус. необычный) "очень большой", либерѣць (рум. a ve elibera) "окончить военную службу", папахавать (ср. общерус. ховать) "спрятать все", мушински(й) "мужской", дѣльть армату "отбывать военную службу" и др.

Таким образом, в последние 3-4 десятилетия словарный запас липованских говоров, в условиях оплошного билингвизма их носителей, пополняется в основном за счёт заимствований из румынского языка, собственных лексических инноваций и вследствие влияния русского литературного языка.

Хотя в задачу данной статьи не входят вопросы, связанные с составлением словаря рассматриваемых говоров, считаем всё же уместным упомянуть о том, что авторы статьи работают над таким словарем. Их концепции в этой связи были изложены в отдельной статье¹⁴, основные положения которых также считаем не лишним вкратце изложить здесь.

Словарь нацелен на охват по мере возможности всего лексического материала говоров, т.е. слов-аппелативное, составляющих все три пласта, о которых речь шла выше¹⁵. Не войдут в словарь, таким образом, собственные имена (топонимы и антропонимы), включая и прозвища, даже если последние восходят к нарицательным именам. В словаре будут представлены в абсолютном алфавитном порядке все части речи.

Условные сокращения

БТР = Л. Андрейчин, Л. Георгиев и др., Български тълковен речник, София, 1962.

Гр. = Гринченко, В., Словарь украинского языка, I-IV, Киев, 1909.

Дм. = Дмитриев, Н.К., О тюркских элементах русского языка, "Лексико-графический сборник", выпуск 3, 1958, с. 3-47.

ДЕХ = Dictionarul explicativ al limbii române, Red. resp. Ion Coteanu, Bucureşti, 1975.

Даль = Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, I-IV, Москва, 1981.

- Радлофф = Радлофф, В.В., Опыт словаря турецких наречий, I-IY, Петербург, 1893, 1911.
- Tiktin = Tiktin, H., Rumänisch-deutsches Wörterbuch, I-III, Bukarest, 1895-1905.
- Уш. = Ушаков, Д.Н. и др., Толковый словарь русского языка, I-IY, Москва, 1940.
- Фасмер = Фасмер, Макс., Этимологический словарь русского языка, I-IY, перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачёва, Москва, 1970-1973.

Примечания

- 1 Более подробное изложение истории переселения русских старообрядцев можно найти в работах: М.Маринеску, Современный свадебный обряд у русского (липованского) населения севера Румынии, Rel., XVII, 1970, с. 443; Iryda Grek-Pabisowa, О специфике изменений в лексике острожного говора, "Lingua Posnaniensis", XXIII, с. 91-98; Её же, Zarys dziejów staroobrzędowców w Polsce, "Przegląd rusycystyczny", zeszyt 1 (21), 1983, с. 41-52; Iryda Grek-Pabisowa, Cwetan Jotov, Проба określenia wsoblnych cech rozwoju gwary rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym, "z polskich studiów slawistycznych", seria VI, Warszawa, 1983, с. 109-120; Iryda Grek-Pabisowa, Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980, с. V-VII.
  - 2 Вслед за Иридой Грек-Пабисовой (О специфика..., с. 92) под острожным говором понимаем речь носителей говора, проживающих компактно на неродственной этнической территории и находящихся в условии изоляции от родного общенационального языка.
  - 3 См. наши работы: Andrei Ivanov, Genul neutru într-un grei velicorus de tip divergent, SCL, 1967, 5, с. 555-561; Despre literația morfematică (cu privire specială asupra genului neutru în unele greiuri lipovenesti), "Analele Universității din București", Limbi slave, XVIII, 1969, с. 57-63; Sincretismul cezual în flexiunea substantivelor feminine dintr-un grei lipovenesc, "Limba rusă", Tipografia Universității din București, 1975, с. 111-118; Categoria gramaticală e genului în greiurile lipovenesti, "Anuar de lingvistică și istorie literară", A, Iași, XXX, 1985, с. 105-110.
- Feodor Chirilă, Evoluția raporturilor de sinonimie pe baza

- Impuritatilor într-un grai rus din jud. Tulcea, "Limba rusă", Tipografia Universității din București, 1975, c. 219-229; Cauze ale apariției și dezvoltării sinonimiei dialectale, "Probleme de rusistică și lingvistică generală", Tipografia Universității din București, 1970, c. 175-195; Sinonimia lexemelor exprimând noțiunea "mișcare în spațiu" într-un grai rus din România, "Probleme de filologie rusă", Tipografia Universității din București, 1976, c. 117-133; Sinonimia totală în graiul rus din Carcaliu (judetul Tulcea), "Probleme de filologie rusă", 1977, c. 149-166; Probleme de sinonimie dialectală, Tipografia Universității din București, 1977, 396 c.; Evoluția raporturilor semantice la nivelul unui grai aloglot, "Anuar de lingvistică și istorie literară", XX, A, Iași, 1985, c. 111-118.
- 4 Vasile Arvinte, Un caz de bilingvism slovo-român. În legătură cu elementele românești din graiul lipovenilor din Dumăseș, SCL, IX, 1958, 1, c. 45-71; Maria Dumitrescu, I. Novicicov, Lexicul graiurilor rusești din satul Mila 23 (reg. Dobrogea), Rsl, VII, 1963, c. 113-129; P. Chirilov, Graiul lipovenilor din Pisc-Brăila (fonetică și fonologie, morfologie, vocabular). Rezumatul tezei de doctorat, București, 1975; Th. Olteanu, Graiul lipovenilor din Mila 23, judetul Tulcea (sistemul lexical). Rezumatul tezei de doctorat, București, 1977; Otilia Croitoru, Cu privire la terminologia casei la lipoveni, "Studia Universitatis Babeș-Bolyai", 1972, 1, c. 23-36 и др.
- 5 С целью упрощения излагаемого материала примеры слов даются с фонетическими особенностями, свойственными родному говору авторов.
- 6 Здесь лексические соответствия общерусского языка даются сразу после заглавного слова. В случае полного фонетического и графического совпадения не даются соответствия в общерусском языке.
- 7 Em. M. Marinescu, Современный свадебный обряд у русского (липованского) населения севера Румынии, Rsl, XVII, 1970, c. 43.
- 8 Словарь русских народных говоров, под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Соколоватова, Л., 1965-1984, выпуск 1-18 (буквы А-М).
- 9 Диалектологический атлас русского языка, том I, М., 1986.
- 10 Ф.П. Филин, Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии, "Славянское языкознание", Москва, 1973, c. 347-376; А.И. Попов, Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров, "Лексика русских народных говоров", Москва-Ленинград, 1966, c. 7 и след.

- 11 См. также Ирида Грек-Лабисова, О специфике...., с. 93.
- 12 См., например, Л.И.Баранникова, О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения, "Язык и общество", Саратов, 1967, с. 24.
- 13 Alexandru Graur, Se imprumută cuvinte imprumutate, "Probleme de lingvistică generală", IV, 1974, с. 97.
- 14 См. Andrei Ivanov, Feodor Chirilă, Principii de alcătuire a Dicționarului graiurilor rusești (lipovenesti) din România (Принципы составления Словаря русских (липованских) говоров в Румынии), "Anuar de lingvistică și istorie literară", Iași, XXX, 1985, с. 99-103.
- 15 Относительно заимствований из румынского языка останутся за пределами словаря невообщеупотребительные слова, узко профессиональная терминология и окказионализмы.

L'HUMANISME ET SON EXISTENCE DANS LES LITTÉRATURES SLAVES
DU SUD-EST EUROPÉEN ET DANS LA LITTÉRATURE ROUMAINE

I.G.Chițimia

Les époques et les courants littéraires continuent préoccuper les spécialistes, en tant que configuration, fonctions et définition locales.

À un perçant examen, l'humanisme soulève des questions par rapport à la Renaissance, que nous y essayerons d'élucider. On a considéré et on considère encore l'humanisme comme "principal élément" de la Renaissance¹, donc il est intégré complètement à cette époque culturelle et littéraire. Cependant on n'a pas observé que l'humanisme a une propre individualité. En se détachant de l'idéologie religieuse du Moyen Âge, les humanistes ont cultivé l'esprit des classiques, c'est-à-dire l'élément laïque de la vie humaine, de même ils ont cultivé les langues de leurs maîtres, le grec et surtout le latin, qui est devenu en Occident langue diplomatique d'état et langue de culture et de diffusion internationale, considérée la seule digne par les humanistes occidentaux d'être employée dans les écrits littéraires. L'humaniste n'accordait pas attention à la langue maternelle vivante, nationale. N'est-il pas éloquent le fait que Pétrarque et Boccace se méfiaient de leurs oeuvres en italien vis-à-vis de ce qu'ils ont créé en latin?²

Mais le fait le plus important c'est que les uns de grands humanistes ont créé des oeuvres remarquables, littéraires ou scientifiques, exclusivement en latin (aussi en grec), sans aucun ouvrage dans une langue nationale vivante. C'est fut le cas d'Erasmus de Rotterdam, de Nicolas Olahus (d'origine roumaine), du dalmate Janus Pannonius, arrivé en Hongrie³, de Poggio Bracciolini, Flavio Biondo, Luca Silvio Piccolomini, Philippe Buonaccorsi, Conrad Celtes, Ulrich von Hutten, Klemens Janicjusz, remarquable poète polonais, Nicolas Copernic et encore beaucoup d'autres.

Mais progressivement, en concordance avec le développement des concepts de la nation et de l'état national (en commençant même avec le système et l'action de Cola di Rienzo en Italie⁴), les lettrés ont changé de vision. Ils ont gardé en continuation l'idéologie laïque et profane des humanistes, pourtant ils se sont déclarés tout ouvertement contre l'usage du grec et du latin dans les littératures nationales, ce que nous avons déjà montré à l'occasion des congrès internationaux de littérature comparée de Montréal - Ottawa (1973)⁵ et de Budapest (1976)⁶. Ils ont substitué au culte du grec et du latin le culte de la langue littéraire nationale. C'est dans cet esprit que procédèrent en Italie Pietro Bembo avec ses Prose della volgar lingua (1525), Giovanni Rucellai, Gian Giorgio Trissino, B. Castiglione et surtout Sperone Speroni avec son intervention théorique Dialogo delle lingue (1543) pour une langue italienne dans tous les genres et l'écriture. La Pléiade française, par le manifeste de Joachim du Bellay, Défense et illustration de la langue française (1549), reprend et pose la même question. On procéda de telle façon aussi en Pologne, en Hongrie, en Bohême et en Slovaquie etc.

Quelquefois surgit une dispute qui a pris des ailes. Voilà ce que dit Pierre Ronsard dans son Abregé de l'art poétique (1565): "Quiconques furent les premiers qui osèrent abandonner la langue des anciens pour honorer celle de leur pays, ils furent véritablement bons enfants et non ingrats citoyens, et dignes d'être couronnés sur une statue publique". Un peu plus tard, dans la préface de La Franciade (1572) il revient plus durement: "C'est un crime de lèse-majesté d'abandonner le langage de son pays, vivant et florissant, pour vouloir déterrer je ne sais quelle cendre des anciens /.../. Je supplie très humblement ceux auxquels les Muses ont inspiré leur faveur de n'être plus latineurs ni grécianiseurs". À son tour, Du Bellay attaque aussi les admirateurs des anciens, qu'il nomme "re-blanchisseurs de murailles, qui jour et nuit se rompent la tête, non pas à imiter, mais à transcrire un Virgile ou un Cicéron" (Dé-

fense et illustration, livre II, chap. XI)⁷. La lutte contre l'humanisme greco-latin est devenue acerbe! Mais de là resulta une nouvelle période littéraire: la vraie Renaissance des littératures nationales modernes de l'Europe. Donc, il y a "une renaissance" de la culture et de la littérature des anciens sous la plume des humanistes, qu'on nomme et qu'on doit nommer humanisme (c'est la découverte de la résurrection de l'antiquité greco-latine), qu'on imite de près et la Renaissance européenne des lettres qui donne la riposte à l'humanisme considéré servile et cosmopolite.

Pourtant on ne fit pas la distinction entre ces deux courants, en conflit en Occident, et on les traita en ensemble, comme on voit dans beaucoup de synthèses du norvégien Johan Nordström⁸, de Franz Funck Brentano⁹, Il'ja Goleništšev-Kutuzov¹⁰, Andrei Ojetea¹¹, Jerzy Ziomek¹² etc.

Pourquoi avons nous présenté cette distinction? Pour démontrer que le thème générique formulé pour le Xe Congrès International des Slavistes de 1988: Le courant de l'humanisme dans les littératures slaves (sans le lier donc à la Renaissance) est bien conçu et il vient de confirmer notre distinction faite plus haut (si l'on n'a pas conçu tacitement l'humanisme lié à la Renaissance même).

D'ailleurs on a parlé beaucoup d'un humanisme en Occident sans voir quelque chose de semblable en Europe Orientale. Il nous semble que pour la première fois c'est nous qui avons posé un tel problème distinct dans un article de 1972: Umanism occidental și umanism sud-est european¹³. De quoi s'agissait-il? Nous avons montré, qu'un pendant de l'humanisme occidental en latin fut dans l'Europe Orientale un humanisme en slavon, devenu langue diplomatique d'état, de la culture et des relations politiques et culturelles. L'élément laïque et apocryphe y affrontent aussi courageusement celui mystique de l'église. Mais si les humanistes occidentaux s'appuyaient sur la culture des anciens, les humanistes du Sud-est européen trouvèrent leur appui dans la culture populaire et dans les mouvements antiéclésiastiques

(ceux-ci étant en fonction aussi dans l'Europe Occidentale).

Entre tels mouvements, nous avons insisté sur le bogomilisme bulgare, lequel, malgré des réserves exprimées par les uns de chercheurs, a laissé des traces visibles dans beaucoup de livres populaires apocryphes du Sud-est européen, avec un large circulation¹⁴. Ces bogomiles se sont infiltrés en Europe: en Italie et en Bosnie ils sont connus sous le nom de "patarins", puis ils deviennent les ancêtres des Cathares et des Albigeois en Occident¹⁵. Parmi des apocryphes bogomiliques, la Tajinata kniga bulgare joua un rôle considérable. Introuvable en original, elle fut découverte en deux versions latines (Liber secretum), l'une en Italie, l'autre dans les archives de Carcassonne en France, cette dernière "apportée de Bulgarie /.../ par le prédicateur cathare Nazarius". Elle fut la preuve d'accusation, au tribunal inquisitorial de Carcassonne, contre les cathares. Les bogomiles propageaient la liberté de l'esprit et la vie sur terre avec beaucoup de plaisirs humains. Ils repoussaient quelquefois les éléments mystiques de la littérature religieuse et soutenaient l'élément laïque, comme les humanistes occidentaux.

Après notre article de 1972, c'est D. Angelov qui publia en 1979 une étude avec le titre exprès L'humanisme dans la Bulgarie médiévale, insistant largement sur le mouvement et l'idéologie des bogomiles et sur les éléments de culture antique dans l'ancienne littérature bulgare. Toutefois, la notion d'humanisme est comprise comme partie intégrante de la notion de renaissance¹⁶. D'ailleurs, la même situation apparaît dans les études citées par l'auteur, parues auparavant.

Le problème fut touché aussi par Emile Georgiev dans son article Grundetappen und Strömungen in der Entwicklung der bulgarischen Literatur von ihrer Entstehung bis zur Wiedergeburt, avec la remarque juste d'une langue slave littéraire commune pour les littératures slaves de l'Europe Orientale, pendant du latin et du grec des humanistes occidentaux¹⁷.

Il faut ajouter qu'on a essayé de trouver l'humanisme (sans

doute, mêlé à la Renaissance) dans les écrits théologiques et historiques de l'ancienne littérature roumaine, depuis l'antiquité jusqu'aux temps de Nicolas Milescu et D. Cantemir¹⁸. On envisagea aussi un humanisme théologique byzantin, qui est en son essence une réalité¹⁹. En tout cas, dans une ou l'autre des acceptions, un humanisme, en tant que courant littéraire distinct, est détecté de plus en plus dans l'Europe du Sud-Est (y compris dans les littératures slaves de cette zone), duquel autrefois on ne parlait pas²⁰.

Et maintenant quelques mots sur l'humanisme dans l'ancienne littérature roumaine. Après la scission des églises et l'institution du slavon comme troisième langue ecclésiastique, le peuple roumain a adopté le slavon, comme langue commune dans le Sud-est européen, des relations internationales diplomatiques et culturelles. Dans cette époque un humanisme exprès se manifesta au tournant du XVe et du XVIe siècles, sous les règnes d'Etienne le Grand en Moldavie et Neagoe Basarab en Valachie. Nous y rappelons, par exemple, la Chronique du règne d'Etienne le Grand, qui ne contient que des données socio-politiques et militaires, quoique ce voïvode ait construit beaucoup de monastères et d'églises. De même, on trouve dans les Conseils de Neagoe Basarab des pages de vie civile, politique et militaire, encore de belles élégies à la mort de sa mère et de son fils Pierre²¹.

L'écrivain roumain Coresi a imprimé des livres en slavon, mais dès le milieu du XVIe siècle il commença à mettre sous presse des livres en roumain, en justifiant cela par la nécessité de cultiver la langue du peuple ("douce comme le miel", dit-il à un moment donné) pour le peuple, qui ne comprenait point le slavon. C'est un signe d'une renaissance locale²². On doit ajouter subsidiairement que le vieux-slave fut beaucoup plus proche des langues vivantes des peuples slaves du Sud-est européen et à cause de cela on ne sentit pas le besoin de le remplacer radicalement que plus tard, au XVIIIe siècle.

En conclusion, après les considérations exposées, on peut rester à deux points principaux:

1. L'humanisme dispose, dans sa dominante, de propres caractéristiques littéraires et ne doit pas être confondu avec la Renaissance, qui désavoue les inclinations et la passion des humanistes pour le culte des "langues célèbres", le grec et le latin. La Renaissance lutta partout où elle a agi pour des littératures en langues nationales vivantes.

2. Il y a un humanisme dans le Sud-est européen en slavon (pendant du latin occidental), ayant ses propres bases culturelles et ses propres infiltrations et résultats littéraires. Il y a aussi des éléments et des écrits touchant la Renaissance²³, qu'on peut développer par de nouvelles recherches et distinctions.

Notes

- 1 Voir, par exemple, tout dernièrement, Jerzy Ziomek, Literatura Odrodzenia, Varsovie, 1987, p. 8: "Głównym składnikiem kultury renesansu jest prąd zwany humanizmem" (l'ouvrage fait partie d'une série de synthèses universitaires en grand tirage; c'est d'ailleurs une nouvelle version de l'oeuvre fondamentale de l'auteur, Renesans, 1973).
- 2 Cf. Franz Funck-Brentano, La Renaissance, Paris, 1935, p. 81.
- 3 Voir surtout Il'ja Goleniščev-Kutuzov, Italjanskoe vozroždenie i slavjanskije literatury XV-XVI, vekov, Moscou, 1963, p. 134-142; voir encore: Jani Pannonii, Carmina selectiora, choix, préface et notes de Tibor Kardos, Budapest, 1973.
- 4 Cf. Marcell Handelsman, Rozwój narodowości nowoczesnej, Varsovie, 1924, p. 31-123 (l'auteur présente magistralement le système national-politique de Cola di Rienzo). La lutte pour l'état national unitaire continua jusqu'à Niccolò Machiavelli et Francesco Guicciardini; cf. encore: E. Rodocanachi, Cola di Rienzo, Paris, 1888; Andrei Oțetea, François Guicherdin. Sa vie politique et sa pensée politique, Paris, 1926.
- 5 Humanisme et Renaissance dans une Histoire comparée des littératures européennes, dans: Actes du VIIe Congrès de l'Association Internationale de Littérature Comparée, Budapest, 1979, pp. 123 sq.
- 6 Humanisme et Renaissance dans la culture du Sud-est européen par rapport à la Renaissance occidentale, dans: Actes du VIIIe Congrès

de l'Association Internationale de Littérature Comparée, Bucarest, 1980, pp. 195 sc.

- 7 Cependant, il faut préciser que Ronsard admirait lui aussi les anciens, mais il le fit en vers français; voir ses Odes (d'après le modèle de Pindare), surtout l'Ode à Michel de l'Hospital, la plus admirée par les contemporains, construite en strophes, antistrophes et épodes. De même, Joachim du Bellay a chanté l'antiquité dans ses beaux sonnets du recueil Les Antiquités de Rome, écrites après un voyage à Rome en 1553.
- 8 Moyen Âge et Renaissance, Paris, 1934.
- 9 La Renaissance, Paris, 1935.
- 10 Voir plus haut, n. 3.
- 11 Renăşterea şi Reforma, Bucureşti, 1941; IIe édition revue: Renăşterea (1964); IIIe édition, de nouveau revue: Renăşterea şi Reforma (1968).
- 12 Renessans, Varsovie, 1973. La distinction n'apparaît non plus dans une histoire littéraire quelconque. Pourtant dans un tel ouvrage, Historia literatury polskiej (w. XII-XVIII), Bucarest, 1972 (multiplication dans la Typographie de l'Université), p. 49-60, nous avons traité séparément l'humanisme littéraire polonais en latin vis-à-vis de la Renaissance en polonais (l'ouvrage constitue le cours universitaire répété des années cinquante et soixante).
- 13 I.G. Chişliu, umanism occidental şi unaniam sud-est european, dans: "Revista de istorie şi teorie literară", XXI, 1972, no. 1, pp. 25-30; revu et augmenté en français: Humanisme occidental et humanisme sud-est européen, Bucarest, 1973 (brochure multipliée).
- 4 Voir Jordan Ivanov, Bogomilski knipi i legendi, Sofia, 1925 (nouvelle édition sous la rédaction de Dimităr Angelov, Sofia, 1970 (avec des riches notes bibliographiques); l'ouvrage fut traduit en français par Monette Ribeyrol, préface de René Nelly, Paris, 1976; voir de même D. Angelov, Bogomilstvoto v Bălgarija, Sofia, 1969, et Dragoljub Dragojlovik' et Vera Antik', Bogomilstvoto vo srednevekovnata izborna grag'a, Skopje, 1978; voir encore N. Cartoian, Cărţile populare în literatura românească, t. I, Bucarest, 1929, pp. 43 sq., mais surtout le remarquable livre de Émile Turdeanu, Apocryphes slaves et roumains de l'Ancien Testament, Leyde, E.J.Brill, 1981.
- 5 Cf. Ch. Schmidt, Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois, 2 vol., Paris - Genève, 1849; T. Gay, Histoire des Vaudois, Florence, 1912; plus tard les études paraissent l'une après

- l'autre: A. Borst, Die Katharer, Stuttgart, 1953; D. Angelov, Le mouvement bogomile dans les pays balkaniques et son influence en Europe Occidentale, dans: Actes du Colloque international des civilisations balkaniques, Bucarest, 1963, p. 173-182; M. Dordo, Les origines du catharisme, Paris, 1967; Paul Cassé, Mes ancêtres les Cathares, Paris, 1968; Pierre Durban, Actualités du catharisme, Toulouse - Bordeaux, 1968; René Nelly, Écritures cathares, Paris, 1968 (un grand nombre de matériaux en traduction); voir surtout l'excellente synthèse de Vladimir Topenčarov, Boulgres et Cathares. Deux brasiers une même flamme, Paris, 1971 (tous les traces possibles du bogomilisme en France).
- 16 Voir Dimităr Angelov, L'Humanisme dans la Bulgarie médiévale, dans: "Palaeobulgarica", III, 1979, no. 3, pp. 3-21.
- 17 Emile Georgiev, Grundetappen und Strömungen in der Entwicklung der bulgarischen Literatur von ihrer Entstehung bis zur Wiedergeburt, Ibidem, pp. 22-28.
- 18 Cf. Al. I. Ciurea, Umanism și teologie în literatura românească veche, dans: "Mitropolia Moldovei și Sucevei", 1986, no. 5, p. 19-37.
- 19 Voir Herbert Hunger, Der christliche Humanismus, chapitre dans le volume Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist in der byzantinischen Kultur, Gratz - Vienne - Cologne, 1965, pp. 355-368.
- 20 Même Il'ja N. Goleniščev-Kutuzov, qui a étudié profondément la Renaissance littéraire aux éléments humanistes dans les littératures croate, hongroise, tchèque et polonaise, n'avança plus loin vers l'art qu-dèla d'une ligne qui mène de la Mer Adriatique à la Mer Baltique.
- 21 Détails dans les articles cités plus haut, les notes 5, 6, 13; voir encore I. C. Chițimia, O nouă viziune asupra culturii din epoca lui Ștefan cel Mare și Neagoe Basarab, dans: "Analele Societății de limba română" (Zrenjanin), 1972-1973, no. 3-4, pp. 133-142.
- 22 Cf. I. C. Chițimia, Coroși, om de carte și gândire românească în plan european, dans: "Cumideva", XIII, 1983, pp. 11-16.
- 23 Pour des exemples fugitifs, voir notre article, cité dans la note no. 6.

ЕДИН "ЛИТЕРАТУРЕН ЖАНР" (АГИОГРАФИЯТА) И РАЗВИТИЕТО МУ
В ЮГО-ИЗТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИТЕ ЛИТЕРАТУРИ (XIV-XVII В.)

Дан Хория Мазилу (Dan Horia Mazilu)

XIV-ти век представлява – по мнението на византинолога Х.-Г. Бек¹ – един последен момент, един блестящ "завършек" на забележителното развитие, което изживява агиографията като част от византийската литература. Това наистина е развитие, а не количествено нарастване, тъй като византийските текстове от XIII и особено от XIV в. утвърждават напълно панегирика, в духа на тенденцията, която се оформя още в писанията на Симеон Метифраст², т.е. превръщането на старото житие и енкомийон, който ползува пълноценно средствата на ораторската проза.

Тези постижения на византийската агиография, с очевидно реторичен стил (постоянното прибегване до "ars oratoria", преодолява традиционната конвенционалност на "биографичния маршрут"³), и особено тези, които принадлежат на писателите исихасти (които още повече след благоприятния за тях събор от 1351 г. бързат да обезсмъртят – писмено – личностите, с които се чувстват свързани и създават житията на Григорий Синаитски, Теодосий Търновски, Петър Атонски, Сава Млади, Герман Атонски, Григорий Паламаос) стават много скоро достъпни за южно-славянските книжовници.

Българските писатели (както и сръбските впрочем) започват да използват някои от постиженията на богато разкрасената и очевидно реторичната византийска агиография. Те преведат, например, Житията на Григорий Синаитски и на Теодосий Търновски, написани от Калист, Житието на Св.Ромил, както и други съчинения на византийските исихасти, осмоявайки се вече да преведат и съчинения с агиографски характер от метафрастов тип, избягвани дотогава поради размерите им или поради трудности от езиков характер⁴. При тези условия, Евтимий, търновски патриарх, най-значителният български автор на агиографски съчинения и без съмнение най-бележитият български религиозен оратор, върви по добре познати пътища. Седем от "действащите лица", на които се спира той (по добре

оомислен план за действие) принадлежат на българския мартирологий: Житие на Св. Иван Рилски, житие на Св. Иларион, епископ Мъгленски, житие на Св. Чилотей, Житие на Св. Параскева Търновска, Похвално слово за Св. Михаил Воин, Похвално слово за Св. Йоан, епископ Поливетски, Похвално слово за Св. Неделя, като само осмото съчинение се отнася до тема извън този кръг: Похвално слово за Константин и Елена. Сръбските и след това руските книжовници следват и те програма ясно насочена към прослава на национални "светци".

Обстоятелствата на появяването на Жития на светци в отарата румънска литература (където агиографската литература в обръщение на юг от Дунав, включително житията и похвалните слова, съставени от Ефтимий Търновски е била позната и преписвана скоро след появяването ѝ)⁵ са свързани в повечето случаи с жеста на някои румънски войводи или боляри, които са държали да обогатят ктиторското си дело и да увеличат собствената слава като пренасят в страната свещени реликвии. В други случаи става дума за обичайните "действия за защита", предприемани в рамките на източното православие от същите владетели на Румънските княжества. Предприемането на подобни стъпки е имало за цел очевидно да наложи въпросното средище (или княжество) с допълнителна слава, но е имало и лесноазбележимия смисъл да "покровителствува", защото мощите са били пренасяни като правило от територии, заплашвани или напълно попаднали под турско господство, като по този начин са бивали спасени или съхранени.

Някои от текстовете явили се при тези обстоятелства, оригинално съставени или преработки адаптирани към местните условия, принадлежавайки към едно истинско "течение", което отразява "един начин на възприемане и на творчество" не са се запазили. Съществуването им обаче може да се предполага, тъй като един литературен "обичай" е налагал появата им. Нещо повече, съответното съставление може да бъде "реконструирано" - както може да се постъпи в случая с Житието на Никодим от Тисмана, написано от учениците му - благодарение на по-късните преработки, извършени според непоклатимите литературни традиции⁶.

Първият "случай", в относително хронологически ред, който е станал причина да бъде съставено или адаптирано едно житие, вероятно е краят на странствованията на мощите на Света Филотей във Влашко. "Балканските" етапи на тези странствования вече са били предизвикали няколко текста, достойни за отбелязване. Първият "случай" е Търново: там патриарх Евтимий пише Житие на преподобната наша майка Филотей, в което описанието на преместването на реликвиите в столицата на България съставлява, както и при други случаи, единственият оригинален принос (Вж. Е. Турдяну)⁷. През 1393-1394 мощите пътуват за Видин, за да бъдат спасени и дават повод на митрополита Йосаф Бдински да съчини и той едно житие, като използва широко евтимиевата версия. В края на краищата, след 1396, но не по-късно от 1404 г., реликвиите стигат в Куртя де Арджеш, следвайки своя "спасителен маршрут", нещо което се е знаело, тъй като един читател на Ловечкия сборник отбелязва, към средата на XV в., че тази Филотей, за която е писал Евтимий са намира в Арджеш (ФИЛОТЪЕ АРГИШКОИ)⁸. Изследователите предполагат, че заедно с мощите, в Куртя де Арджеш е стигнал и един вариант на житието на светицата ("Евтимиевия" или "Йосафобия"; във всеки случай Житието на Света Филотей, написано от Евтимий е било преписано няколко пъти в Молдова от редица книжовници, сред които на първо място прочутият Гавриил Урик⁹). Паул Алепски, например, заявява, че е видял през 1653 г. в Куртя де Арджеш един синаксар посветен на въпросната светица¹⁰. Става дума пак за едно житие, в съкратен вариант, осъществено без съмнение от румънски книжовници на основата южнославянската традиция, но с очевидни "местни" добавки. Тези по-късни "участия" ще създадат в последствие една собствена традиция на житието на светицата, от която ще се ползува към средата на XVIII в. митрополит Неофит Критски, който също става автор на един нов синаксар, на гръцки език¹¹.

Пренасянето в Сучава, по заповед на Александру Добрия, на мощите на Йоан Нови от Четата Алба (Акерман) е било прославно в едно писание, което прави "кариера" в старата румънска литература: Мъченичеството на светия и славен мъченик Йоан Нови, съчинено от Григорий, "Боних и

Cda. 40/388 Fzsc. 4

презвитер в големата черква на Молдовлахия", най-значителният румънски писател на Предренесанса¹².

Четиримата братя Крайовеску, ктитори на манастира Бистрица (Олтения), пренасят през 1497 г. в храма който даряват щедро (както свидетелствува един хрисовул от 16 март 1491 г., издаден от Влад войвода Калугера) и мощите на свети Григорий Декаполит¹³. Като следствие, в Пролога за месеците септември - февруари (сборник от резюмирани жугтия, придружени от службите посветени на съответните оветци, включен в един олавянски ръкопис от началото на XVI в., на манастира Бистрица) е включено о Житие на Свети Григорий Декаполит¹⁴. Една приписка в румънски ръкопис, преписан през 1745 г. в манастира Бистрица¹⁵, разкрива на изследователите вероятната "история" на създаването на ореднобългарската версия на този епиграфски текст и ги убеждава, че след като е придобил от Сърбия реликвиите (приютени там след падането на Константинопол¹⁶) и ги е пренесъл в Влашко, Барбу Крайовеску е поръчал да бъде преведено на славянски от гръцки и Житието на оветеца.

Поръчката е била изпълнена, по наше мнение, от книжовниците на манастира Биотрица и текстът осъществен от тях - вероятно онази версия на славянски, смятана от Емил Турдяну за преходен текст между гръцкия¹⁷ и румънски превод¹⁸, че влезе, заедно с други, в синаксара споменат по-горе.

Към края на второто десетилетие на XVI в., по-точно между 1517 (годината на освещаването на ктиторията на Нягоя Басараб в Куртя де Арджеш) и 1521 (годината на смъртта на Нягоя), Гавриил Прот, "т.е. настоятел на Света гора" ("adeaș mai marele Sfetagorei"), написал един текст (чиито цели далеч не са само религиозни), който "разказва" за оредата на един прелет на източното православие с румънската култура: Житие и битие на негово оветейшество нашия отец Нифон, патриарх на Цариград, които блестяше между отрасли и изкушения в Цариград и в Мунтения (Viata și traiul sfinției sale părintelui nostru Nifon, patriarhul Terigradului, care au strălucit între patemi și ispite în Terigrad și în Tara Muntenească)¹⁹.

Този маниер просъществувал и през XVII в., когато "перипетииите" на една друга мъченица, за която е писал Евтимий Търновски, съветя Параскова, предизвикали интереса на румънските писатели - разбира се след като реликвиите пристигат през 1641 г. в Молдова. Преди това събитие, Матей Мирликийски, игумен на манастира Дялу, пишеше на гръцки език, едно житие на светицата, преработвайки основно варианта на Евтимий и превръщайки панегирика на българския писател в обикновено житие, от рода на тези, съчинявани за синаксарите, където разказаните факти възвръщат традиционната си тежест²⁰. Митрополит Варлаам, включвайки в своята Carte românească de învățătură Поучка за живота на преподобната ни майка Параскова (Învățătura de viața preacuvioasei mamei noastre Paraschiva), е първият който извършва "адаптация с оглед на местните условия" на текста. Той превежда свободно, с по-големи или по-малки съкращения, един разширен "евтимиев" вариант и прибавя към него оригинално заключение с поучителен смисъл²¹. След него, Дософтей включва в Жития на светците (Viețile sfinților) един нов румънски вариант, направен по една редакция на минея, с видими разширения и с доста елементи, които отразяват "молдовския етап" от странствованията на реликвии²². Този цикъл завършва с превода, осъществен по големия сборник на украинеца Д.Туптало-Ростовский, и включен в колекцията на манастира Няц²³.

X

Сравняването на румънския вариант, даден в неговото Казание от митрополит Варлаам за Мъченичеството на светия и славен мъченик Йоан Нови²⁴ със олавянский оригинал на съчинението (един от малките извори - ако не и единствен - за големата "колекция" от 1643 г., по отношение на която съществува пълно съгласие между филолозите) може да достави интересни данни във връзка с метода на работа на Варлаам - преводача (като необходимата предпоставка е "съвпадението" или "сходството" между текста по който е работил митрополитът-книжовник и варианта запазен в преписа на Гавриил Урик от 1439 г., и към който по правило се обръщат изследователите). Подобни проучвания са правени,

разбира се, в някои от румънските литературни истории, като се дават изводите от сравнителното проучване на двата текста. Тези заключения виждат във варианта на Варлаам "много свободен превод", "преработка" или "обработка" на славянския оригинал.

Усъмнявайки се в тези "квалификации", тъй като преди всичко липсват "конкретни доказателства" (споменатите синтетични трудове не дават паралелни текстове, но в по-старите изследвания на Е.Калужняцки и Е.Турдяну не отсъстват дълбоки анализи), българският изследовател Г.Петков извърши неотдавна "сравнителен прочит" на двете версии. В резултат той стига до следния извод: "Сравнителният прочит на румънския превод и на славянския оригинал показва достойна за завист адекватност. Митрополит Варлаам е следвал отблизо структурата на текста на Цамблак запазил е епизодите, пасажите и фразите, които характеризират стила на автора. Преводачът е предал с лекота и точност смисъла и съдържанието на оригиналния текст, на диалозите, на библиейските цитати и т.н. Доказателствата за това се виждат на всеки ред"²⁵. Съществуват - отбелязва Г.Петков - в румънския превод, някои "добавки" и "сливания", но незначителни, които не променят основната цялост от "идеи и чувства" на оригиналния текст. Без съмнение нещата са такива: основното съдържание на текста от ХУ в. не е променено, тъй като Варлаам не си е поставил задачата да даде нов вариант на Мъченичеството на Йоан Нови. Неговите намеси при осъществяването на превода, многобройни (което се виждат "на всеки ред", както казва Г.Петков във връзка със сходствата) и разнообразни, издават "активното" му отношение към славянския текст, отбелязват - без съмнение - съществуването на цяла мрежа от намерения и дори на една "идеология" от чиято перспектива е извършен преносът на румънски език.

Разгледани един до друг, подходите на двамата "съавтори" - игуменът Теодосий от Намц от 1534 г. и митрополит Варлаам от 1643 г. - по пътя извървян от Мъченичеството на Йоан Нови в старата румънска литература показват значителни различия.

Шпейки в първата половина на XVI в., когато "култът" на Йоан Нови се утвърждава, като се събира – благодарение на усилията на румънските книжовници – подходящ литературен инструментариум (един тропар, една молитва, една служба, посветена на "светеца"), игуменът Теодосий участва в тази дейност и съставя един също необходим панегирик. Чрез редица съкращения, които не засягат идейната структура на основния текст, чрез добавяне на едно "въведение" и на едно "заключение", Теодосий от Нямц "реформира" старото Мъченичество (вид със собствени композиционни канони) в Похвално слово, при което решаващо е разкриването на елементите, участващи в осъществяването на епикомия. Теодосий сменя само фактурата на текста, като го пренася от един "вид" в друг. Същността на съчинението, идейната основа, подчинена на известна "агиографска неуточненост", свързана със стремеше за пресъздаване на "класическите" модели, не са били променени. Тези няколко лексикални "модернизации", които въвежда Теодосий не са имали как да предизвикат промени.

За разлика от него, Варлаам, като запазва (при това стриктно) последователността на компонентите и като "не се намесва" с разширения, които може би читателят е очаквал (би могъл да напише един "енидог" съдържащ "чудесата" извършени от мощите след донсянето им в Сучава), успява да направи забележително осъвременяване на съчинението, чрез няколко намеси в мрежата от елементи, които осигуряват по-доброто ориентиране на текста. Като промени самото заглавие Мъчението на светия и прославен великомъченик Йоан Нови от Сучава, което се празнува в четвъртък след Петдесетницата (Măcenia svintului și slăvitului marelui măcenic Ioan Novfi de la Suceava, ce se prăznujaste gioi după Rusalii), понеже Йоан отдавна е "свещец на страната", и като премълчава името на автора, на този "Григорий, монах и презвитер в голяма черква на Молдовлахия", Варлаам въвежда в текста, по отношение на географските и историческите уточнения, собствени информации, знания на неговото време, които предизвикват неизбежно осъвременяване. Да вземем за пример уточняването, чрез съотнасяне към съедините отра-

ни, на мястото където се намира Трапезунт, роден град на Йоан. Варлаам отстранява архаизиранията неяснота (при която се споменават и "асирийците") в оригиналния текст и предлага много по-точни данни. Възможност налице са две съвсем различни описания на местоположението:

"ТРАПЕЗОНТА СЕГО ИЗНЕСЕ МЪЖА,
ГРАД СЛАВЕНЪ И ВЕЛИКЪ, ВЪСТОЧНЪ
ОУБО НАЛЕЖАШЪ И КЪ АСУРЦЮМЪ
БЛИЖЪШИ, ВЕЛИКЪЯ ЖЕ АРМЕНІА
КАСААШ СА ПРЕДЪЛЪМ; НЕ ТЪКМО ЖЕ,
НЪ И ВСЕЪХЪ МОРСКИХЪ ПЛАВАТЕЛ-
НЫХЪ СЪСЪДЪ ПРИСТАТЕЛЕНЪ, РАДИ
МНОГОСЛОВИМАГО И ГОБЗОВАТЕЛНАГО
ВЪ ВСЕМЪ. ЕЛМА ПРИ МОРИ СЪЩЕ МЪС-
ТО И ЖИТЕЛІЕ ГРАДА КОУПЛЪСТВОМЪ
ПЛАВАНІА ЖИТЕЛСТВОВААХЪ" 26.

"Spre Răsărit, unde să chiamă
Anatolia, iaste o cetate mare și
vestită, la care toate corăbille
de pe mare năzuiesc, pentru bișu-
gul și pentru avuția ce iaste într-
însa, ce să chiamă Trapezonta.
Dintr-aceaia cetate era și svîntul
Ioan. Și pentru că era cetatea în-
gă mare și cetățenii cu corăbille
pre mare îmbla de neguțătorîia,
pentr-aceaia și Ioan mult negoț
luă și pre mare călătorîia" 27.

Като следствие от въвеждането в текста на някои данни познати на него и валидни за неговата епоха, Варлаам долуона, неизбежно, и анакронизми, както в случая с териториите принадлежащи на Молдова и управлявани от Александру Добрия (за когото Григорий презвитер знае - в славянския оригинал - че управлява "цяла Молдовлахия и земите край морето"), от които елиминира "Поморието", паднало междуременно под турско господство. Когато му се струва, че може да осигури допълнителни елементи по отношение на някои уточнения, Варлаам дава "данни" от всякакъв характер и прави собствени "адаптации спрямо местните условия". За този "Бял Град", мястото където е бил мартинизиран Йоан от Трапезунт, оригиналният текст дава кратко, но достатъчно ясно обяснение: "/.../ НАКО ВЪ БЪЛЫИ ГРАДЪ, СИЩЕ НАРИЦАЕМЫИ, ПРИСТАША, ИЖЕ КЪ ВЪСПОРОУ". Този "Босфор" (гр. "проток"), ясно обозначен в текста, не може да бъде друг - както доказват изследователите - освен "Симерийския Босфор", т.е. протока Керч при Крим. В тази зона следователно трябва да бъде разположено това "бяло" пристанище към което се насоч-

au venit cu mine aicea, de va să să lăpede de credința creștinească și să să înstrăineadze de moșia sa, și va să ia legea turcească, să hie cetaș semenției voastre. Pentr-acesta lucru de multe ori și cu giurământ mare s-au giurat cătră mine, viind pre mare în corabie cu mine. Pentr-aceia nu zăbăvi, ce de aîrg să faci întrebare cu dînsul, ca să-l pleci în legea voastră, că multă cinste veri avea de la împăratul pentru dîns /.../"²⁸.

Така очертаната атмосфера (поддържана не само чрез замествания, но и чрез съкращения: Варлаам пропуска например от "речта за уоеждаване", произнесена от управителя на града, елементите които подчертават "култа към слънцето", за да не може мохамеданството на въпросните лица да бъде подронено по никакъв начин) е постоянно подкрепяна "терминологично" ("персиецът", наречен в славянския оригинал "игемон", "ипарх" или "съдия", след като се превръща в "турчин" получава длъжността "кадия"), както и на равнището на общоупотребяваната лексика (използувани са квалификации и синтагми, които се числят към традиционния "речник" на неприятелските румъно-оомански отношения: "законът на гяурите", "нечиста и неверническа турска душа" - "legea ghiaurilor", "nesurat și păgîn suflet turcesc" и т.н.). Резултатите са убедители. На Йоан Нови, закрилник на Молдова, "мъченик на турците" му се дават така, в символичен план, нови възможности за крепяне на съпротивителните сили, толкова необходими на един подтиснат народ. Текстът на Мъчението от Румънската книга с поучения (Carte românească de învățătură) ни убеждава, че Варлаам не е бил само протестиращ, който издава недоволството си единствено в частни писма (да си спомним, че в писмото, адресирано до цар Михаил Фьодорович митрополитът

МНОЖ ЗДЕ ПРІИДЕ, ШТ(Ь)ЧЬСКАГО ОУБО ХОТА ШТСТАННИ ПРѢДАНІА И ХРІСТІАНСКЫА ШТОУЖДИТИ СА ВѢРЫ, ТВОЕИ ЖЕ ВѢРѢ ПРИСТАПНИ ХОТА И ПРѢДАНІЕМЪ ВАШИМЪ СЪОБЕЩНИКЪ БЫТИ ИЗВѢСТНѢИШИ; МНОГЫМИ БО МНѢ СІЕ КЛАТВАМИ ВЪ МОРСКОМЪ ПЛАВАНІИ ИЗВѢСТИ. ТѢМЖЕ ЕЖЕ О НЕМЪ НА СКОРѢ ТВОРИ ПРОМЫШЛЕНІЕ. НЕ МАЛОЖ БО СИМЪ СЕБЕ ОБЛОЖИ ХВАЛОЖ " /.../"²⁹.

говори за "тежката ръка на агаряните", поробители, които премахнаха политическата независимост и едновременно, свободата на духовната дейност), а и борец, нелишен от смелостта на откритите действия.

Струва ни се, че е много трудно, ако не и невъзможно, дори и оамо на базата на тези примера (в текста олучаите, когато Варлаам се отдалечава от олавянския оригинал оа много по-вече), да бъде приета тезата за "верен на оригинала превод". Фактите ни показват, че митрополит Варлаам, превеждайки съчинението на Григорий монах и презвитер, е преработил все пак - в значителна степен - съчинението от ХУ в. Старото произведение му служи като един вид "основа", върху която изтъква с майсторство своите собствени "тези", продиктувани от една много ясна идеологическа (но и политическа) програма.

Установяването на един национален мартирологий (дори "регионален", тъй като става дума за "светци на Молдова"; не случайно мунтенските издатели на Евангелието с поучения от манастира Дялу (1644), които използват широко текстовете от Румънската книга... на Варлаам не включват все пак Мъчението на Иоан Нови(..) представлява на свой ред съдържанието на една специална "програма". Тази "програма", набелязана от книжовниците от първата половина на ХVII в., със забележителни постижения в Румънска книга с поучения (Carte românească de învățătură) от 1643 г. ще бъде развита по-късно от Дософтей³⁰, в рамките на едно усилие свързано все с благородната цел за укрепване на националното съзнание.

Бележки

- 1 Вж. Н.-G. Beck, Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, München, 1959, стр. 697-698.
- 2 За структурата на "метафрастовия агиографски модел" с Топол; установени от византийската реторика, вж. Émile Turdeanu, La littérature bulgare du XIVe siècle et sa diffusion dans les Pays Roumains, Paris, 1947, стр. 70-71.
- 3 Вж. Климента Иванова-Константинова, Някои моменти на българо-византийските литературни връзки през ХIV в., в Старобългарска литература, София, 1971, стр. 237 и следващи.

- 4 Вж. Климента Ивѡнова-Константинова, цит. съч., стр. 239.
- 5 Забележителна в този смисъл е съдбата на богатите колекции от Чети минеи, основна и емблематична сбирка на Търновската книжовна школа, запазена за поколенията чрез грижите на румънските книжовници. Вж. Ioan Iuffu, Mănăstirea Moldovița - centru cultural important din perioada culturii române în limba slavonă (sec. XV-XVIII), ("Mitropolia Moldovei și Sucevei", nr. 7-8, 1963, стр. 428-455); Ioan Iuffu, Prototipurile literaturii slavo-române din secolul al XV-lea, ("Mitropolia Olteniei", nr. 7-8, 1963, стр. 511-535); Zlatca Iuffu, За деветомната колекция Студион ("Studia balkanica", 1970, nr. 2, стр. 336-342).
- 6 За "Никодимовата" традиция в старата румънска литература вж. Emil Lăzăreșcu, Nicodim de la Tismana și rolul său în cultura veche românească ("Romanoslavica", XV, 1965, стр. 237-286).
- 7 La littérature bulgare du XIVe siècle et sa diffusion dans les Pays Roumains, стр. 84-85. Вж. също История на българската литература, I, София, 1962, стр. 285-306.
- 8 Вж. Е.Турдяну, цит. съч., стр. 84-86.
- 9 Е.Турдяну, цит. съч., стр. 88; G.Mihăilă, Cultură și literatură română veche în context european, București, 1979, стр. 265. Вж. също така основното изследване на D.R.Mazilu, Sfînta Filoteia de la Argeș. Lămurirea unor probleme istorico-literare (Analele Academiei Române, Mem. secș. lit., seria III, tom. VI, 1933, стр. 218-316).
- 10 Вж. Emilia Cioran, Călătoriile Patriarhului Macarie de Antiohia în Țările Române, București, 1900; Д.Р.Мазилу, цит. съч., стр. 248; Е.Турдяну, цит. съч., стр. 89-90. Нов румънски превод на съчинението на Паул Алепски в: Călători străini despre Țările Române, vol. VI, București, 1976, стр. 21-287.
- 11 Вж. Е.Турдяну, цит. съч., стр. 90; Д.Р.Мазилу, цит. съч., стр. 249.
- 12 Вж. Dan Noria Mazilu, Proza oratorică în literatura română veche, I, București, 1986, стр. 181-204, за оспорваното "авторство" на Григорий Цамблак във връзка с Мъченичеството на Йоан Нови.
- 13 Вж. Gh.I.Moisescu и др., Istoria bisericii române, vol. I, București, 1957, стр. 272.
- 14 Слав. рѣк. № 287 в Библиотеката на Румънската Академия.
- 15 Приписка, отбелязана от Е.Турдеану, Varlaam și Ioanaș. Istoriul și filiațiunea redacțiunilor românești (Cercetări literare, vol.

I, 1934, стр. 26, прим. 2).

- 16 Вж. N.Iorga, Manuscripte din biblioteci străine relative la istoria românilor, I (Analele Academiei Române, Seria II, Mem. sect. ist., t. XX, 1899, стр. 243, 246); E.Turdeanu, Legăturile românești cu mănăstirile Hilandar și Sf. Pavel de la „untele Athos (Cercetări literare, vol. IV, 1940, стр.70).
- 17 Гръцкият вариант е бил издаден от F.Dvornik, La vie de saint Grégoire le Decapolite et les Slaves macédoniens au IX-e siècle, Paris, 1926.
- 18 Вж. E.Turdeanu, Legăturile românești..., стр. 71; G.Mihăilă, Originalul slavon al "Invățăturilor" și formația culturală a lui Neașoe Bazarab (Invățăturile lui Neașoe Bazarab către fiul său Theodosie, București, 1970, стр. 70).
- 19 Вж. изданието на Тит Симедра: Viața și traiul sfințului Nifon, patriarhul Constantinopolului. Introducere și text, București, 1937.
- 20 Вж. Iulian Ștefănescu, Viața sfinței Paraschiva cea nouă de Matei al Mirelor, "Revista istorică română", t. III, 1933, 347-373; E.Turdeanu, La littérature bulgare du XIV-e siècle, стр. 98.
- 21 Стилистично и в плана на "ориентацията", финалната поука изглежда наштина принадлежи на Варлаам: "Pentru acea și noi, iubiiții miei creștini, să ținem în minte lucrurile svantei acestia. De aceea să luăm aminte și cinstea ce-au luat de la Dumnezeu. Au doară n-au fost și aceasta mulare? Au doară n-au avut trup ca și noi? Dară cum au săhștrist? Cum au implut voia lui Dumnezeu? Că n-au mncat mult ca noi, nice au făcut lucrurile cele drăcești ce le facem noi în vrămea deasmu: jocurile, cîntecese, bețiile, curviile. N-au iubit lumea ca noi, nice binele ei...".
- 22 Вж. E.Турдяну, цит. съч., стр. 99.
- 23 Том I-XII, Яш-Нямц, 1807-1815; второ издание: Кьлдършани, 1835-1836; трето издание (модернизирано): Букурещ, 1905; четвърто издание (съкратено): Букурещ, 1934-1942 (7 тома).
- 24 Общозвестен е интересът на Варлаам към съчиненията появили се в Молдова във връзка с Йоан Нови и към легендите, създавани най-вече в монашеските среди около този "персонаж". Знае се, че през 1629 г., когато се орецнал в Киев с Петър Могила, Варлаам му разказал едно "чудо" извършено, както се вярвало, през 1610 г. от мощите на Йоан Нови. След това в Москва, Варлаам е говорил вероятно и на руските за "светеца" пазител на Молдова (Йоан Нови е

канонизирам от руската църква през XVI в.) и за "литература", създадена на тази тема, като събужда интереса им. Че така се е случило вероятно, ни кара да предполагаме един пасаж от писмото, което същият Варлаам, станал междуременно митрополит на Молдова, изпраща на цар Михаил Фьодорович: "... тъй като се случи да дойде там, във вашата православна империя, боляринът на нашия господар, изпратих и аз олужбата и мъченичеството на Св. Йоан, който е бил мъченик в Белогород и тялото му се е запазило цяло и неразложено, като прави чудеса и лекува и в моята митрополия Сучава. Изпращам и образа му за благословия и подкрепа на вашата страна /.../"

- 25 Вж. Г.Петков, "Мъчение на Йоан Нови Бялградски" от Григорий Цамблак в превод на румъноки език от митрополит Варлаам, в: Търновска книжовна школа, III, София, 1984, стр. 122.
- 26 Цитираме по текста, издаден от П.Русев и А.Давидов, Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература, София, 1966, стр. 92.
- 27 Цитираме по: Varlaam, Cazania, ediție de J.Буек, București, 1943, стр. 451.
- 28 Varlaam, Cazania, цит. изд., стр. 452.
- 29 Мъченичеството..., цит. изд., стр. 92.
- 30 В том III на обширния си сборник Жития на светците (Viețile sfinților) Дософтей нарочно наблюдава на канонизирането на някои сънародници и, естествено, върху разказа за приписваните на тях дела, в текстове с голямо значение за пример и поука: "Că și-n vremea de-acum mulți svinți sînt de petrec cu noi, carii numai Dumădzău fi știe la inema lor.

Dari tocma și din rumâni, mulți sînt carii am și vădzut viața și traiul lor, dară nu s-au căutat, fără numai Daniil de Voroneț și Rafail de Agapia, i-am sărut și svintele moștii. Apucat-am în dzilele noastre părinți nați la bunătăți și-n podvig, și plecați la smerenie adîncă: părintele Chiriaco de Besereoani, gol și ticăloșit în munte, 60 de ani. Și Chiriaco de Tazlău, Epifanie de Voroneț, Partenie de Agapia. Dară Ioan de Rîșca, arhiepiscopul acel svînt și minunat, Inochentie de Pobrata și Istratie? Că Dumădzău, svînția sa, nice un neam de rodul omeneasc pre pămînt nu lasă nepartnic de darul svînții sale, ce preste toți au tîns mila sa și-au deșchis tuturor ușe de spăsenie" (Л. 152).

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЭТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ В ПРОЗЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР XX ВЕКА

Михай Новиков (Mihai Novicov)

Само собой разумеется, мы не претендуем на новизну, утверждая, что специфически литературные проблемы можно исследовать двояко: или отталкиваясь от верасторжимой связи литературы с жизнью, или рассматривая литературные явления в их автономной сущности, акцентируя практически неисчерпаемые возможности художественного творчества умножать и разнообразить приемы выражения. В то же время мы считаем внедискуссионным, что вышеуказанные подходы дополнительные.

Мотив "конца столетия и тысячелетия" наличествует в наши дни почти на всех форумах обсуждения гуманитарных проблем. В частности, в литературных диспутах как бы молчаливо согласовывается что, при его включении, в вышеотмеченном бивалентном соотношении "дополнительность противопоставлением" заменяется "компенсирующей дополнительностью".

Слово дня: современность настоятельно требует "нового мышления" покорило общественные науки. Какие же аспекты выявляются при его столкновении с литературной проблематикой? Вот вопрос, на который мы попытаемся ответить,

Существует ли достаточное основание для его увязки с литературным разветвлением славистики? Наш положительный ответ выжидается на нескольких соображениях.

Путем "феноменологической редукции", может быть слишком резкой, но методологически мотивированной, мы считаем себя вправе исходить из положения, что динамичное ядро "нового мышления" – вывод, согласно которому в наши дни ни одна существенная сторона человеческой жизни, будь то политическая, социальная, экономическая, этическая или эстетическая, не может успешно обсуждаться без учета ее глобальной масштабности. "Новое мышление" – это в первую очередь мышление планетарного

~~обстоя.~~

Но таким образом выявляется и своего рода перестановка временных соотношений. "Настоящее", которое так или иначе господствовало в человеческих интересах на протяжении всего XIX и большей части XX века, оказалось как бы стиснутым между "прошедшим" и "будущим". Нельзя не признать, что положение это довольно неудобно. И не удивительно, что именно литература реагировала наиболее чувствительно и болезненно чувствительно на последствия спрессованности.

А последствия эти, пока лишь просвечивающиеся, могут быть, как нам кажется, легче выявлены на примере славянских литератур. И это по двум причинам: первая - историческая, вторая - нынешняя.

Историческая причина вытекает из обстоятельства, что, за редкими исключениями, славянские народы восходили по ступеням политического и культурного развития, так сказать, всякий раз часом позже ведущих западноевропейских наций. Именно поэтому реалистическая литература славянских народов, оплодотворенная и она стремлением наиболее достоверного отражения действительности "настоящего", была в то же время видимо увлечена и соблазнам, хоть вскользь, но заглянуть и в "будущее". Достаточно сравнить, например, романы Балзака, Флобера, Диккенса или Теккерея с романами Тургенева, Достоевского и Толстого или, в других славянских литературах, с произведениями Г.Сенкевича, Б.Пруса, Элизы Ожешко, Б.Нушича или И.Вазова, чтоб убедиться в том, что в отличие от их западноевропейских собратьев, славянские романисты не могли включить, хоть как-нибудь, в подтекст и вопросы, выходящие и риторически воплощенные в заглавие романа Чернышевским - Что делать?

Второй аргумент диктуется действительностью: сегодня в славянских странах литература развивается на фоне нарастающих усилий в строительстве социализма, а таковая действительность по своей оущности постоянно сталкивает настоящее с будущим.

С древнейших времен этическая проблематика была, образно выражаясь, "сырьем" литературы. Как на это указывал в свое время Николай Гартманн, эстетические ценности всегда обуславливаются художественной проекцией узаконенных обществом ценностей другого рода, а из этих наиболее продуктивными справедливо считаются ценности моральные¹. Неслучайно долгое время все "доброе" считалось "прекрасным" и наоборот. Эстетика классицизма считала даже, что элементы моральных поучений являются одной из предпосылок совершенства произведения художественной литературы. Первую брешь в этом "неравном браке" пробил романтизм. Целесообразно подчеркнуть и причины "мятежа". Несколько упрощая, мы могли бы их выявить в той эрозии возрожденческого гуманизма, о которой так пронизательно писал А.Блок в Крушении гуманизма.

Очень приблизительно мы могли бы определить мораль как совокупность норм общения, которые – на той или иной исторической ступени – признаются обязательными в виду выживания и прогресса человеческого рода. А ядро совокупности – соотношение между личностью и средой.

Для индивидуума среда нечто данное. А будущее биологически ограничено. Поэтому статистически личность не может не быть консервативной. Идеально она представляет себе будущее, исходя из достижимых целей, предлагаемых ей средой. А когда такого рода перспектива ее отвергает, личность возмущается, разражается проклятиями и ищет убежища в хилерах. Из этого неприятия вырос романтический герой: надменный и беспомощный, вызывающий завистливое восхищение, но и подспудную иронию заурядных приспособленцев. Этот психологический контраст нашел, как нам кажется, наиболее и точное отражение в романах Балзака.

Русский критический реализм, начиная с Тургенева, дополнился другим нюансом, благодаря которому романы писателя воспринимались в Западной Европе, и особенно в Соединенных Штатах Америки, как новое слово в литературе. Но ведь и Тургенев, как он в этом не раз признавался, не ставил себе другой задачи, кроме как, по возможности объективнее, изобразить типы и ситуации, казавшиеся ему симптоматичными.

В это время как у Бальзака среда изображается не имеющим видимых пределов настоящим, у Тургенева и его последователей, именно из-за отставания России от Европы, достигшей более высокой степени развития, "настоящему" все время противопоставляется "будущее", потенциально достигаемое в пределах отрезка времени, дарованного природой человеку. Впредь неприятие неизбежности условий предопределенных средой становится одним из излюбленных мотивов русской литературы XIX века.

В целях наглядности дальнейшей аргументации мы решили прибегнуть к гегельской триаде: романтизированный (и путем укрытия в разные утопии) реализм Гончарова, Тургенева, Достоевского и даже Толстого отрицается погруженным в настоящее реализмом Чехова, по следам которого идут и реалисты начала века (от Куприна до Розанова) и символисты, которые в прозе (Андрей Белый и др.) оказываются столь же ветеранными по отношению к утопическим иллюзиям, как и их товарищи по поколению реалисты; против закованности в настоящее мощно, но непоследовательно восстает Горький; но полное отрицание отрицания намечается лишь после Октября 1917 г., когда на первом этапе развития советской литературы в ней буквально господствует гиперболический образ "будущего". Безусловно, различно, в зависимости от специфики положения в каждой из них, явление может быть прослежено и в других европейских странах, вставших на путь социалистического строительства после второй мировой войны; в межвоенное двадцатилетие проза этих стран была полностью подчинена настоящему, это была проза критическая, бунтующая, безоговорочно отвергающая настоящее именно в этической плоскости, но довольствующаяся в этом неприятии негодованием и отвращением и, таким образом, созвучная экзистенциализму, даже испытывая влияние этого, в то время набирающего силу идеологического движения в Западной Европе. Отрицание этого этапа, нарастание тенденции приобщения настоящего к будущему, характерно для тех же литератур в 50-ых гг., совпадая хронологически с новой волной героически-подвижнических мотивов в первом послевоенном десятилетии советской литературы.

Затем мы вступаем в современность.

X

Этическая проблематика, воспринимаемая, как мы уже об этом говорили, как "сырье" художественных свершений моделируется в них, согласно избранной нами точки зрения, в большой мере в зависимости от соотношения "прошедшее - настоящее - будущее". Основываясь на общепринятом, что смысл существования литературы (искусства вообще) - "открыть человека в человеке", нельзя не признать, что в художественном плане консерватизм "обыкновенного жителя" становится органически неприемлемым. Этим объясняется, как нам кажется, мы бы сказали, обреченность на провал всех попыток утверждения и продвижения апологитического искусства. Любое поколение, наследующее как нечто "данное" определенную систему регламентации этических отношений, между личностью и обществом включительно, не может не чувствовать себя удушенным, когда от него требуется признать ранее установившуюся систему как неприменимый комплекс норм. Оно так или иначе восстанет во имя высшей закономерности - гераклитовой непрерывности развития.

Но мятеж мятежу рознь. В зависимости от того, что общественное мнение может предвещать поколению как жизненно предвидимое. Когда контур будущего лишь смутно пробивается как сквозь туман, тяга к "заблудшему дню" сама собой сопрягается с утопией. Но, как на это указывал и Ленин, утопизму могут быть присущи и реакционные элементы. Анализируя эту сторону творчества Л.Н.Толстого, Ленин цитирует Маркса, согласно которому значение критического компонента в утопическом социализме "стоит в обратном отношении к историческому развитию"².

В определенной степени русский критический реализм органически сопрягается с утопической перспективой, что приводит, с одной стороны, к, казалось бы, неестественному переплетению программно провозглашенной объективности повествования со своеобразной - "подопудной" - тенденциозностью (либерального толка у Тургенева, революционно-социали-

стической у Чернышевского, мистико-консервативной у Достоевского) а, с другой, - к настоятельному требованию установить как можно выше стандарты этических критериев оценки человеческого поведения. С этой точки зрения творчество Чехова нам представляется своего рода вершиной и пределом, (как это в свое время столь проникновенно отметил Горький: "далее Вас - никто не может идти по этой стезе"); безжалостно отвергая и рассеивая обманчивые иллюзии утопий, сопоставляя настоящее лишь с настоящим, Чехов не отказывается все же от "веры", что когда-то, когда-нибудь (может быть и через тысячелетия), человечество обретет "чуждое будущее"; и именно эта "вера" давала ему и прямо и силу осуждать "сверху", без никаких скидок все и всяческие компромиссы личностей, погрязших в болоте пошлости. Это было вершиной, но и пределом, ибо, идя по следам Чехова, многие, даже весьма талантливые писатели, заплатили значительную дань черному скептицизму и аморализму.

Послереволюционная советская проза, как и проза 40-50-ых гг. в других славянских странах, выглядит, с избранного нами угла зрения, совершенно по иному. Бурное вторжение будущего в настоящее оборачивается не только радикальной перестройкой приемов внутреннего повествования, но и резкими перестановками в системе этических критериев, применяемых при оценке человеческого поведения. Если в рассказах и повестях Чехова моральный портрет персонажей вырисовывается исключительно на уровне микроструктур (будто герой держит "моральный экзамен" лишь в пределах каждодневного окружения), в "новой" прозе - скажем от Голого года Пильняка до Как закалялась сталь Н.Островского - критерии этических оценок начинают отвечать требованиям, как бы продиктованным историческими преобразованиями на уровне макроструктур. Замена объективного описательства монтажом быстро сменяющихся картин, перенос акцента с характеризующих деталей на символические события, глобальное видение, стихийность, как и определенная схематизация положительных героев ("люди в кожаных куртках", чемпионы революционной

ветеримости, борцы "с железной волей" и т.д.), — все это может быть интерпретировано и как совокупность приемов, перевоплощающих в художественные образы переворот, свершившийся в системе критериев этических оценок. Но при всей прелесть, как чего-то невиданного и свежего, вешней до сих пор со страниц этой прозы, сумевшей задержать на поэтической пленке вспенившуюся вершину уникального по своим историческим размерам революционного подъема, с сугубо эстетической точки зрения "поворот" не мог не привести и к тому, что Маяковский называл "накладными расходами". Сжатие настоящего между прошедшим и будущим сводило к минимуму пространство для свободного движения личности, другими словами — растворяло ее в массе, что закономерно приводило к определенному обесцениванию некоторых общечеловеческих моральных установок. Вследствии обилия примеров мы ограничимся одним, и благодаря кинофильму, продолжившему его резонанс — Сорок первый Б.Лавренева. Мне случилось присутствовать на симпозиуме, где автор доклада о советской прозе 20-ых гг. всеми силами старался извинить финальный жест главной героини, ссылаясь на ее безнадежный вскрик: "...родненький мой! Что-же я наделала?" А я потихоньку улыбался, так как мне казалось, что именно этот последний выстрел возвышает героиню до величия, сравнимого с античными героями. Попытка "извинить" очевидно исходила из часто совершаемой нами ошибки — оценивать в моральном плане произведения прошлого, руководствуясь нашими сегодняшними критериями. То было время беспощадных респрав, и мы должны быть благодарны тогдашним авторам за то, что они донесли до нас неискаженным боевой дух тех эпопейческих лет.

Но время не стоит на месте. По мере кристаллизации не только нового, но и, по выражению Ленина, никем не предвидимого положения, когда с одной стороны выяснилось что Октябрьская Революция не стала, как на это надеялись, прологом Всемирной Революции, а с другой — всемирная буржуазия оказалась не в силах задуть молодое советское государство, когда говоря современным языком, зачиналось "мирное сосу-

ществование", - столь стиснутое до тех пор между прошлым и будущим настоящее постепенно вновь обретает свои права. Литература не могла не отозваться на этот сдвиг. А предыдущий этап не мог не завершиться вершиной и пределом. Именно эту роль сыграл, как нам кажется, Тихий Дон Шолохова. Сохраняя на историко-идейном уровне преобладание этических критериев, порожденных революционными потрясениями социальных макроструктур, автор почувствовал эстетическую необходимость столкнуть их с критериями, узаконенными тысячелетними будничного быта. Противоречие между двумя системами стало очевидным и именно по отношению к этому противоречию художественная интуиция Шолохова проявилась со всей силой. Противоречие возникло, но час его разрешения не наступил. Художественно это открытие нашло свое выражение в концовке. Несмотря на эпические размеры, финал романа "открытый". Если допустить, что в романе как жанре ось сюжета всегда так или иначе совпадает с судьбой главного героя, и что в данном случае герой этот - Григорий Мелехов, концовка романа явно выглядит "открытой". Образно говоря, мы могли бы выдвинуть предположение, что, выйдя из своего последнего логова, навстречу тому, "что осталось у него в жизни, что пока еще родило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром", Григорий как персонаж обладает всеми данными, чтобы стать героем нового романа...

... Но это был-бы роман с совершенно иными структурными координатами...

В последнем, импозантном по своим размерам произведении Марии Преды, наиболее представительного румынского прозаика последних десятилетий, - после того как прослушивает рассказ, из третьих рук, об эпизоде современной истории, показавшийся ему "сенсационным", главный герой романа, выполняющий и функцию повествователя, размышляет, видимо, созвучно с точкой зрения автора: ему кажется что-то, что ему было рассказано, "охватывает, если смотреть «сверху», в широк чертах, конечно, события последних лет", но не подробности - "которые мы пе-

режили, но об этом позже". А иначе говорить: высуществивнейшее или писателя - увидеть и отразить как преломлений история в судьбах обыкновенных людей.

Обобщая, мы могли бы сказать, что именно такой угол зрения, частично проявившийся еще в Цементе Ф. Гладкова, но особенно обостренно в Тихом Доне Шолохова, начал завоевывать пальму первенства в советской литературе еще с 30-ых гг., но гораздо тверже и уверенней во всех славянских литературах, начиная с 60-ых гг.

Здесь чувствуется необходимость социально-исторического уточнения. Как мы уже упоминали, по мере стабилизации "мирного сосуществования", настоящее вновь занимает положенное место. Но необходимо учитывать и исторически сложившиеся особенности этого настоящего. Лицом оно продолжало быть повернутым к будущему, так как не могло не восприниматься, естественно, в других условиях как продолжение дороги к "конечной цели". В то же время связь с прошлым была настолько ощутимой, что, парадоксально, прошлое ощущалось и как составная часть настоящего. В этом, как нам кажется, надо искать и источник последующих сопоставлений. Когда, неизбежно, на литературу выпала задача осветить и отрицательные стороны настоящего, они начали кое-где и кое-кем восприниматься как "порождения" максималистической нетерпимости периода наибольшего подъема революционного энтузиазма. В развитии литературы могут быть отчетливо прослежены отклики этой бивалентной переориентировки. Даже рапповская теория "живого человека", столь строго осуждаемая до наших дней, фактически была следствием той же запутанности в освоении новых временно-пространственных отношений. Всякий раз, когда реалистическая литература обращается лицом к настоящему, она неминуемо становится критической. Таким образом и сатирическое направление в советской литературе 20-х гг. можно считать знаменем времени. Поскольку оно питалось так называемыми "пережитками прошлого", оно не было противоречивым по отношению к общей тональности революционной литературы.

Eda. 40/988 Fasc. 5

Но когда, исходя из защиты непреходящих этических ценностей, становятся предметом критических дискуссий и отдельные стороны революционного процесса и даже революционность как таковая, обстоятельства меняются. Несколько упрощая, по необходимости, в виду ограниченного размера этого доклада, мы могли бы высказать предположение, что новое соотношение между прошедшим, настоящим и будущим породило в советской литературе две тенденции, соперничающие до сих пор.

С одной стороны, авторы, не желающие порывать со сложившейся традицией, продолжают отбирать из настоящего явления и аспекты насыщенные силой магнетического притяжения будущего. Это проявилось главным образом в широко известных романах, посвященных стройкам первых пятилеток. Мы далеки от мысли, что эти произведения могли бы быть интерпретированы как извращающие действительность. Но нельзя не признать, что выбранный авторами угол зрения, в определенном ракурсе, придает произведениям и апологетическую окраску. Это не упрек, а констатация. Так как вновь идет речь о велении времени. В какой-то степени неожиданно колоритные отклики на такого рода разновидность видения действительности можно найти и в современной литературе, как, например, в романе Чудак болгарского писателя Андрея Гуляшки. В споре между представителем поколения, свершившего революцию, и молодым человеком последующего, когда первый ставит в вину отцу молодого героя левацкий экстремизм в период кооперирования сельского хозяйства, из-за чего он и был отстранен от руководящей деятельности, молодой инженер-конструктор отвечает: "Неужели тебе до сих пор не ясно что, если бы мой отец и его сподвижники не проявляли нетерпимости к классовому врагу, кооперирование села длилось бы до второго пришествия. И мы бы дорого за это расплачивались!"³. Это сегодняшняя точка зрения, но она как бы перекликается через дугу десятилетий с накаленной атмосферой "производственных романов" советской литературы 30-ых гг. - при закладке экономического фундамента социализма никакая цена (т.е. - жертва) не могла считаться чрезмерной.

На противоположной экстремали вписывается исключительно критическая литература, непосредственно исходящая из неприятия среды, из оппозиции по отношению к настоящему некоторых писателей, называемых тогда "пспутчиками". В качестве примеров мы могли бы назвать некоторые романы И.Эренбурга (Жизнь и гибель Николая Курбова, Гнац, В Проточном переулке), почти всю прозу Михаила Булгакова (в первую очередь, роман Мастер и Маргарита) и, как своего рода "последнее слово" - Доктор Живаго Б.Пастернака. И нам кажется симптоматичным, что во всех этих произведениях, безусловно, хотя и не однозначно, очень ценных с художественной точки зрения, координата будущего почти совершенно отсутствует, но взамен, у Булгакова это очень явно, восстанавливается в правах утопия, но не как компенсация из-за отсутствия конкретной перспективы осязаемого будущего, а как оправдание погружения в глубокое прошлое, сочетаемое с саркастической сатирой и мифологическими реминисценциями, динамически деформирующим бытовое окружение. Несмотря на совершенно иную эпическую конструкцию, сходное "переразмерение" можно уловить в Докторе Живаго. Из романа, по-видимости, традиционно реалистического, даже "толстовского", путем фрагментации и схематизации событийности, постепенно выкристаллизовывается система символов, функция которой - доказать как бы фатальную несостоятельность художника "ужиться" с любой регламентирующей общественной формой. А в конце, в атмосфере как бы очищенной и разряженной трагедией войны и торжественно-молчаливом осознанием победы, всплывает как далекий "огонек" возможность новой согласованности, но лишь возможность...

Создаваемый в течение десятилетий, считающийся автором итогом жизни и творчества, роман этот предназначался к печати в 50-ых гг., что дает нам право отнести ему место именно здесь как своего рода "переправку" к прозе последних десятилетий.

Стало общим местом констатация, что если ее охватить глобально, для прозы этой, как в советских республиках, так и в других сла-

вянских странах, характерно подавляющее преобладание этической проблематики. Мотив "личной судьбы", или "человек в обществе", так или иначе может быть раскрыт в центре любого значительного произведения, на которое мы могли бы сослаться. А во многих случаях может быть отмечено и предпочтение, оказываемое "трудным" ситуациям на уровне социальных микроструктур (Живи и помни В.Распутина), предпочтение, как бы кочующее из произведения в произведение писателей, принадлежащих иногда к противоположным направлениям. Идея "превосходства духовных ценностей" в мире, где, видимо, господствует погоня за удовлетворением материальных нужд, является как бы "ведущей" и в "городских повестях" Ю.Трифорова, и в "новой деревенской прозе", и в "производственных романах" М.Колесникова или А.Проханова, и в "уроках совести" В.Распутина, и в последних романах Ю.Бондарева, и в... мы могли бы продолжить перечисление, но это привело бы к своего рода "библиографическому инвентарю", чего бы, понятно, хотели бы избежать. Добавим лишь, что в подавляющем большинстве ценных произведений, на которые мы могли бы сослаться, в "сюжетное пространство", обрамленное настоящим, органично включается, как существенный, и идейный и эстетический компонент, мотив переосмысления событий и социальных процессов прошлого. В этом контексте мы могли бы даже говорить о своего рода более или менее завуалированной полемике с литературой 30/50-х гг. Создается впечатление, что прием "проверки истории" через личные судьбы, открыто провозглашенной Марином Преодой в Любимейшем из землян, и до и после него широко использовался и продолжает использоваться, и надо было бы лишь удивляться, если бы дело обстояло иначе.

Но в связи с темой нашего опыта интересует другое; зигзаги траектории приобщения к будущему. Ибо, повторяем, под каким углом зрения писатель не смотрел бы на мир, если в центре внимания действительность - социализм, то он не может игнорировать неоспоримого, а именно - что социалистическая действительность в силу своей сущности

всегда смыкается с будущим. В этом разрезе внимание наше было привлечено возможностью наметить несколько симптоматичных разновидностей.

В некоторых случаях из подтекста бытовой драмы, как бы просвечивается то, что, конечно приблизительно, мы могли бы определить как "необъяснимое недоумение". С одной стороны в последовательности событий и под влиянием научно-технического прогресса, жизнь обновляется все ускоряющимися темпами, но с другой - в остановке каждодневности - вроде как бы стоит на месте. Несоразмерность, естественно неожиданная в социалистическом окружении, которое в недавнем прошлом настойчиво превращало будущее в настоящее, в одном из самых впечатляющихся из этих "подтверждений", прочно вошедших в историю, была победа 1945 г., которой, напомним, заканчивается Доктор Живаго Пастернака, но и начинается Соль земли Г.Маркова. Но вот, во всяком случае для большинства, стрелки часов вдруг остановились. Действительность стабилизировалась, настоящее расплылось как огромное серое пятно. А в голове настойчиво звучат стихи Маяковского: "Вот так и стоит столетья, / как было. / Не бьют - / и не тронулась быта кабыла". Как это могло случиться? Сегодня мы понимаем что так переломлялись в повседневном быте "простых" людей явления застоя, уходящие корнями в общественную структуру. Но при отсутствии результативных социально-исторических исследований, литература как чувствительнейший сейсмограф, положенный в сердцевину человеческого существования, ограничивалась зарисовкой внешних примет и, мы бы сказали, не только с недоумением, но порой и с нескрываемой растерянностью. А это в плоскости художественных свершений оборачивалось в прозе, так сказать импрессионистским уклоном, заметным еще во Временах года Веры Пановой, а затем в таких повестях как Семьёро в одном доме Б.Семина, Большая руда Г.Владимова и др., в рассказах М.Кузнецова или А.Битова и т.д. "Бершиной" такого рода реакции могут быть названы последние романы Ю.Бондарева, особенно Игра, что, согласно тонкому замечанию критика в статье, посвященной другому вопросу⁴, представляется закономерным, так как цен-

тральный герой романа художник (киворежиссер), а люди искусства как бы приговорены своим душевным складом остро-болезненно реагировать на все смутное, непредвиденное, необъяснимое. Отсюда берет начало и трагическая модуляция, лишь намечающаяся в городских повестях Трифонова или в Картине Д.Гранина, но становящаяся доминирующей в романах Бондарева.

Путем аналогии другую разновидность мы могли бы охарактеризовать как "феноменологическую редукцию". Отрицательные явления локализируются там, где они проявляются наиболее наглядно и вредоносно, вызывая таким образом обратную мобилизацию здоровых сил, органически присущих социалистической действительности. В результате возникает своего рода схема конфликта, в которой, как правило, здоровые силы побеждают, что дает возможность автору хоть приоткрыть окно, светящееся в будущее. На этой стезе литература обогатилась достижениями, хоть частично достойными положительной оценки, в тех случаях когда авторы обладали необходимым критическим чутьем и мастерством эпической сбалансированности. Как, например, - Битва в пути Галины Николаевой, Бессоница А.Крона, Имя твое... П.Проскурина, Годы без войны А.Ананьева и др. Все же в наше время такого рода произведения воспринимаются критикой с объяснимой настороженностью, из-за отсутствия у авторов даже попыток глубже "копнуть" в причины "застоя".

Произведениями В.Распутина, В.Белова, А.Астафьева и в особенности Чингиза Айтматова литературное развитие вступает, как нам кажется, в новую фазу, в известной степени предвещающую "новое мышление", на которое мы ссылались в начале этого разбора. Некоторые характерные черты сближают авторов с других точек зрения, совершенно разных. С одной стороны до крайности возбужденная чувствительность по отношению ко всему тому, что несовместимо с "человеческим" в самом широком смысле этого слова, с другой - сжатие настоящего между прошедшим и будущим, но будущим, разбухшим до космических размеров из-за опасности, угрожающей самому существованию человечества.

В плане художественного выражения это ведет к широкому использованию символов, к предпочтению экстремальных ситуаций, к фрагментации повествования, широкому включению публицистических отступлений, а также мифов, легенд и даже фантастики. Нашлись апологеты (белорусский прозаик А.Адамович), назвавшие это направление "сверхлитературой".

В то же время весьма целесообразно отметить, что явление не специфично лишь для советской литературы, а наоборот, может быть проследжено и в других современных славянских литературах, как, например, в "антропологической трилогии" югославского прозаика Борислава Пекича или в романе, нарочито озаглавленном Адам и Ева чешского писателя Яна Лозака, или даже в упомянутом Чудеке А.Гуляшки. Несправедливо было бы обойти Трое у око украинца О.Гончара. И перечисление можно было бы продолжить.

Не имея возможности обстоятельно проанализировать каждое из этих безусловно выдающихся произведений и не желая включаться в споры, вызванные ими в критике и в общественном мнении, мы решили ограничиться выявлением присущего им взрывного противоречия, вызвавшего, как нам кажется, огромный резонанс, который им сопутствовал и сопутствует. С одной стороны, как это признал и сам Чингиз Айтматов, осылаясь на письмо друга о романе Плаха, эта "сверхлитература" как бы вырастает из "крика боли" за судьбу человечества и поэтому вещает "Этот весь голос" о нависшей над ним опасности; с другой - именно из-за расширения перспективы до космических размеров, создается впечатление пренебрежительного отношения к настоящему, которое, хотим ли мы этого или нет, но в жизни любого человека - индивидуально и неразрывно связано с окружающей средой, т.е. - зависит не от потенциальных катастроф, а от тех конкретных достижений, которые сулит осязаемое будущее. Если в романах и повестях, само собой разумеется условно, названных нами "импрессионистическими", преимущественная акцентировка личных драм не разрешала читателю, как говорится в румынской поговорке, видеть лес из-за деревьев, благодаря идейным нагрукам,

крыто маркированных автором как положительные, не находится так отдаленно от повседневных житейских забот, и все же в концовке самолет воображения так естественно и так плавно приземляется, что буквально — дух захватывает. Апокрифические мифы автора, в особенности Прощание с городом Оссиявином, исполнены гордым дерзанием, сила вызова на беспощадный диспут, вызова, открыто и прямо метящего во всех тех, кто не хочет ничего видеть и слышать за пределом уютных моральных принципов, которыми они обложили их крошечный духовный мирок и считают, что это им дает право игнорировать отдаленные раскаты грома, предвещающие бурю, могущую захлестнуть человечество, сила этого вызова, повторяем, доходит до размеров показательных функций. Но несмотря на все это, концовка озаряется почти райским светом. А источник света — введение в уравнение нового человека, у которого, в отличие от Дарьи из Прощания с Матерой, нет прошлого, а есть только будущее. Мысль о ребенке, неожиданно появившемся в его доме, повелительно обязывает искателя исторических законов Георгия Петровича Гребина возвратиться в настоящее. "Жизнь побеждает..." — вот мысль, заставляющая нас не пугаться всего того, что так безжалостно раскрыл автор и в прошлом и в настоящем, не пугаться резких поворотов, которые до вчера нам казались необратимыми, не отчаиваться, а продолжать верить в человека... Жизнь побеждает... Истина старая-престарая, но и всегда новая, вечно обновляющаяся, когда не вновь открывает истинный талант. Здесь, как нам кажется, скрыт секрет равновесия, которое ищут писатели, встревоженные упадком гуманизма в двух плоскостях — планетарной и микросоциальной. Ибо, в конечном итоге, "быть или не быть" человечеству — зависит не от откровений гения, а от сознания каждой личности. А сознание это может исполниться духом планетарной ответственности лишь тогда, когда очень хорошо познает и поймет что защищает и как и почему нужно поступать. А так как в колоссальном большинстве случаев личная деятельность человека не имеет никакого отношения к планетарным проблемам и не переходит границ социальных микроструктур,

т.д., и т.д. "Жанр - отмечал еще Юрий Тынянов - не постоянная, не неподвижная система". Несомненно, стремительный темп жизни наших дней, смысл и логика современного существования оказывают давление и способствуют постоянному отказу от исчерпывающих себя условностей и структур, которые изменяются и развиваются в сторону раскрепощенных, открытых, подвижных форм и систем словесного искусства. Валентин Катаев, например, таким образом определил жанр своей книги Алмазный мой венец: "Ни роман, ни рассказ, ни повесть, ни поэма, ни воспоминания, ни лирический дневник... А что? Не знаю".

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы вкратце выявить и раскрыть функции эпилога в системе славянского классического романа, особенно русского романа XIX века, в структуре которого эпилог имел, по нашему мнению, значительную роль, заключая в себе большую смысловую нагрузку. Внимательная расшифровка эпилогов классического романа открывает, как нам кажется, новые возможности глубже проникнуть в идейную суть данных произведений, как и непосредственнее воспринять замысел, идейно-эстетическую направленность и социальную философию творцов большой классической прозы.

Присутствие эпилога в композиции литературных произведений прошлого оформилось, как было сказано выше, в долговременную и прочно устоявшуюся традицию. Напрямывается все же вопрос: как объясняется такая длительная продолжительность этой литературной условности? Быть может, в древний период словесности этот прием приобретал часто символический смысл с эмоционально-эстетическими последствиями. Но эпилог, как прием, продолжает свое существование и в последние три столетия литературного развития, когда "поэтика литературы нового времени - утверждает академик Д.С.Лихачев - вся построена на изобретении нового: нового взгляда, нового приема, нового необычного отношения к старым темам". В этих условиях нового времени постоянность и живучесть эпилога объясняются его мобильностью, емким разнообразием и подвижностью его структуры и содержания. Продолжая быть нескончаемым элементом в струк-

туре произведения, тем самым роль, значимость и смысловые функции эпилога видоизменяются.

Эпилог (от греческого ἐπί, что обозначает "после, в конце", и λόγος - "слово, речь") в буквальном переводе значит "послеловие", "заключительное слово", т.е. последняя часть художественно-литературного произведения, его вывод. В античной драматургии эпилог представлял финальное обращение хора (или актера) к зрителям, в котором толковался замысел автора, смысл происходивших на сцене событий. В ренессансной драме (У.Шекспир, Б.Джонсон) эпилог, как правило, составлял обращение-монолог к зрителю, разъясняющее идею пьесы. В драме и эпохе XIX и начала XX веков, особенно в романе этого периода, эпилог обычно сообщает коротко последующую эволюцию событий, дальнейшую судьбу героев после завершения - развязки и исхода - основного конфликта произведения⁶. Будучи внесюжетным элементом в художественной системе произведения, эпилог отдален обычно во времени от событий главного конфликта более или менее длительным периодом (несколько лет, месяцев, недель). Понятия "послеловие", "эпилог", "послеистория" ("Nachgeschichte") очень близки по своему смыслу и между ними можно установить только оттенки различий. "Послеистория" нередко бывает частью эпилога, в ней дается сведения о дальнейшей жизни действующих лиц обыкновенно, кратко. Послеловие бывает структурно самостоятельным, не являясь продолжением фабулы или сюжета, но связано с текстом произведения единым авторским замыслом, комментируя его. Между эпилогом, нефабульным элементом структуры произведения, и сюжетным текстом должен быть промежуток во времени⁷.

Присутствие развернутых эпилогов, которые своим образно-сценическим характером стремятся превратиться в моютки и начало новых произведений, весьма свойственны интимной структуре русского классического романа, особенно проникнутым духом миссионерства писателям, устремленным к "концептуальности" судьбы человеческого характера, к утверждению "общей идеи". В концовке, в эпилоге особенно ярко ощущается "произ-

вольное" включение автора в завершение драматических процессов в сознании персонажей. Иногда повествуемый в сюжете ход эволюции жизненного пути героя "неожиданно" получает, согласно нравственно-философским взглядам писателя, другой поворот судьбы, противоречащий порой естественно-логическому развитию сюжета. Вспомним, например, в этом смысле эпилог романа Преступление и наказание Ф.М.Достоевского или концовку романа Воскресение Льва Толстого, где в финале оповещается возрождение "воскресение", "новая жизнь" для Родиона Раскольникова и Дмитрия Нехлюдова, новая жизнь, которая лишь "информационно" предвещается, но конкретно не воплощается в сюжет. Неосуществленным остается и замысел Достоевского, о котором он намекает в эпилоге романа Братья Карамазовы продолжать в последующих томах описание дальнейшей участи Карамазовых (Миши, Ивана, особенно Алеши).

От писателя к писателю, от романа к роману, эпилоги, разумеется, отличаются в оттенках, размерах, в смысловой нагрузке, в том, что вносят в раскрытие смысла текста, в интерпретацию и объяснение замысла произведения. К сказанному нами выше необходимо отметить хотя бы некоторые тенденции и сдвиги к структуре классического романа.

В эволюции широких повествовательно-эпических жанров наблюдается тенденция к расширению размера эпилогов и к обогащению их образности и сюжетности. Иными словами, их информативно-объяснительное содержание, их идейный потенциал - все это стремится воплотиться в образы, картины, эпизоды, сцены, что постепенно меняет и дифференцирует функции традиционного эпилога, который таким образом включается в сюжетно-повествовательную ткань романа. Даже в чисто формальном отношении финалы романов носят название то Заключения, то Эпилог и все более чаще финал романа, выполняющий в сущности роль эпилога, пронумерован обычно как любая другая глава произведения. Эпилог романа Обломов, например, события которого разворачиваются спустя пять лет после развязки сюжета книги (смерть Ильи Обломова), хронологически представляет собой X главу ("послеисторию" Захара) из третьей части романа. Или ро-

ман чешского писателя Алоиса Ирасека Псоглавцы, XXX глава которого включает и последние строки, выполняющие функцию эпилога в исторической перспективе, и в которых находят живой отклик уже в XIX столетии описанные в сюжете романа трагические события XVII века. "Не забыли ходы и Яна Сладкого, по прозвищу Козина. Из поколения в поколение передавались и будут передаваться рассказы о нем..."⁸ В заключительные строки романа включается и автор: "Странствуя в тех местах, я побывал и в Узде и пошел посмотреть усадьбу Козины. Я встретил там дряхлую старушку и в разговоре спросил ее о Яне Сладком. Она исподобья взглянула на меня и, видимо, не доверяя, ответила: - Я ничего не знаю. А вот у нашего настоятеля все записано. Знаю только, что Козина был невинно казнен и теперь стал святым"⁹.

Также, в очень интересном историко-философском романе известного болгарского писателя нашего времени Емилияна Станева Антихрист заключительные строки последней главы, проникнутые волнующими раздумиями и глубоким смыслом, являются своего рода потрясающим эпилогом драматических исканий главного героя, Теофила-Еню, который находит в конце концов свой путь и смысл своего существования в борьбе за освобождение своего народа. С убеждением, что в каком-то местечке между Сливеном и деревней Марен, откуда в недалеком прошлом посланники султана закабалили сестру царя Шишкина, есть еще клочок свободной болгарской земли, отправляется туда и Теофил-Еню, чтобы стать в ряды тех, кто еще в XIV столетии начали в Болгарии славную эпопею гайдуков. Волнующе завершается этот весьма самобытный роман, повествование которого ведется от первого лица, главного героя произведения: "День догорает, завтра я снова двинусь в путь /.../. Вон полетела птица. Куда летишь, птица? Зверь пробегает полюсу. Куда торопишься, зверь лесной? Кто призывает вас, кто ведет и куда? И куда идешь ты, человек?..."¹⁰

Часто в романах на историческую тему завершение обычно является "ободряющим" элементом. Эпилоги такого рода можно проиллюстри-

крепощенных людей. И. А. Гончаров включает в середину романа Обломов своеобразный "пролог", тоже в виде "сна", назвав данную главу Сон Обломова. В обоих романах "сон" (в роли "эпилога" или "пролога") является ключом к подходу к главной мысли этих произведений.

Как мы замечаем, эпилог формально видоизменяется, композиционно переставляется, иногда не декларируется и срастается с сюжетным текстом произведения, но его определяющая идейно-эстетическая функция подчеркнута проявляется. Эта смысловая значимость эпилога в русском романе связана, можно утверждать, с характерным для разных писателей providенческим пафосом, будь то Чернышевский или Гоголь, Сатликов-Щедрин или Достоевский, Тургенев или Лев Толстой.

Несомненно, эпилог содержит последний штрих, выявляющий основную идею произведения, раскрывает и объясняет его смысл, включая тем самым и авторский приговор над глобальным содержанием романа, повести и т.д. Но эпилог является одновременно и выразителем наисубъективного элемента художественно-литературного творения, носителем скрытого в сюжете замысла, намерения, устремления, миссионерской утонии творца, что иногда вступает даже в противоречие с внутренней логикой художественной правды, изображенной в событийной канве произведения. В первом томе Мертвых душ Гоголя, например, после сотен страниц с потрясающими сатирическими сценами, после описания столь гротескных ситуаций и фигур, финал этого первого тома романа как бы незаметно превращается в возвышенный патетический гимн, посвященный русской тройке, вихрем несущейся по необозримым российским степям ("И какой же русский не любит быстрой езды? /.../. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?"), чтобы потом, также естественно и неощутимо отождествить тройку с Русью, символизируя стремительный ее полет в грядущее ("Не так ли и ты Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? /.../. Русь, куда несешься ты?..")¹³. Выполняя, на наш взгляд, функции эпилога патетико-проденческого характера, эта концовка предвещает и предвзряет замысел автора описать во второй книге романа противоположное тому, что бы-

ло изображено в потрясающем первом томе Мертвых душ. Том второй - которому русский писатель уделяет почти столько же лет, сколько было посвящено всему предыдущему его творчеству, и где гениальный художник желает выступить в ипостаси морализаторствующего нравовучителя, социолога и экономиста - хозяйственника - был, как известно, роковой художественной неудачей. Охваченный острой неудовлетворенностью, мучимый предчувствиями трагической развязки, Гоголь подверг сожению эту часть своего шедевра.

Для структуры тургеневского романа очень характерно "неотъемлемое" присутствие обширного содержательного эпилога, где он играет первостепенную роль в осуществлении авторского замысла. Проникновение и полное раскрытие внутренней сути Рудина, Лаврецкого, Елены Стаховой, Базарова и т.д. немислимы без эпилога. Самые впечатляющие страницы, которые проясняют до конца судьбу и характер Рудина, относятся к эпилогу, где повествуется волнующая конечная встреча с Лежневым, а потом гибель героя на парижской баррикаде во время подавления восстания "национальных мастерских" 26 июня 1848 года. Такую же определяющую нагрузку и "решающую" функцию заключает эпилог и в последующих романах Тургенева, как Дворянское гнездо, Накануне (глава XXXV) и т.д. В особенности в романах Тургенева персонажи проявляют изумительную независимость по отношению к сотворившему их автору. В данном случае эпилог выступает "обязательным" элементом, при помощи которого писатель как бы включается, соответственно субъективному авторскому намерению, в решение жизненной участи персонажа, развивающейся в рамках сюжетного русла по объективным законам собственной логики. Касаясь, скажем, создания Базарова, главного героя романа Отцы и дети, И.С.Тургенев писал Е.М.Салтыкову-Щедрину в январе 1876 года: "Не удивляюсь, впрочем, что Базаров остался для многих загадкой; я сам не могу хорошенько себя представить, как я его написал. Тут был - не смейтесь, пожалуйста, - какой-то фатум, что сильнее самого автора, что-то независимое от него. Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденции во мне тогда

значено в развернутом толстовском эпилоге (Пьер Безухов, князь Федор, генерал в отставке Денисов, подросток Николинька Болконский).

Для эволюции литературно-художественного процесса особенно нашего века характерны неповторяемость, отстранение от прежних образцов и условностей, стремление к новым формам, к открытым композиционно-стилевым структурам. А это относится также и к постепенному исчезновению эпилога как одной из тенденций литературного развития наших дней, что было сказано уже в начале нашей статьи. Но этой тенденции противостоит и будет противостоять другая очень веская потребность: давление читательского любопытства. И роман всегда умел удовлетворять любознательность читателя. Роман продолжает быть открытой книгой скрытого человеческого существования. Поэтому нельзя говорить о "полном" отказе в наши дни от эпилога, этого традиционного литературного "канона".

Особенно в современной русской литературе, в повествовательной поэтике которой ощущается еще мощное дыхание классической эпики, наблюдаем порой возобновление эпилога, который, по всей видимости, не исчерпал полностью свои возможности. В этом смысле необходимо напомнить в заключении о двух недавних обнародованных советских романах, получивших широкий отклик в СССР и за рубежом: Белые одежды В.Дубинцева¹⁶ и Дети Арбата Анатолия Рыбакова¹⁷. Интересно, что оба эти романа включают в свою структуру традиционный эпилог.

В романе В.Дубинцева Белые одежды, действие которого разворачивается в 1948 году, эпилог (в 45 журнальных страницах) подробно излагает события целого десятилетия после 1953 года. А роман А.Рыбакова Дети Арбата, в центре сюжета которого находятся события 1934 года, заканчивается "Послесловием" (выполняющим функции эпилога), где описывается встреча во время войны (в июне 1944 года) двух главных героев, на целое десятилетие разлученных в результате драматических обстоятельств 1934 года. И в этих обоих современных ро-

манах эпилог выполняет, в сущности, указанные выше функции романа классического склада, выявляя судьбами персонажей внутренние подспудные течения в общественном развитии эпохи, объективные и субъективные факторы исторического процесса, создавая тем самым образ времени и предворяя путем эпилога новые возможные произведения.

Описывая в послесловии (эпилоге) романа Дети Арбата сцену встречи двух персонажей после десятилетней разлуки, писатель А.Рыбаков комментирует: "Так видится мне встреча двух моих героев. Однако останется ли в будущем эта сцена в том же виде, не знаю. Персонажи романа обладают способностью жить собственной жизнью, автору остается только записывать ее. Не знаю также, успею ли я дописать следующий роман. Но, если отпустит мне судьба еще несколько лет, я надеюсь довести повествование до 1956 года..."¹⁸

Вышеизложенные соображения составляют в своей совокупности не более, чем рабочую гипотезу, которая, тем не менее, сможет, как нам представляется, обеспечить в результате выявления коннотативных значений эпилога более глубокое понимание тех внутренних движений, которые происходят в рамках структуры классического и современного романа.

Примечания

- 1 Д.Н.Толстой в русской критике, изд. 3-е, Москва, 1960, стр. 450.
- 2 К.Маркс и Ф.Энгельс, Избранные письма, Москва, 1953, стр. 405-406.
- 3 К.Симонов, О современном романе, "Литература и жизнь", № 41 (465), 5 апреля 1961 г., стр. 3.
- 4 Ф.М.Достоевский, Полное собрание сочинений в тридцати томах, Ленинград, Изд. "Наука", 1972, т. 3, стр. 163.
- 5 Н.В.Первушин, Эпилоги в произведениях Достоевского, "Заметки русской академической группы в США", т. XIV, Нью-Йорк, 1981, стр. 158-168.
- 6 Краткая Литературная Энциклопедия, т. 8, Москва, Изд-во "Советская Энциклопедия", 1975, стр. 918.

- 7 См. Н.В.Парвушия, Цит. прозаив.. стр. 159-160.
- 8 Алоис Ирасек, Сочинения в восьми томах, том II, Москва, ГИХЛ, 1955, стр. 369.
- 9 Там же, стр. 370.
- 10 Емилиян Станев, Антихрист (роман), "Художественная литература", Москва, 1977, стр. 301.
- 11 Ion Petrică, Reminiscențe romantice în opera marilor realisti polonezi, "Roménoslavica", XXI, București, 1984, стр. 23-32.
- 12 Болеслав Прус, Сочинения в семи томах, том VII, Москва, ГИХЛ, 1963, стр. 733.
- 13 Н.В.Гоголь, Сочинения, Москва, ГИХЛ, 1956, стр. 535-536.
- 14 И.С.Тургенев, Собрание сочинений в двенадцати томах, том 12. Письма (1831-1883), Москва, 1979, стр. 485.
- 15 Л.Н.Толстой, Война и мир, том 3-4, Москва, ГИХЛ, 1953, стр. 669.
- 16 "Нева", 1987, № 1-4.
- 17 "Дружба народов", 1987, № 4-6.
- 18 Там же, № 6, стр. 151.

ПОЭТИКА ЖАНРОВЫХ ФОРМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ
(К постановке вопроса)

Альберт Ковач (Albert Kovács)

Правомерность и актуальность поставленной проблемы вытекает из ряда обстоятельств. Первое: теоретический разнобой в самих понятиях литературных родов и жанров, проявившийся – дойдя до полного их отрицания в работах Б.Кроче – у представителей французского "нового романа", в исследованиях по теории информации и текста и у значительной части современной литературной критики. Признавать существование жанров стало для многих теоретиков признаком беспросветной отсталости.

Второе обстоятельство, побудившее нас поставить вопрос об общих закономерностях зарождения, развития, движения и смены жанров или, лучше, о самой сущности жанротворения, связано с выяснением специфики искусства ряда русских писателей, выяснением просто немислимым без привлечения этих общих закономерностей. Нужно сказать, что вопреки знаменательным результатам, достигнутым в освещении жанрового своеобразия творчества крупнейших русских и советских писателей, и трудам по отдельным жанрам общий знаменатель пока не найден, различные концепции не стыкуются, над многими работами тяготеет груз эмпиризма и поверхностной описательности¹.

Третье обстоятельство – это актуальность для литературоведения наших дней – как, впрочем, и всех времен – поэтики самой по себе. Думается, сегодня поэтика не может не быть и структурно-семиотической, но при этом она должна снова стать исторической и по возможности сравнительной. Современные советские иссле-

дователи С.С.Аверинцев, В.М.Мелетинский и другие указывают на необходимость продолжения начинаний А.Н.Веселовского, его исторической поэтики (как и работ В.Шарера), имея в виду при этом прежде всего аспекты генетической поэтики, разработанной русским ученым на материале мифа и фольклора. Этот непосредственный импульс, как и работы некоторых представителей ОПОЯЗа, а также М.Бахтина, Д.Лихачева и др., имеет огромное значение. Одновременно нужно иметь в виду и более старые корни исторической поэтики, и опыт современной синхронной поэтики. В "Гамбургской драматургии" Лессинг угадал исторические измерения поэтики самого Аристотеля и противопоставил ее "Поэтическому искусству" Буало, призывал во имя ее Шекспира. Историчность поэтических норм была в полной мере признана Гегелем, Белинским, Марксом и Энгельсом в их суждениях по вопросам искусства, лучшими представителями марксистской критики различных стран. Все же этот принцип приходится сегодня восстанавливать, причем — и в этом парадоксе научного прогресса — восстанавливать, идя против абстрактного структурализма и других излишне "технических", отвлеченных и вневсестетических течений, рассматривающих искусство как язык, и одновременно — сохранять, интегрировать ценные достижения этих и других новейших ориентаций в области литературоведения.

Чтобы сделать дальнейшие осутимые шаги в разработке поэтики жанров, необходимо уточнить ее теоретические предпосылки. Разработка понятий: виды искусства, литературные роды и жанры — восходит к Платону и Аристотелю.

В теории литературы уже отмечалось существование двух линий в трактовке понятий рода и жанра. Представители первой линии, берущей свое начало в "Поэтике" Аристотеля, объясняют данные закономерности определенными свойствами самой действительности и

языка, грамматики, роды определяются глубинной структурой самого произведения, вытекающей из позиции творческого я по отношению к объекту, к выражаемому – отражаемому миру действительности, идей и чувств. Вторым критерием, обусловленным, впрочем, первым, является способ выражения эстетического идеала, оценка или отношение к изображаемому миру. Следующая схема может дать некоторое понятие об этом концепте (См. стр. 114).

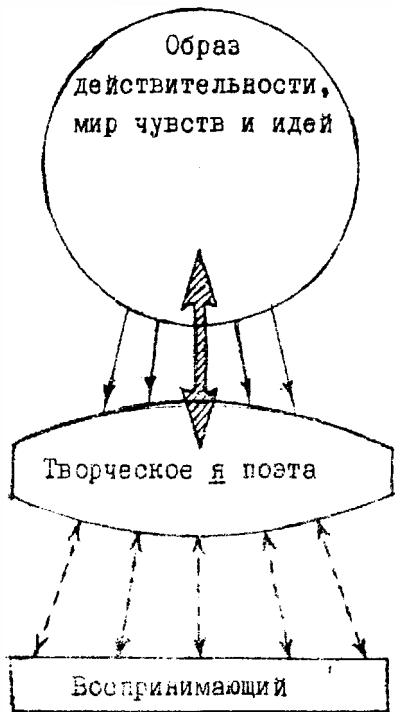
Пространственное изображение структуры, имеющей и свое временное измерение, конечно, нельзя считать совершенным. Но появление в лирике на первом плане я поэта, уход в тень я повествователя в эпике и исчезновение в тексте произведения я драматурга является несомненным фактом. Поскольку речь идет не о чистых, а о доминантных структурах, эту закономерность следует рассматривать и в зависимости от того, на что подает ударение, что акцентируется, на чем концентрируется внимание автора.

Категория жанра представляет собой обобщение другого порядка. Родовые признаки конкретизируются в произведении только через определенные жанровые формы. Жанры – исторически меняющиеся, зарождающиеся и исчезающие художественные формы. Они обусловлены самим объемом и эстетическими качествами объекта изображения-выражения, представляемого мира идей и чувств. Субъективная эстетическая оценка художника претендует на объективность и, скажем, возвышенное и героическое не может быть выражено в сатире, в уродливое или комическое – в оде или гимне. Следуя своему призванию, творец обращается к жанровой форме под императивом своего замысла, эстетической природы мира, ждущего своего воплощения.

СТРУКТУРА ЛИТЕРАТУРНЫХ РОДОВ

ЛИРИКА

ЭПИКА

ДРАМА

Структурная определенность произведения в том разрезе, о котором здесь идет речь, двойная: с одной стороны, действуют закономерности рода (или родов), с другой - жанра (или жанров). Произведения рождаются в диаметре их перекрещивания. Речь идет о взаимодействующих, друг без друга просто не существующих факторах или силовых тенденциях живого механизма. Действие этих двух различного порядка закономерностей можно проиллюстрировать на примере силовых линий, определяющих романную структуру (См. схему на стр. 116).

К выводу о двойной детерминированности структуры литературного произведения, но без выяснения, даже без дифференциации рода и жанра, приходит и Ж.Женетт. Он признает, что "можно спроектировать сетку, подобную той, о которой говорил Аристотель, но более сложную, в которой в тематических классах выделяется в 2 классах способов и их разновидностей, число которых довольно велико (не больше и не меньше, чем др) и охватывает существующие или возможные жанры" ⁸. К этим двум измерениям жанра - теме и способу - Ж.Женетт добавляет третье - "форму", т.е. язык, стих и т.д. В связи с этим можно заметить, что, по сути, Аристотель имел в виду не высокие и низкие темы, а нечто предваряющее понятие о современных эстетических качествах; что же касается уровня языка и стиха, в исторической перспективе он не является определяющим (существуют эпические произведения в стихах и прозе, грамматическое д не задает характера повествования и т.п.). Закономерности здесь более специфичны, структура вообще более сложна и художественно конкретна, всегда оригинальна. Ни одно великое произведение искусства не представляет собой простого (или даже приблизительного) воспроизведения ранее существовавшего канона.

Намеченные выше закономерности, хотя и не в целом, а как правило частично, в определенных аспектах, учитывались при изучении литературы и до сих пор. Говоря о поэтическом $\underline{д}$ как о лирическом герое, рассуждая о масках, о "ролевой лирике", об отдельных лирических жанрах – будь то сонет, песня или свободное стихотворение –, исследователи не могли не завести речь о проблеме отношения $\underline{д}$ к выражаемому и оцениваемому миру. Но что касается современных создателей "текстов", "объективной поэзии", никому, насколько нам известно, не пришло в голову объяснить теоретически эти формулы поэзии как лирику, хотя прием цитирования, который лежит в их основе, представляет собой не что иное как трансформированную лирическую структуру.

Эпические жанры рассматриваются, как правило, в тематологическом аспекте, включая сюда и типы героя, и типологию сюжета. Безусловно, на структуру романа, например, решающее влияние оказывает сюжет, само эпическое содержание в непосредственной зависимости от героя. Нельзя терять из виду тематический принцип, ведь по нему мы определяем подвиды романа (семейный, социально-бытовой, исторический, психологический и т.п.), но желательно и здесь привлекать сравнение. Наиболее результативные работы последних лет идут именно по этому пути сравнительно-типологических исследований. Ясно, что восточно- и юго-восточноевропейские литературы в целом (а большинство их – славянские), и каждая национальная литература в отдельности имеют свои специфические черты по сравнению с западноевропейскими литературами. Современная интерпретация не может быть просто тематологической, она должна скорее идти по линии исследования литературных мотивов. Предмественником такой методологии можно считать, в частности, и румынского компаративиста и критика Д.Каракостя, который в межвоенный период выдвинул тре-

бование сопоставления румынской литературы не только с литературами Запада, но и с славянскими, и с соседней венгерской литературой. Исследуя мотив "Ленора", он выяснил его мифологические источники как в фольклоре и литературе западных стран (Германия, Англия, Италия, Норвегия и другие), так и восточных, а свою интерпретацию обосновал на сравнительных данных европейских литератур вообще. При этом он еще накануне второй мировой войны подверг критике компаративистику французской традиции, считая важнейшей задачей выяснение как общих, так и национальных, специфических черт каждого произведения (Каракостя высоко оценил, например, новаторство Жуковского, "перовернувшего" в "Светлане" традиционный балладный сюжет)⁹. Поэтика сюжета и мотива – важнейшие измерения жанровой структуры, но она представляет собой самостоятельный интерес и выходит за рамки этой работы.

Ставя вопрос о формах, перспективах повествования, мы вступаем непосредственно в сферу жанровых структур, причем в ту ее часть, которая наиболее широко разработана представителями ОПОЗ-а, В.Виноградовым, М.Бахтиным, В.Бусом, современными теоретиками нарратологии. Такие концепты, как "образ автора" (отличный от образа повествователя), полифония, аукториальный голос, повествовательная ситуация или стратегия и некоторые другие, позволили раскрыть художественное богатство классической и современной прозы. Возвращаться к оценке этих достижений, призывать к дальнейшему использованию этих методологических исследований здесь нет ни возможности, ни необходимости. Более целесообразно, кажется, остановиться на некоторых более специфических общих закономерностях, проявляющихся в создании и функционировании жанровых структур.

1. Канон и оригинальность (новая структура). Жанрово-структурные особенности произведения обнаруживают себя по линии заимствованных старых форм, их трансформации или создания новых.

тельные формы - рассказ от имени второстепенного персонажа-свидетеля или вымышленного повествователя, *Ich-Erzählung*, классическое объективное повествование - которые по отдельности существовали до него и в других европейских литературах. В "Мертвых душах" Гоголь синтезирует, переплавляет структуру романа XIX века сатирического обаяния (привлекаемого и Шедриным), путешествия, и отдельные черты эпохи; "Война и мир" - синтез романа европейского типа, т.е. "эпоса частной жизни" (Гегель) или показа цельной человеческой судьбы на широком социальном фоне, и важнейших черт эпохи. Число подобных примеров нетрудно увеличить.

б) Уровень литературных родов. Пример романтиков, создавших образцы жанров двойной или даже тройной родовой структуры, как лиро-эпическая поэма, лирическая драма, оставил глубокие следы в истории литературы. Вклад славянских и других восточноевропейских литератур здесь тоже велик (Пушкин, Лермонтов, Мицкевич, Словацкий, Мадач, Эминеску, Маха)¹⁰. Эти традиции дают о себе знать и в реализме, и в последовавших за ним литературных направлениях (См. стихотворения в прозе, предметно-конкретная и символическая образность у Чехова).

в) Уровень видов искусства. Значение этого уровня возрастает в эпоху символизма благодаря привлечению средств музыки, отчасти живописи и особенно - в начале XX века, когда возникает киноискусство. Опыт А.Белого, создавшего свои "Симфонии" на грани не только лирики и эпики, но и музыки и философии, (какой-то своей гранью она тоже может быть искусством!), здесь особенно красноречив. О широком проникновении художественных приемов киноискусства в литературу XX века говорится очень много и, например, некоторые аспекты стихосложения освещены в ряде случаев глубоко и убедительно.

Указания выше закономерности действуют сообща с другими структурообразующими факторами, среди которых очень важны композиционные принципы.

3. Одно- и многоплановость. Композиционные принципы одноплановости и многоплановости, начала и конца, контраста и параллелизма так тесно сращены с жанровой структурой, что их просто невозможно отделить, не разрывая живую ткань произведения. В эпических произведениях многоплановость начинает появляться как "двойной роман" или многосюжетность. Все же какая огромная разница между ними! Роман Толстого одноплановый, но многосюжетный. Роман же Достоевского многоплановый и тяготеет к усложнению односюжетности привлекая различные ипостаси и уровни тех же событий.

Критический анализ структур может пройти успешно по этим линиям или хотя бы по некоторым из них, требуемым данным произведением. Например, в наших работах о Тургеневе была сделана попытка выявить эти линии.

Исследователи отметили разнообразие жанровых форм, используемых автором "Записок охотника": "Бытовой очерк, психологическая новелла, картина с натуры, лирический этюд, пейзажная зарисовка, проникнутая философскими размышлениями, - все эти жанры равно доступны автору «Записок охотника»¹¹. Можно добавить, что при этом оригинальность таланта, мастерство Тургенева, проявляются особым образом - в гармоническом сплетении, в сплаве разнородных жанровых элементов. Жанр очерка, как пограничный между искусством слова и, скажем, социологией, публицистикой и психологией, предполагает, кроме малого объема, появление авторского я (грамматического, а не лирического!) на первом плане, неразвитость эпического событийного элемента, характеристику персонажей при помощи диалога (прежде всего - диалога между автором и изображенными людьми), портрета и

очерка и рассказа. Огромное большинство "записок" – это или рассказ в очерке или рассказ, на который накладывается структура очерка, или наконец, очерк с явными элементами рассказа, другими словами, бесконечно разнообразное сочетание различных структурных пластов этих двух жанров.

Очерковая структура дает почти во всех случаях по крайней мере композиционную рамку произведения. Это относится и к циклу в целом, который открывается и закрывается очерком ("Хорь и Калиныч", и, соответственно, "Лес и степь"), и к его отдельным пьесам. Эта рамка очерчивается закономерным появлением в начале и в конце рассказа образа охотника (иногда вместе с Ермолаем или другим, сопровождающим его, крестьянином), соответствующими языковыми конструкциями (повествование от первого лица) и, как правило, описанием какого-либо природного явления, сцены охоты, пейзажа или картины быта.

Но авторское я не ограничивается в цикле той ролью, какую оно играет в очерке. Охотник часто становится персонажем, от имени которого – через его восприятие, его устами – передается событие ("Льгов", "Касьян с Красивой Мечи"). Повествование в этих случаях может принять классически-эпическую, безличную форму, от третьего лица единственного числа или от первого множественного, что дает все новые и новые средства для создания атмосферы подлинной правды. В других случаях образ охотника условен, вводится приемом чисто эпического повествования, как подслушивание – например, в "Свидании", "Бежином луге", или выслушивание – в "Уездном лекаре".

Помимо или вместо роли простого наблюдателя, оценивающего и размышляющего, характерной для очерка, повествователь нередко берет на себя функции эстетической оценки явлений, раскрытых в развернутом действии. Так проявляется знаменитый тургеневский лиризм.

очерковая структура нередко содержит в себе зерна неравновесности: повеллы ("Малиновая вода", "Левоедьянь", "Смерть") или же сочетается с рассказом, занимающим равноправное с ней место. Первая часть — описание быта — в "Гамлете Щигровского уезда" осуществлена в форме очерка, а вторая — это включенная в очерковую рамку повесть, рисующая основные этапы жизни героя, выехавшего из колен дворянского интеллигента. Сочетание структурных пластов очерка и рассказа всегда органично, они то пересекаются, то располагаются друг за другом, но всегда дают органический сплав, гармонию разнородных элементов. В этом — специфическая нота тургеневского искусства, такой жанровой структуры мы не найдем у других авторов.

Сжатость и лаконичность характеризуют прозу Тургенева и обуславливают сравнительно небольшой объем его романов. Первоначально писатель часто называл их и повестями, колебался, но в последний период жизни он сам совершенно справедливо высказался за соответствие современным понятиям определение жанра всех шести произведений как романов. Они и в самом деле полностью соответствуют критериям этого жанра — раскрывают весь, или хотя бы основной жизненный путь героев на широком общественном фоне. При этом изображение быта, обстановки — конкретное и точное до мельчайших деталей — играет подчиненную роль для социально-психологического раскрытия характеров, в отличие от Гончарова, например, у которого быт имеет и самостоятельный интерес. Сюжет тургеневских романов охватывает обычно события только нескольких дней, отсеченных от небольшого временного пласта — обычно в несколько месяцев. Но Тургенев с большим мастерством раздвигает временные границы повествования при помощи других средств. В определенный момент развития событий, или уже при вступлении на сцену героя, он дает его ретро-

năitate") заволнованный рассказ о попавшем в холодную северную страну артисте-итальянце звучит как эпический по своему характеру. Авторское *я* не появляется здесь в основном тексте. Но эпический пласт переплавляется в лирический благодаря приподнятости и субъективности стили, благодаря ритму и лейтмотиву, повторяемому гётевскую строку "Kennst du das Land wo die Zitronen blüh'n..." – "Cunoști tu țara unde înfloresc lămfii...", в которой, через обращение ко второму лицу – "ты" – появляется, хотя и непрямо, и лирическое "я" автора¹⁴. В "Бездне" ("În întuneric") аллегорический рассказ ведется от имени поколения – "мы" – и только один раз появляется (и то в косвенном падеже) авторское "я".

Результаты анализа убедительно говорят об оригинальности каждого автора. Жанр стихотворения в прозе получает у Тургенева своеобразные очертания, на основе синтеза различных, иногда разнородных элементов, на основе реализма; Петикэ создает, на основе символизма, с привлечением элементов романтизма и реализма, более однородный тип стихотворения в прозе, повышенной музыкальности и ритмичности. Такие черты жанра, как сжатая конструкция малой формы, основанная на "формулах", повторах, лейтмотивах и ритме, имеющая в своей основе философское или просто поэтическое размышление, проявляется у каждого из поэтов по-разному. Тургенев переплавляет здесь все богатство, весь опыт своего эпического мастерства; Петикэ, молодой публицист, движущийся к своему поэтическому признанию – лирической поэзии – создает своеобразный жанр, раскрывающий – наиболее полно для него, на данном этапе – все мироощущение. Эти страницы из истории жанра говорят о богатых возможностях стихотворения в прозе, опровергая мнение о его малор

плодотворности в мировой литературе, и доказывает, что жанр живет и в своей лиро-эпической форме у названных писателей, или у других, таких как Гаршин, Короленко, Горький, Ремизов. Горький как бы конкретизирует принцип сплава двух литературных родов и претворяет эпический элемент не в лирике вообще, а в отдельных лирических жанрах, создавая песню, элегия или поэму в прозе ("Песня о соколе", "Песня о буреизвестнике", "За бортом. Элегия", "Человек" и т.п.). "Симфонии" Белого нельзя назвать стихотворениями в прозе прежде всего потому, что они выходят за рамки малой формы этого жанра. Однако не только объем "симфоний" выводит их за сферу жанра, но и их структура, которая возникает на уровне синтеза и разнообразия уже не только двух литературных родов, но и музыки, как другого вида искусства, и философии, также имеющей свою художественную грань (средства риторики, стиль).

В художественной литературе трудно найти аналогию "симфониям". Намеренно конструируемые как эксперимент музыкального произведения, созданного средствами языка - мелодикой формальных звуко сочетаний, ритма и т.п. - они более эпичны, чем "иллюминации" Рембо, Лотреамона или Малларме. Здесь дает себя знать традиции русской литературы, выдвинувшей в послебодлеровский период лиро-эпическую структуру жанра, основанного чаще всего на синтезе разнообразных средств нескольких литературных направлений при доминанте одного - самого современного.

Таким образом, выдвинутое нами структурное определение жанра позволяет выявить общие закономерности и оригинальность каждого произведения или каждой литературы (поскольку используется и методология сравнительной поэтики). Результаты подобных исследований могут оказаться самыми значительными как для создания истории жанра, так и для самой эстетической оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Особо нужно отметить прогресс по мере приближения по сегодняшнему дню, наблюдаемый в таких трудах как История русского романа, т. 1-2, Изд. АН СССР, Ленинград, 1969; Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Под ред. Б.С.Меймеха, Ленинград, "Наука", 1973; Поэтический строй русской лирики, отв. ред. Г.М.Фридлендер, Ленинград, "Наука", 1973; Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. Отв. ред. Г.И.Лошидзе, С.М.Хитарова, Москва, "Наука", 1978; См. о новых сдвигах: Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. Ред. коллегия М.Б.Храпченко, Г.П.Бердников, Н.К.Гей, С.Г.Богаров, И.Ю.Подгавцкая, Москва, "Наука"; Е.М.Мелетинский, Введение в историческую поэтику эпоса и романа, Москва, "Наука", 1986. При этом нужно иметь в виду и издания - в том числе и много- томные - антологий по русской повести, русскому, физиологическому очерку, элегии, сонету, сатире, пародии и т.д., которые содержат большую часть произведений данного жанра и комментарии. В ходе дальнейшего изложения коснемся постановки вопроса вклада ряда исследователей из Румынии и других стран.
- 2 Античные мыслители об искусстве, Москва, "Искусство", 1938, стр. 151.
- 3 См. L.Ruau, Estetica poeziei lirice (Эстетика лирической поэзии), Cluj, 1944, p. 10.
- 4 Античные мыслители об искусстве, стр. 78-79.
- 5 Gérard Genette, Introduction à l'architexte, Paris, Editions du Seuil, 1979, p. 18-19.
- 6 Античные мыслители об искусстве, стр. 152.
- 7 Albert Kovács, Preliminarii la o teorie contemporană a genurilor. "Revista de istorie și teorie literară", 1980, 4, p. 535-553. См. также А.Ковач, О закономерностях развития литературных родов. В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Издательство Московского Университета, 1971, стр. 31-40.
- 8 Gérard Genette, Introduction à l'architexte, p. 82.
- 9 Д.Каракостя посвятил данному мотиву специальную работу еще в 1929 году в Бухаресте; Lenore. - O problemă de literatură comparată și folclor, которая содержит отдельные главы о чешской,

- польской, русской и других литературах. См. об этом и нашу статью Literaturile slave - temă de cercetare în bibliotecă lui D. Caracostea, "Romanoslavica", XXIV, 1986, p. 17-41.
- 10 См. об этом: Elena Loghinovschi, De la Bună la Luceafăr. Motivul demonic la Lermontov și romanticismul european, București, Editura Univers, 1979; Corneliu Barborică, Studii de literatură comparată, București, Editura Univers, 1967, p. 58-166.
  - 11 С.М. Петров, И.С. Тургенев. Творческий путь, Москва, ГИХЛ, 1961, стр. 114.
  - 12 И.С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения, т. III, Москва, "Наука", 1979, стр. 292. В дальнейшем произведении Тургенева цитируются по этому изданию. Подробнее вопрос разработан в статьях автора: Поэтика "Стихотворений в прозе" И.С. Тургенева, "Bulletin de l'Association de la langue et de la littérature", XXI, 1977, p. 71-90; La poétique de "Poèmes en prose" de Tourguéniev dans le contexte de la littérature européenne, "Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran", № 7, Tourguéniev et L'Europe, 1983, p. 58-64.
  - 13 Исследователи румынской литературы убедительно осветили художественное своеобразие стихотворений в прозе Шт. Петицы на стилистическом уровне (Михай Замфир) и с точки зрения их основных мотивов и специфики образности (Зина Молкуц); жанровая же структура этих произведений определяется ими как чисто лирическая. См. об этом: M. Zamfir, Proza poetică românească în secolul XIX, București, Editura Minerva, 1971; Zina Molcuț, Stefan Petică și vremea sa, București, Cartea Românească, 1960; M. Zamfir, Poemul românesc în proză, București, Editura Minerva, 1981.
  - 14 Stefan Petică, Scriseri, I. București, Editura Minerva, 1970, p. 162.

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В СОВРЕМЕННОМ СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Вирджил Шоптеряну (*Virgil Soptereanu*)

В каждой национальной литературе существует особый пласт произведений, вызывающих живой интерес читателей: это - произведения исторического жанра.

На современном этапе исторический жанр в советской литературе переживает один из моментов своего подъема. Степень градации древности исторического слоя, поднятого советскими писателями, чрезвычайно различна: от более близкой истории последней войны советского народа - к истории революции и гражданской войны (а теперь как бы выделяются особо произведения, относящиеся к 30-м годам истории советского государства). Может быть, и здесь скрывается известный закон, по которому "спрос" (читательский) рождает "предложение" (писателей). И вот возникает вопрос: исторический жанр, предпринимая новый шаг в своем развитии, что же он берет с собой из существующих литературных традиций и что привносит нового?

Традиции - это нервная система того организма, которым является всякая национальная литература. При нашей работе над историей русской советской литературы (1) мы все время стремились не упустить из виду именно момент принадлежности данного произведения (или данного писателя) к общему потоку советской литературы и дать возможность, таким образом, читателю открыть для себя особый мир данной национальной культуры.

В то же время вопрос о традициях в применении к советской литературе (включая сюда и произведения исторического жанра) имеет свою специфику: традиция здесь каждый раз как бы оборачивается к нам тремя гранями. Читая, например, К.Симонова, П.Проскурина, Ю.Бондарева, А.Аваньева и др., не раз ощущаешь присутствие в их произведениях традиций Л.Н.Толстого - толстовских нот в изображении судеб челове-

ческих, в морально-философском аспекте "вечной" темы жизни и смерти. С другой стороны, нельзя пройти мимо факта обращения современных советских писателей к национально-народной образности, к национальным истокам характера, особенно ощутимым у Ф.Абрамова, М.Алексеева, С.Залыгина, П.Проскурина и др. Вместе с тем, "статус" традиции в современной советской литературе приобрели и те тенденции, которые были заложены и развиты в ней поколением писателей нового, советского, периода: М.Горьким, М.Шолоховым, Л.Леоновым, В.Маяковским и А.Толстым.

Появление исторического романа А.Толстого Петр Первый (1929-1945) рассматривалось в свое время как важный вклад в формирование жанра советского исторического романа. Опираясь на традиции русской классической литературы, на опыт европейского исторического романа, произведение А.Толстого, в то же время, отвечало своего рода заявке того времени на создание, как выразился в свое время К.Федин, "совершенно новой советской школы в этом искусстве".

Роман А.Толстого стал событием в истории советской литературы. Образы людей, живших почти триста лет тому назад, описания исторических событий, деталей давно ушедшего в прошлое бытия, образность языка - все это настолько колоритно, живо и убедительно, что читатель не оставляет ощущение, будто все описанное было увидено, услышано и пережито очевидцем. После выхода романа А.Толстого образ Петра I, один из самых дискутируемых в русской литературе, не только в общих, но и в своих частных чертах, начинает восприниматься в том облике, в каком он вырисовывается у Алексея Толстого.

Подобное восприятие художественного образа было плодом большой работы писателя, наделенного к тому же (как это не раз отмечалось) талантом чувствовать историю, писателя, накопившего богатый арсенал художественных приемов, который им используется для того, чтобы дать плоть ушедшим в прошлое персонажам. Не последнюю роль в зрительном, вкусовом восприятии русской старины сыграло и прекрасное знание писателем русского фольклора, обычаев, песен, обрядов, а также и его лич-

ные детские впечатления. "Если бы я родился в городе, - писал по этому поводу А.Толстой, - а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей, - эту зимнюю выгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гадания, сказки, лучину, очины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву" (2, с. 414).

Нельзя преуменьшать и той роли, которая выпадала на долю исследовательской работы писателя над историческими документами, относящимися к петровской эпохе. "Исторический роман", - высказывался по этому поводу Алексей Толстой, - это "чистая история". "Работа над документами - это один из очень важных процессов в писательской деятельности" (2, с. 208). Исторический материал призван служить в советском историческом романе уже при его зарождении не только фоном, на котором представлены, согласно вальтер-скоттовским традициям, вымышленные герои. В произведениях исторического жанра классика румынской литературы М.Садовяну (например, в его яркой трилогии Братья Идер - 1935-1942), хотя и присутствуют исторически существовавшие личности, в первую очередь образ Штефана Великого, но сама фабула произведения, ее семантические детали строятся во многом на красочном фольклорном материале и прежде всего на богатой и проницательной художественной интуиции писателя. У А.Толстого, однако, - речь идет, разумеется, о равнине в методе, об индивидуальном своеобразии художников, а не о качественной иерархизации - не только главные, но и многие эпизодические события, имели место на самом деле. Что касается главных персонажей, то здесь не идет речь об обыгрывании исторических параллелей, или о том, что герои произведения имеют своих прототипов. У Алексея Толстого исторические образы, говоря языком скульптора, это - слепки с натуры. Своих героев романист стремится представить потомкам с их собственными лицами и характерами, безусловно, насколько возможно их разглядеть сквозь наслоившуюся пыль времени. Конечно, при этом мы не упускаем из виду и фактора обязательного присутствия условности в литературе, художественного переосмысления истории, чем, собственно, ли-

незаурядное мастерство, результатом которого только и может быть та "высокая художественная проза", к созданию которой стремится писатель-историк.

В своих поисках "высшей формы постижения живой исторической реальности" современные советские писатели-историки творчески развивают традиции прошлого, те "старые" традиции, которые, переходя "в новое, продуктивно «работают» в нём" (6, с. 59), как это происходит с советской прозой на историческом материале 20-х-30-х годов - А.Толстого, А.Чапыгина, А.Новикова - Прибыля, С.Сергеева-Ценского, О.Формы, В.Шинкова, Ю.Тынянова и др. Современный писатель-историк Я.Гордин (автор повести Ришельё Пушкина, романов Право на обедню, Пламенные революционеры, книги События и люди 14 декабря), излагая свой взгляд на современный исторический роман, близко подходит к теоретическим установкам, например, А.Толстого, изложенным нами выше. Он пишет: "в XX веке высшая форма постижения живой исторической реальности - высокая художественная проза, которая, не претендуя на фотографическое воспроизведение «истории», конструирует принципиальную модель событий, личности, судьбы. Это не вымысел. В предельном случае - постижение" (7, с. 7).

В то же время историческая проза, будучи подсистемой в системе единой национальной литературы, не может не синхронизировать свое движение с развитием общего литературного процесса, в центре которого, как это известно, сейчас находится нравственная проблематика. Современный советский исторический романист, - отмечает писатель-историк М.Давыдов, - "мучается" "над вечными проблемами - совесть, долг, чувства добрые", то есть "над теми же нравственными проблемами, к которым обернулась сейчас вся литература" (4, с. 130). Проникнуть "в историческую правду, через психологическую правду характера" (5, с. 71), - в этом заключается специфика современной советской исторической романистики. "Внимание исторической прозы... обращено к человеку" (Отар Чиладзе, 4, с. 151) - подобные утверждения самих писателей можно было бы значительно умножить.

На стыке, как нам кажется, этого повышенного внимания к углублению в психологию, с одной стороны, и вышестепенной ориентации на документальность, на историческую правду, с другой, обнаруживает себя всплеск интереса в советской романистике к мемуарному приему. Сам жанр мемуаристики, важнейшим элементом поэтики которого является подчеркнутая достоверность изображаемого, насчитывает на своем счету, как это известно, многовековые традиции. В работах исследователей этого жанра наше внимание привлекли два момента. Во-первых, говоря об эволюции мемуарно-автобиографического жанра, исследователи отмечают его движение "от описания только крупнейших исторических событий, описания, за которым почти не было видно рассказчика, к «отражению истории в человеке» и история самого человека" (8, с. 148, подч. нами - и.ш.). С другой стороны, отмечается, что в современных мемуарах, продолжающих оставаться документальной прозой, все более ощущается "притяжение художественного полюса", что порождает "определенные приемы повествования", вызывает к жизни "разнообразные гибридные формы" (9, с. 54).

Одной из таких, так называемых "гибридных", форм является, например, жанр имитации мемуаров, "романической мемуаристики", который пользуется большой популярностью в современной советской исторической прозе, составляя одно из ее направлений (10, с. 43-70). Начало этой формы исторического жанра было положено, как это кажется, М.Давыдовым - его повестью Судьба Усольцева, вышедшей в 1973 году. В ней на смену "обычного", "объективного" повествования (как это имеет место, например, в Глухой ноге листопада того же автора) приходит форма записок героя и комментариев историка-архивиста.

Среди этой литературы, пытающейся осуществить "связь времен" где-то на уровне личностных восприятий, особый интерес у нас вызвал роман-трилогия известного ленинградского писателя Владимира Дружинина Державы российской посол (1979-1980), который, вписываясь в вышеотмеченную линию советского исторического романа, мог бы служить, по

нашему мнению, одним из признаков творческого развития традиции на последнем этапе эволюции литературы.

Роман-трилогия В. Дружинина Деяния российской посол (Гибель, Орешек, С лицом старым, Викторина парижская) заинтересовал нас как произведение, автор которого обратился к той же, петровской, эпохе, а, следовательно, следуя логике, в нем можно искать переключку с романом А. Толстого. В самом деле, первые же страницы произведения Дружинина как бы переносят нас к началу романа Петр Первый: читатель снова узнает молодого Петра, атмосферу и быт царского двора того времени. Сходство тем более повязное, что при работе над романом Петр Первый А. Толстой обращался за историческими сведениями, среди других источников, и к Путевым запискам и двум письмам князя Б.И. Куракина, дипломата петровской эпохи. Вместе с тем, по мере чтения книги Дружинина читатель убеждается, что этот "парафраз" чужого текста – только лишь первое сходство начала, необходимое автору как бы для "разбега", с тем чтобы затем затем начать свой собственный своеобразный рассказ о событиях и лицах, часть из которых были отражены у Алексея Толстого, другие – нет, ибо у В. Дружинина охвачен больший промежуток времени: с 1697 года вплоть до смерти Петра I в 1725 году (тогда как роман А. Толстого охватывает период с детских лет Петра по 1704 года). Помимо этого, роман Дружинина посвящен теме менее выделенной у А. Толстого, а именно: "театруму бескровной баталии" – русской дипломатии, выступившей на международной арене в начале XVIII столетия.

Вместе с тем, наш выбор именно этого произведения имеет под собой еще одно, субъективного фактора, побуждение. Образ Петра I обладает сам по себе большой притягательной силой не только для его соотечественников, но и для иностранного читателя. Автора данной статьи личность Петра I и его изображение в современной советской литературе привлекает тем, что именно в ту далекую эпоху соприкоснулись судьбы наших народов – румынского и русского. Дмитрий Кантемир – наш крупный просветитель, господарь Молдавии, возлагал на Петра I надежду на изба-

влияние румынских княжеств от турецкого угнетения. После неудачной антиоттоманской битвы русско-молдавских войск под Станилешти (1711) Д.Кантемир живет в России, занимая в последние годы жизни ответственный пост в системе государственного управления Петра.

Читая историческую трилогию В.Дружинина Державы российской посол и его новый роман Град Петра (1987), начинаешь отдавать себе отчет, почему для Д.Кантемира личность Петра I имела такую притягательную силу. Д.Кантемир говорил о Петре I в Исследовании монархий на основе физической философии, в Хронике стародавности романо-молдо-влахов и в других работах, как об одном из "самых мудрых и отважных" монархов, которого никто не "превосходит в человечности и благодушии" (11, с.194).

В книгах В.Дружинина от личности Петра I исходит своего рода "магнитное поле" большого накала, в которое властно вовлекаются окружающие его люди, в которых силой воли Петра как бы пробуждаются дремлющие в них возможности. В трилогии державы российской посол это - князь Борис Куракин, в Граде Петра - архитектор Доменико Тревани. Оба талантливые люди, один - на поприще дипломатии, второй - архитектуры. Но развитие их талантов происходит под прямым воздействием неутомимого Петра, его незаурядных способностей. Доменико из "фортификатора" вырастает в общепризнанного архитектора, и он сам сознает в этом роль Петра I. То же самое можно было бы сказать и о ближайшем сподвижнике царя Александре Меншикове: при Петре I Меншиков проявил себя не лишеным военного таланта руководителем войск, способным администратором. Однако после смерти Петра перед нами Меншиков, которого, как пишет один из советских историков (12), будто подменили - настолько он стал безынициативным и скованным. Психологический механизм подобной трансформации человеческого поведения возможно будет раскрыт в следующей книге Дружинина о Меншикове, над которой, по словам автора (в письме к автору данной статьи), он работает в настоящее время. Кстати, это было бы, на наш взгляд, и заполнением одного из тех "белых пятен" в русской истории, о которых говорит современная советская критика.

судьбе людей" (13, с. 67). В самом деле, в своем произведении автор то и дело переходит от позиции художника, с его внутренней свободой в обращении с историческим материалом, создающего образы людей, участников исторических событий, на позицию историка-ученого, дотошно стремящегося дойти до исторической правды, вступающего в спор с другими историками по поводу тех или иных существующих исторических концепций или взглядов, предлагающего свой собственный взгляд на то или иное событие исторического прошлого. Конечно, и это – своего рода прием, призванный "породить в читателе ощущение абсолютной достоверности повествования" (13, с. 101).

Что касается романа В.Дружинина, то подобное "ощущение абсолютной достоверности повествования" порождается здесь иными образно-художественными средствами, свойственными мемуарному жанру: история преподносится читателю непосредственным ее участником.

Неизбежное присутствие собеседника-рассказчика ведет к выдвиганию в произведении личной точки зрения мемуариста. С подобной формой романа связан также факт особого отбора исторического материала: в романе В.Дружинина речь идет о тех событиях, в которых мог участвовать или о которых мог знать князь Куракин; представлены лица, в соприкосновении с которыми входил полномочный царский посол. Автор подчеркивает это обстоятельство, например, тогда, когда речь идет о том, что такой важный момент в русской истории, как взятие крепости Полтавы, описан в книге чрезвычайно скупо. Ссылаясь на записки Бориса Куракина, автор поясняет: "Но Борис привык заносить в тетрадь обстоятельно то, что испытал и видел сам" (14, с. 89). О форме изложения у Бориса Куракина можно было бы сказать, что она соответствует той, что является определяющей для части литературы современной эпохи, когда повествование разворачивается "согласно видению" главного персонажа, отличаясь тем самым от классической формы рассказа (с которой мы встречаемся у А.Толстого) с ее превосходством повествователя по отношению к действию, протекающему в книге.

Мемуарная форма повествования приводит к тому, что именно от оценок главного персонажа отправляется автор в своем описании лиц и событий, что дает писателю возможность проникнуть в "психологию эпохи" необычным для исторического романа, претендующего на социально-историческое осмысление взятой эпохи, способом. История вскрывается как бы изнутри, через прямой показ переживаний и эмоций человека XVIII века, рассказ о которых ведется от первого лица, рассказ как бы прямо обращенный к читателю нашего столетия. В "историческую правду" писатель стремится проникнуть именно через "правду характера", когда история находит свое отражение в человеке. Этим произведение В.Дружинина, как вообще "романическая мемуаристика", отличается от той исторической прозы, которая пишется от "лица" автора, в которой не видно рассказчика, а внутренний мир персонажа раскрывался – как это мы видим и у А.Толстого – опосредованно, через описание его портрета, жестов, поступков и т.п.

В тех же случаях, когда автор не удовлетворен субъективной информацией "рассказчика"-очевидца, он прибегает к свидетельствованим-цитатам современников главного персонажа. Например, чрезвычайная сдержанность князя Куракина в оценке собственной персоны заставляет Дружинина обратиться к дневнику Сен Симона, в котором дана существенно дополняющая образ князя Куракина характеристика: "... Высокий, хорошо сложенный мужчина, хорошо сознающий свое происхождение и притом обладающий большим умом, тонким обхождением и образованностью. Он достаточно хорошо говорит по-французски и на других языках, он много путешествовал, служил в войсках, потом выполнил различные миссии" (15, с. 84).

Структуру романа В.Дружинина отличает еще один важный штрих, позволяющий сблизить это произведение с "романической мемуаристикой" (см. исторические романы Ю.Давыдова – Завещая вам, братья..., Судьба Усольцева; Б.Окуджавы – Путешествие дилетанта; Н.Эйдельмана – Большой Жанно^{*}), в которой мемуарная форма (достоверность изображения) взаимо-

* В произведениях этих писателей действуют как вымышленные персонажи, так и исторически реальные лица.

действует с приемами художественной литературы. Изложение дневниковых записей, цитаты из исторических документов и то, что домысливается автором по законам художественной фантазии, – все это цементируется здесь так называемым авторским голосом, зачастую возникающим на страницах произведения В. Дружинина. Авторский голос, ставя повествование между "сейчас" и "однажды", выводит его из одной плоскости, делает изображение многогранным, отвечая тем самым на одну из распространенных в современной мемуаристике тенденций (9, с. 56). "Открытое" появление авторского голоса это – художественный прием, к которому довольно часто прибегают писатели, для того, чтобы дать свое отношение к изображаемому, внести лирическую струю или придать произведению философскую перспективу. Использование В. Дружининым этого художественного приема не лишено оригинальности. Прежде всего, подобным "маневром" Дружинин как бы выносит "на свет", делая частью художественной структуры произведения то, что подлежит быть скрытым в творческой лаборатории романиста: он как бы на глазах у читателя работает над старинным документом. Не имея возможности – из-за трудности понимания современниками языка начала XVIII столетия – предоставить целиком записки Бориса Куракина, автор начинает излагать их своим языком (стремясь сохранить в то же время многие из особенностей русского языка того времени), как бы становясь в позицию своеобразного толмача этих записок для своего современника.

В то же время, благодаря одной грамматической детали, а именно – использованию настоящего времени в прямой речи автора – намечается некая дистанция между историко-эпическим элементом и драматически-описательным, предназначенным для создания "иллюзии настоящего". Писатель далек от того, чтобы "злоупотреблять" этим своим "положением": "изложение речи" лишь изредка сопоставлено с "речью изложенной", "иллюзией настоящего". Особая привлекательность романа Дружинина заключается, по нашему мнению, именно в усилении конкретного и осязательного характера изложения: оно состоит исключительно из голоса того, кто "присутствовал" и кто делает так, чтобы его мнение дошло до нас. Писатель редко

когда "вмешивается" в ход изложения событий, данного, как мы это уже отметили, через призму главного персонажа, что дает читателю полную возможность самому судить о событиях и лицах, проходящих перед ним. Отсюда создается впечатление "безоценочного" дневникового описания, которое, кстати сказать, казалось неприемлемым для А.Толстого. Подобная манера повествования – от лица очевидца – создает художественную иллюзию подлинности изображаемого, достоверности художественного исторического текста, вызывая доверие читателя. Вызывает доверие читателя к изображаемому и дружининская манера повествования, он соглашается с теми коррективами, которые автор – в целом оставаясь в русле пушкинско-толстовской оценки личности Петра I – незаметно вносит в этот образ. Коррективы эти идут по линии еще большего расхождения со славянофильской литературой (см., в частности, роман Д.Мережковского Петр и Алексей), в противоречие с которой вступал и А.Толстой при многолетней работе над темой Петра. Так, у В.Дружинина Петр I не только (как у А.Толстого) выдающийся государственный деятель и полководец, но и дальновидный политик и дипломат, а также и образованный для своего времени человек. Легкие, но уверенные коррективы добавляются дружининским, например, и к образу главного сподвижника Петра I, Александра Меншикова.

Известно, что у самого А.Толстого обрисовка образа Петра I не раз претерпевала изменения. Долгое время – признавался писатель – Петр I был для него "загадкой в историческом тумане". Оставуки славянофильской оценки нашли свое отражение в рассказе А.Толстого День Петра (1918), где русский царь представлен как мрачная и одинокая фигура. Иная трактовка этого образа в историческом романе А.Толстого – не только следствие большой исследовательской работы писателя, но и в известной степени – отражения настроений того времени, когда писался роман, напоминавшего автору эпоху петровских преобразований.

В романе В.Дружинина и оценка личности Петра I входит в орбиту отношения к нему главного персонажа Бориса Куракина. Но отраженный

сквозь субъективную призму, блеск этого образа не тускнеет. Борис Куракин верой и правдой служит на дипломатическом поприще делу Петра, видя в бескорыстном (подчеркивается в трилогии) служении царя своему государству пример своей жизни. Несмотря на подчас неза заслуженные по отношению к нему обиды со стороны царя, Куракин привязан к нему всей душой. Смерть царя, казалось бы, должна была облегчить существование заподозренного в измене боярина. Но после смерти Петра Борис Куракин как бы теряет вкус к жизни, тон его записок становится все более меланхоличным.

Князь Куракин показан в эволюции своего характера и отношения к жизни, во многом определенного политикой Петра I. Семья, брошенная Петром I в, казалось бы, непробудную (и вспоминается роман А.Толстого) толщу боярства, проросли и дали свои всходы. На страницах романа В.Дружинина показывается, как бывший боярин-крепостник, который вначале говорит Петру, что "если холопей учить", то они "лаптями нас затопчут" (16, с. 121), затем "все чаще опускает... взор" к "народу" (14, с. 61), с тем чтобы, в конце концов, прийти к невероятной для его класса и времени идее: он не только отпускает на свободу своего холопа, но и рассуждает о равенстве людей независимо от их рождения. Это - иной ракурс в изображении русского боярства, чем тот, который мы находим у А.Толстого, давшего в своем романе сугубо отрицательный портрет этого слоя русского общества. Наиболее положительный образ из этой среды - Василий Голицын, образованнейший для своего времени человек, - представлен А.Толстым как слабый и беспочвенный мечтатель.

В романе В.Дружинина сказалося направление тех мутаций, которые имели место в советской литературе в последние годы. Возьмем, к примеру, в качестве опорных пунктов такие романы, как Дипломаты и Завтрашня в Рапалло, принадлежащие перу С.Дангулова и посвященные сравнительно недавней истории - советским дипломатам, вышедшим из самых недр русской аристократии и, тем не менее, примкнувшим к Ленину.

Имея форму дневника, произведение В. Дружинина тем не менее не является мемуаром в классическом понимании этого слова: это – исторический роман, в котором частная человеческая судьба оказывается подчиненной тому, что называется "большой историей" и которая здесь выдвигается на первый план. Архитектоника подобного исторического повествования нуждается в расширении рамок дневника, что и делает писатель, проследившая в своем произведении значительные для того времени события и факты: участие в международной игре папского двора в Риме, быт начала XVIII века Венеции, Вены Габсбургов, Парижа эпохи Герцога Орлеанского, борьбу за престол в Польше, "сосредоточие машинаций политических" XVIII века – Гаага, рассказывает о событиях и лицах, связанных с Пруссией, Амстердамом, Карлсбадом и т.д. Остается Пожалеть только, что в этом калейдоскопе событий и фактов нет упоминания и о румынских княжествах, оборонившихся в те годы за независимость от Османской империи. Можно предположить, что среди близких Петру людей Куракин не мог не встретить и Дмитрия Кантемира, одного из советников царя. Правда, в романе Град Петра вскользь упоминается семья Кантемира^{*}.

Весь этот материал – и мемуарно-документальный, и "авторские" списания – спаян в произведении В. Дружинина в единое целое писательской мыслью, что потребовало от писателя владения той "смелостью" в "своих догадках", которая была одним из принципов работы над историческим материалом и Алексея Толстого.

Историческая трилогия В. Дружинина Державы российской посол относятся к числу тех произведений советских писателей, которые дают богатую пищу для размышлений, как в смысле содержания, так и в художественном плане.

^{*} "У княгини Кантемир, жены молдавского господаря, в новом отеле на левом берегу, против цитадели, – форменный парижский салон. В узком кругу, в будуаре, резвились, пили из стеклянного башмачка и прочих занимательных посудин. Сын Кантемиров Антиох, еще подросток, обещает быть поэтом, царь слушал его и наградил..." (17, с. 489).

Примечания

- 1 V. Soptereanu, История русской советской литературы. Восприятие ее в Румынии, Tipografia Universității din București, 1987, 546 с.
- 2 А.Толстой, К молодым писателям. Собр. соч. в десяти томах, т. 10, Москва, 1961.
- 3 А.В.Алпатов, Алексей Толстой – мастер исторического романа, Москва, 1958.
- 4 Минувшее меня объемлет живо... (И.Давыдов, И.Кресс, В.Окуджава, О.Чиладзе об историческом романе). "Вопросы литературы", 1980, № 8.
- 5 Н.Иванова, Отцы и дети эпохи, "Вопросы литературы", 1987, № 11.
- 6 См. "Вопросы литературы", 1984, № 2.
- 7 Я.Гордин, 14 декабря на черной речке, "Литературная газета", 1987, № 47, 18 ноября.
- 8 Г.Елизаветина, "Последняя грань в области романа..." (Русская мемуаристика как предмет литературоведческого исследования), "Вопросы литературы", 1982, № 10.
- 9 И.Шаитанов, "Непроявленный жанр", или литературные заметки о мемуарной форме, "Вопросы литературы", 1979, № 2.
- 10 См. Я.Гордин, Порвалась связь времен? Заметки об одном направлении современной исторической прозы, "Вопросы литературы", 1986, № 3.
- 11 P.P.Penătescu, Dimitrie Cantemir. Viata și opera. (București), Ed. Academiei, 1958.
- 12 Н.И.Павленко, Александр Данилович Меншиков, Москва, "Наука", 1981.
- 13 См. Ю.Минералов, Да это же литература! ("Историческая точность" и художественная условность), "Вопросы литературы", 1987, № 5.
- 14 В.Дружинин, С лицом открытым. Вторая часть трилогии Державы российской посол, "Нева", 1979, № 12.
- 15 В.Дружинин, Виктория парижская. Третья часть трилогии Державы российской посол, "Нева", 1980, № 12.
- 16 В.Дружинин, Римский орешек, "Нева", 1979, № 1.
- 17 В.Дружинин, Град Петра. Роман, Ленинград, Советский писатель, 1987.

ИСКУССТВО ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО – ОТ ТЕОРИИ ПРОЗЫ К ПРОЗЕ

Сорина Балэнеску (Sorina Bălăneșcu)

Много писалось о книге Виктора Шкловского О теории прозы, опубликованной в 1929 году. О последующих за ней книгах критические комментарии колебались между сожалением об отречении писателя от принципов современной поэтики, когда-то им самым обоснованных, (т.е. – отход "нового" Шкловского от старого, "несравненного" Шкловского) и удовлетворением от того, что писатель сумел отказаться от эретического формализма своей молодости¹. Как это не странно, но библиография о творчестве Шкловского во всем его объеме гораздо беднее его литературного наследия². Преобладают статьи об отдельных произведениях. В них два Шкловского стоят, казалось бы, друг против друга, но в сущности, тот, кто пишет – это один и тот же – от задиристой статьи Воскресение слова (1914 г.) до Диалогов с прошлым, опубликованных в 1984 году, когда писателю исполнился 91 год. Трудно вставляемое в общепризнанные рамки, его творчество свидетельствует об исключительной работоспособности, об энциклопедической эрудиции, о неустанно испытующем уме, находящем самые неожиданные ассоциации идей. Зачинатель одних из оригинальнейших и плодотворнейших направлений в поэтическом мышлении нашего века, Шкловский принадлежит к школе русских формалистов, наряду с Б. Эйхенбаумом, Ю. Тыняновым, Р. Якобсоном, Б. Томашевским и другими³. В исследовании литературных произведений они отмежевались от лингвистической неограмматики, от абсолютизации психологических и социологических подходов, от анализа биографии писателя, от исключительно историко-литературной перспективы. Приступая к разработке "приемов" художественного мышления, они создали новые понятия-термины для обозначения новых элементов литературного анализа. "Литература не математика, пояснит впоследствии автор, а термины литературоведения никогда не приобретут точности математических определений. Мы здесь имеем термины для текущих процессов и для явлений, которые никогда целиком не совпадают"⁴. А в программной статье молодого Шкловского Искусство как прием (1917 г.)

восприятие видит только родство в сходном. Откажемся же от узнавания уступив его нормативной поэтики и утвердим видение как естественную необходимость в открытии необычности творчества Шкловского.

Подобно его любимому герою, Льву Толстому, который глядит во-круг себя как "только что проснувшийся человек"⁹, и Шкловскому, после проделанного курса лечения от предвзятых идей, мир слов представляется предельно странным. Воспринимая творчество как единую книгу, пытаемся подойти к нему, примеряя именно те ключи, которые нам предлагает сам Шкловский.

В эссе Литература без фабулы (1921 г.) – глава из книги О теории прозы – разбирая до мельчайших подробностей прозу Розанова, тем самым предсказывает автор бесфабульную прозу самого Шкловского. Романы без мотивировки, бесфабульные романы Розанова Уединенные (1912 г.) и Опавшие листья (короб /I/ – 2) (1915) предвещают новизну Сентиментального путешествия и Зоо, или Письма не о любви: в сфере тематики они характеризуются канонизацией новых тем и мотивов, а композиционно – обнажением приема¹⁰. В "Коробе" Виктора Шкловского спрятаны тридцать писем не о любви, выявлением родства по нисходящей линии": от романа в письмах, жанра, вышедшего из употребления в те годы. Ирония автора заимствует и обнажает прием еще в записи на титульном листе: "Эту книгу посвящаю Эльзе Триоле и даю книге имя Третья Элоиза". Первая Элоиза – это возлюбленная Пьера Абеляра, а вторая – это Новая Элоиза Руссо; предостерегая от возможного отождествления между реальным лицом и мнимым адресатом писем, Шкловский присоединяет в книге не менее четырех предисловий (датированных: Берлин, 5 марта 1923; 1924, Ленинград; 1963, Москва; Ленинград, 1965). Последние предисловия и Вступительное письмо с одной стороны мотивируют одновременно и мнимое и реальное существование писем, содержанием которых является реальная (мнимая) любовь к опознаваемому лицу, а с другой – осложняют восприятие.

Предисловие автора к первому изданию называет прием по имени, а обнажение техники устраняет двусмыслие; таким образом, "источник любви"

заглавии, нужно "наполнить" вероятным и, одновременно, необычным материалом: в письмах следует воздерживаться от всяких намеков на неразделенную любовь мужчины, и тогда переписчику ничего больше не остается, как писать, писать, о не-любви.

Введение в Письмо девятнадцатое включает в сюжет метатекстуальный эпизод: иронический комментарий к тому, как делается произведение и отступление, графически подкрепленное, напоминает о новых принципах творчества Давида Бурлюка, Елены Гуро, Николая Бурлюка, Вл. Маяковского, Екатерины Низен, Велимира Хлебникова и А. Крученых, которые "считали частью неотделимой произведения его помарки и виньетки творческого ожидания" (в сборнике Садок судей II (1913 г.))¹³.

Антироманы Розанова, скрупулезно разложимые на их составляющие сюжетные мотивы, как это выясняется из книги О теории прозы, предлагают тот самый ключ к расшифровке произведения Шкловского; вместо семейных снимков, включенных графической деталью в два "короба" Опавших листьев Розанова, создающих иллюзию подлинной фотографии, приклеенной к книжному листу, автор воспроизводит в ЗОО, или Письма не о любви целую колонку набора, зачеркиваемую красными чернилами, в знак запрета: "Итак, дорогие друзья, не читайте этого письма. Я нарочно поэтому, перечеркну его красным. Чтобы вы не ошиблись" Это и есть прием утолщения, означающего усиление эффекта сюжетной линии. Основываясь на недоумении определенного типа читателя, оценивается/обесценивается совпадение между реальным автором книги и автором писем, тем более ставя в тупик читателя этим литературным приемом сознания техники: "Если вы поверите в мое композиционное разъярение, то вам придется поверить и в то, что я сам написал Алино письмо к себе.

Я не советую верить... Оно Алино.

Впрочем, вы вообще ничего не поймете, так как все выброшено в корректуре"¹⁴.

Выставление напоказ приемов и их обнажение, блестяще изложенное в книге О теории прозы, становятся содержанием литературного произведения, равным сумме его стилистических приемов¹⁵, указывал Шкловский,

ловека к одной женщине. Эта книга – попытка уйти из рамок обыкновенного романа¹⁹. Обнажение приема предполагает смелость, измену традиций, дерзкий жест показать "нос" важному читателю, приоткрыть занавес в привычке удобного чтения, "выход из литературы" при ироническом отдалении. Ведь неслучайно пародия стоит в центре теоретических интересов русских гуманитариев в 20-ые годы.

Эксцентричный, остранный прием вставки определенных целых частей или глав, каждый раз обогащенных новыми деталями, в книгу, которая слагается сейчас из старых книг или из пока недописанных, становится стилистической меткой произведения. Внося идеи и синтагмы в самые неожиданные контексты, писатель создает особую форму внутритекстуальности: этот прием позволяет ему углубить уже изреченную мысль (к понятию об остраниии Шкловский возвращается шесть раз); таким образом устанавливается плодотворный динамизм, оригинальное сочетание в системе, открытой к производству и трансформации текста, в виде конкретной совокупности произведений Виктора Шкловского. Писатель намеревается дать книгу без фабулы, ибо призвание авангардистской литературы состоит в создании новых вещей: в отличие от Ремизова, у которого находим прямую декларацию намерения создать книгу без судьбы героя, составленную из кусков или книгу из отрывков из книг или книгу из писем Розанова; после экспериментов Белого и Розанова, а также Горького ("когда не думает о синтезах"), Шкловский с полным оправданием вписывает себя в список зачинателей бессюжетной литературы.

Само собой разумеется в перспективе сегодняшних задач и литературы и литературоведения, и "вещания" и некоторые стороны "теорий" Шкловского, а также его художественные эксперименты, могут показаться несколько парадоксальными, эксцентрическими и даже аномичными. Но как бы все это не оценивалось нельзя не согласиться с критиком слажающим безценной заслугой Шкловского, то, что "всеми доступными исследователю средствами (он) воюет против догматизма, вульгаризаторства и беличьего вержения в кругу чисто литературных, оторванных от жизни проблем"²⁰.

СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
И РУССКАЯ КУЛЬТУРА. ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Ливия Которча (Livia Cotorcea)

Исследователи культуры и искусства начала XX века, вне зависимости от области их интересующей, сходятся в том, что – это период, утверждающий новый образ мира¹. Они улавливают этот образ во множестве разрозненных направлений и школ мышления и творчества, придающих особую динамику данной эпохе. Исходным пунктом нового понимания мира считается, в основном, тот факт, что "универсальный разум" прекращает быть ядром идей и искусства. В таком случае выдвигается естественный вопрос: стоит ли начало XX века под знаком Антиинтеллектуализма и иррационализма? На первый взгляд ответ представляется утвердительным, но дело обстоит сложнее.

Пока, можно сказать с достоверностью, что сама жизнь в начале века как бы бунтует против любых ее истолкований и отказывается от отождествления с ними. Этот бунт происходит одновременно во всем мире и в разнообразных формах, могущих быть выявленными, скажем, в выражении Маяковского "бунт вещей" из статьи Теперь к Америкам. Машинизм, быстрое чередование разных стилей жизни рождает новое восприятие времени и пространства, привлекают внимание художника к новым реальностям, более динамическим. На смену трагического переживания "безвременья" и "угасания" в конце XIX века приходит предельный витализм в остром ощущении временного исчисления, как четвертого пространственного измерения. "Память" и "длительность" соединяют в единый поток неподвижные моменты времени и мгновенные вспышки раскрытия фрагментов мира у символистов и импрессионистов.

В изменении оптики на время и на реальность немаловажное значение имела философия А.Бергсона² и других мыслителей конца XIX – начала XX веков. Так, А.Бергсон, например, считает, что непосредственное бытие выявляет не дух а другую, изначальную, глубокую реальность. Испанец М. де Унамуно предпочитает желания души созданиям духа³, а Ш.Пегги, по

той же линии мышления, отказывается от сведения сложности жизни к интеллектуальной структуре⁴.

Но такого рода "восстание" жизни против чистых систем и построений интеллекта не означает возврат к мистицизму и к той форме идеализма, которая была свойственна романтизму. И все же, некоторые исследователи, среди которых И. Бибери, рассматривают модернистские движения начала XX века как продолжение философских и творческих принципов романтизма⁵.

Отказываясь от рациональной оси мышления, художники и мыслители начала XX века должны были найти для жизни другую основу, которую они чаще всего называют авантюрой или восстанием мысли. "Жизнь в аванюре", "предельное усиление личной жизни"⁶ становится необходимостью бытия и искусства одновременно. Основное значение такой жизни заключается в жажде постигать неиссякаемую конкретность реальности, ставить себе вопрос о структуре ее под новым углом зрения, раскрывающим в ней плотную материальность, сущность и постоянство. М. де Унамуно блестяще формулирует эту необходимость пребывания в постоянной аванюре как в "предельном испытании бытия" и "бесконечном действии"⁷.

Знаменательно, что поиски мифологического состояния "истинности" и "примитивной невинности" реальности, ее "моря тайн", как выражается П. Гоген⁸, возникают в донисийском экстазе, но и в упорядоченном аполлоновом числе. "Человек учится дерзать, быть как солнце" - синтезирует Вячеслав Иванов эти поиски авантюры и меры в работе Заветы символизма, 1916 года. Он же приобретает к этой красивой мысли знаменитую фразу, провозглашающую свободу мира в "волшебстве" и человека в "поисках": "мир волшебен и человек освобожден".

Отстраняясь от путей картезианского разума и символистского полисемантизма, мышление начала XX века ищет радости в ее чистой форме движения. И мышление, и искусство этого периода становятся настоящими путешествиями аргонатов к новым мирам воображения, но и к реальности. Движение, возвращает искусство от мышления к жизни, от "идеокрации"⁹ к свободе непосредственного бытия, от школы и академии к "оны-

ту" и "эксперименту". Вместе с этим чувством движения к новым областям жизни и мышления рождается планетарное сознание, которое преобладает над национальным сознанием XIX века. Художники называют себя "председателями земного шара", по удачному выражению русских футуристов, подписывавших в этом качестве свой манифест.

Такое планетарное сознание рождает уже новые мифы, среди которых миф сверхсознания и засознания. Через них подтверждается необходимость творения новых предметов наряду с человеческим телом, с сознанием и с волшебным как реальностью реальности. Художник, как и мыслитель, превращается в блудного сына, предпринимающего на свой счет поиск трагического переживания бытия. Но из этого обретенного и пережитого трагического редко рождается нигилизм. Чаще всего возникает призыв к открытию иррациональных положительных сил жизни как "плодов земли" и как праялементарной реальности. "Надо прислушиваться к тайным голосам тишины, доходящих до нас из глубин души, от корней"¹⁰ - призывает М. де Унамуно в статье Тайна жизни.

На трагическую, как дионисийскую глубину жизни, указывали еще Ф.Ницше, Ш.Бодлер, Ф.М.Достоевский, А.Рамбо во второй половине XIX века. Они улавливали тогда другую логику мира, в которой правда не представляется синтезом или противоречием, согласно гегелианской философии, а напряжением одновременных противоположных полюсов. Это будет и положение М. де Унамуно, О.-и- Гассет, П.Клоделя или Г.Д'Аннунцио и Дж. Панини. По мнению этих художников и мыслителей, в материальных видимостях проявляется кривая, по которой движется невидимый дух и отроит, своим движением, прихотливые арабески, требующие внимательного прочтения. Это положение теоретизировал А.Бергсон в своих работах Материя и память и Творческая эволюция. Противопоставляя динамику статике, интуицию интеллекту, жизнь знанию, Бергсон предлагал XX веку уничтожение познанного и погружение в чистую авантюру времени-памяти. В таком контексте мышления и чувствования мира возникает образ четырехмерного пространства у А.Эйнштейна, образ, который был воспринят как динамизация времени и как снятие физических граней между временем и пространством,

настоящим и будущим. Не удивительно, что теперь утопизм становится одной из основных составных мышления. В нем находят себе корни футуризм, акмеизм, имажинизм в том смысле, что, несмотря на их вызывающе противоположные декларации, они включаются, как творчество, в непрерывный поток времени, движения к будущему как возврату к первоосновам. Обилие работ, посвященных проблеме времени, явно говорит о перемещении центра тяжести художественных и философских интересов от законченности и совершенства мира к его текучести и неустойчивости в непрерывном движении¹¹.

Культивируя поэзию оминутности, о свободный и экзальтированный эпикуреизм, подчиняясь "гениальной импровизации" и открытой, необузданной воле, эти "чудные дети"¹² начала XX века идут к более жестокой форме жизни и искусства. Предпочитая "жизненный разум", по выражению О.-и-Гассет¹³, они создают искусство, для которого определяющим становится "обесчеловечивание". В нем догматизму знания и историцизму противопоставляется мудрость и ирония. Она не принимает форму романтической иронии, охватывающей все в относительности единого, а выглядит жестокой противопоставлением разрозненных элементов в едином плане. В таком расположении Р.Барт и С.Батадья, например, раскрывают смысл выявления самостоятельности реальности в отношении нашего сознания и искусства¹⁴.

В иронии начала века сказывается мощное и отчаянное желание вырваться из природы, освободить дух для абсолюта тайны бытия. Руководимые этим желанием, художники и мыслители открывают занормальную или ультранормальную психологию. Она становится активным возможным коррективом как к всецельному материализму реалистического течения так и к сверхинтеллектуализму символизма.

Следовательно, в начале века, наряду с возвратом к материи и к элементам, к "девственности мира", происходит и сильный поворот к идеализму¹⁵. В основном, его можно открыть в некоторых сторонах мышления и творчества, общих для всей Европы. Их определяют М. де Унамун, А.Киапелли и, позже, Х.Фридрих в своей работе о структуре современной лирики¹⁶.

Среди аспектов, которые с точки зрения предпринятого опыта представляются нам определяющим, выделяем:

1. квазимистическую склонность к традиционным ценностям, противоположным рационализму и относящимся к корневым, мифическим представлениям о мире;

2. заумный рационализм в понимании мира и языка, создающий впечатление "обесчеловечивания" образа мира и художественного языка;

3. чувство общности расы или рода, как более глубокой реальности по сравнению с чувством национальности, которое сковывает чрезмерным упором на "преходящее" и "случайное", историческое;

4. переоткрытие динамики "чуждого" или тайны мира в "метаритмизисе", по выражению Унамуно¹⁷;

5. необходимость создания нового языка как языка элементов, а не воли субъекта. Этот язык мыслится, иногда, как универсальный язык¹⁸, не в смысле его искусственного создания, согласно принятым условностям, а как возврат к первоначальному корню имени, который действительно соответствовал бы сущности предмета и этим был бы общим для всех говорящих;

6. в связи с этим, предложение о синтаксисе художественного предмета, который определяется положением: цвет, слово, звук "как таковые" ("свободное слово", по выражению Т.Маринетти), в соблюдении свободы существования самих предметов в пространстве мира по основному закону "смежности" и "соседства";

7. синкретизм в использовании художником материала действительности и создание им неоднородного поэтического языка, в котором стоят рядом слова, числа, математические формулы, пиктограммы и т.д.

В этом сложном контексте преобразования восприятия мира и языка его изображения развиваются, последовательно или одновременно, многочисленные национальные направления и школы, которые по-своему нюансируют общие указанные нами положения. В основном, они включаются в единое движение до конца первой четверти XX века. Это движение охватывает фовизм (1905-1907), кубизм (с 1907 до первой мировой войны), футуризм (1909-

1920), имажинизм (1913-1920), сюрреализм (1919-1933).

Сознание общности¹⁹ стиля как мировоззрения выражается особенно в первом десятилетии века, когда разные национальные группировки и школы находят сходные названия для самих себя: "Art nouveau", "Modern Style", "Jugend Stil", "Мир искусства". "Новое" и "современное" определяют переобновление не только основных традиционных областей искусства: живописи, скульптуры, музыки, поэзии, но и прикладных искусств (декоративного искусства, театральной декорации, книжной иллюстрации). Этот факт доказывает, что искусство данного периода считает своей основной доминантой не только "пощечину общественному вкусу", но и синкретизм в том, что русские называют "мир искусства".

Пока, в начале века, как говорит Р.Алберес, "Сыны века желали жизнь без формул. Они создали литературную жизнь; хаотичную, противоречивую, но блестящую идейную жизнь"²⁰. Смысл этой литературной и, вообще, культурной жизни выявляется Маяковским в статье 1914 года Теперь к Америке, где поэт видит в "дьявольской интуиции десятки мечтателей начала века" провидение. В продолжении этой идеи Маяковский утверждает, что "сегодняшний покой — только бессмысленный завтрак на подожженном пороховом погребѣ"²¹, только преддверие великих эстетических изменений.

х

Точка зрения Маяковского подтверждается в России деятельностью многих движений и группировок. Из их ряда мы выделяем как типичное для духа времени движение "Мир искусства". Оно оформляется как настоящее культурное явление²² с ясно выраженной эстетической программой еще в конце XIX века. Некоторыми своими положениями, относящимися к восприятию мира и пониманию художественных инструментов, течение этого соприкасалось с господствующим тогда движением символизма. Изданием своего собственного журнала под названием "Мир искусства" (1899-1904), это движение смогло укрепить свою теоретическую основу и привлечь к себе художников самых различных областей искусства и неоднозначных мировоззрений. Основатели движения, Константин Сомов, Леонид Бакст, Михаил Добужинский, Андре Бенуа, Сергей Дягилев стали и его теоретиками и самыми активными пропагандистами нового русского искусства в России и за рубежом. С "Миром искусства" связывают свою деятельность многие видные мыслители и художники времени. Среди них литераторы Андрей Белый, Валерий Брюсов, Дмитрий Философов, живописцы Михаил Ларионов, Леонид Бакст, Михаил

Врубель, театрологи и балетмейстеры Всеволод Мейерхольд, Михаил Фокин, Вацлав Нижинский, композитор Игорь Стравинский. Сообща они способствовали не только развитию и утверждению новых художественных форм, но и их быстрому и широкому распространению по всему миру²³. Это явление обращения к Европе и осознания участия в общем художественном процессе яснее всего выражается в основании "русских сезонов" в Париже, как синкретического отчета о завоеваниях русских в музыке, балете, опере, живописи, театре²⁴. Оно утверждается и в творческих связях, которые, на протяжении двух десятилетий расцвела "нового искусства", русские мирискусники устанавливают с западноевропейскими художниками: Максом Эрнстом, Хуаном Миро, Пабло Пикассо, А.Матиссом, Огюстом Родэном, де Кирико, Морисом Равелем, Клодом Дебюсси, Жаном Кокто, Морисом Дени.

Выставки русокой живописи в Париже и Мюнхене, "вечера современной музыки", предприятие "Современное искусство", производящее и выставляющее домашнюю декорацию и картины русских художников разных поколений, среди которых произведения Валентина Серова, Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, Леонида Бакста, Михаила Врубеля - все это становится разновидностями проявления нового "современного стиля". Его можно раскрыть в культе формы, в стремлении к стилизации как "дереализации", по выражению Гассет²⁵, во вкусе прециозности материи и тонкой хроматики, в принятии самых разнообразных форм графизма и в аплатизации объемов, в живописи. В музыке - в дерзости и приложении диссонанса, как "перемещения гравитационного и притягательного центров" и фиксации музыки в "нестабильности"²⁶.

И живопись, и музыка, и театр, и поэзия, которые принимаются движением "Мир искусства", подтверждают сказанное Игорем Стравинским об отношениях "нового отиля" с традицией: "Настоящая традиция - это не свидетель устарелого прошлого, а живая сила, которая питает и учит настоящее (...). Она никак не предполагает повторение того, что было, а выявляет реальность непреходящего"²⁷.

В этом смысле можно воспринимать сказочный и мифический образ

мира, который предлагают нам мирискусники, вне социального и исторического, в их живописных, графических и поэтических произведениях, как и в изучении истории русского искусства XVIII–XIX веков.

Временная текучесть и ахрония входят у мирискусников и у их сторонников в интересные отношения, по-своему организующие живописный, музыкальный или поэтический образ мира.

В этом контексте, в русской живописи этого периода создаются картины, насыщенные "вековой тьмой" праобраза и первобытности. Такое впечатление оставляют пейзажи К.Левитана (конца XIX – начала XX вв.), не раз воспроизводимые мирискусниками в своем журнале или выставляемые по разным случаям. Эти пейзажи производят впечатление чего-то окаменевшего на одно мгновение в вековой форме. Подотна В.Васнецова, М.Врубеля, Н.Рериха овеяны обсессией чудесных фольклорных и мифологических образов. Среди них: Царевна-Лебедь и Пан М.Врубеля, Богатыри Васнецова, или картины Николая Рериха Гонец, Восстал род на род, Заморские гости, Вечное ожидание отличаются монументальностью и идеализацией патриархальности, как текстуальными знаками раскрытия "сути" жизни и самых ее истоков. Такой же манерой раскрытия смысловых бездн реальности романтизацией старинных народных культурных образов отличается музыка Игоря Стравинского, выявляющая такими произведениями как Петрушка, Жар-птица, Весна священная, Мавра, поэтичность образа и звука "в свободе" атональности. Немалое значение имеет тот факт, что постановка этих пьес для балета требовала новой концепции декорации, нового балетного искусства, нового понимания сценического времени и пространства. Сотрудничество Л.Бакста, Ж.Кокто, А.Бенуа, А.Дарена, С.Дягилева, П.Пикассо и В.Нижинского создало все предпосылки для утверждения единого "нового стиля" как синкретического.

Нужно упомянуть и ту значительную роль, которую сыграли мирискусники в истории русского книжного дела через издания и иллюстрации к русской классической литературе А.Бенуа, К.Сомова, Л.Бакста (см. иллюстрации А.Бенуа к Медному всаднику А.Пушкина или иллюстрации М.Ларионова, Н.Гончаровой и О.Розановой к ряду литографированных книжек Ал.

Блока, В.Хлебникова и А.Крученых).

Мироскуоникам обязана русская культура и развитием художественной критики, которая касается всех видов искусства: балета, театра, музыки, живописи, поэзии, декоративного искусства. Так, в журнале "Мир искусства" печатались, за 1901-1902 годы, теоретические и критические труды В.Брюсова и А.Белого. Здесь постоянно публикуют свои теоретические и исторические работы главные теоретики мироскуоников: А.Бенуа, И.Грабарь, С.Дягилев. Они не только регистрируют замечательные моменты утверждения современного им русского искусства, но и включают их в историю национального и мирового искусства через раскрытие их поэтического механизма и принадлежности к "новому стилю". В этом смысле стоит упомянуть работы А.Бенуа: Парижские выставки, 1899, Письмо со всемирной выставки, 1900 г., История русской живописи в XIX веке, 1902 г., Воспоминания о балете, 1939 г. К его работам примыкают статьи и этюды И.Грабаря: Несколько мыслей о современном прикладном искусстве, Художественные письма. Русские спектакли в Париже, 1909 г., Новые балеты. Петрушка, 1911 г. и работы С.Дягилева об исполнительском искусстве: Гибель богов, 1903 г. (I. Об исполнителях, II. О постановке), которые выявляют зрелость теоретического мышления авторов, тонкость в определении непереходящего в новом и вызывающем искусстве начала XX века.

В установлении нового стиля, поэзии предстоит сыграть огромную роль, тем более, что она сопровождается теорией поэтичности и поэтического слова.

Роман Якобсон в своей книге 1921 года Новейшая русская поэзия, затем Р.Барт в Нулевой степени письма и Х.Фридрих в Структуре современной лирики, открывают в поэзии начала XX века основные симптомы единой структуры. Ее источником считается такое же стремление проникать вглубь реальности и завоевать ее, в стороне от универсального познания и от принятия единства субъекта и объекта в высшем разуме. Эти симптомы сказываются в сверхличностности поэтического дискурса, который строится как "самовитая" структура. В поэтическом дискурсе архаические

и мистические веяния напряженно диссонируют с жестким интеллектуализмом. В нем вызывающая простота выражения контрастирует со сложностью выражаемого, а точность конструкции не огласуется с мощным стилистическим движением текота и с агрессивным драматизмом внутреннего соотношения тем и мотивов.

Выводя реальность за пределы ее пространственной, временной и психологической определенности, поэзия воцаряет полифонию и самостоятельность чистой субъективности, которая никак не индивидуализируется психологизмом или знакомым социальным и характерологическим поведением. Знак и означаемое предельно удаляются, так, что нормальное соотношение "текст - читатель" рывается шоком. От этого удлинения расстояния между знаком и означаемым до отказа от смысла только шаг. Но за этим шагом громоздятся многочисленные поиски выражения, могущие стать наиболее адекватными для нового чувства жизни в "веселом ужасе", по выражению Ал. Блока²⁸. И эти поиски немислимы без усилий русских символистов и множества русских школ и направлений авангардизма, среди которых мирискусники занимают весьма незаурядное место. Они пересмотрели литературное и духовное наследие предшествующих эпох, определили язык как эстетическую данность и провозгласили автономию поэтического материала в отношении морфологии реального предмета.

На фоне их эстетических позиций, отличающихся умеренностью, выступление групп акмеистов, футуристов и имажинистов может показаться скандалом, но и их естественным продолжением. Оставляя в стороне то, что связано лишь с историей литературы и с конкретной картиной культурной жизни в определенное время, мы выделим из многочисленных выступлений "модернистов" лишь те, более или менее остро вызывающие положения, которые действительно оплодотворят культуру.

Во-первых, обращает на себя внимание мышление об языке и о поэтической речи. Сравнительно с тем, что происходит в других культурах в этой сфере, можно сказать, что у русских художников и теоретиков первых двух десятилетий века немало мыслей и положений, намного перешагнувших свое время и более оущественно доказывающих, что всякого ро-

да эксперименты футуристов, кубистов, сюрреалистов ничуть не сводятся к приходу или олучайности.

Затрагивая специально или вскользь этот вопрос, ни Х.Фридрих, ни Р.Барт²⁹ не включают в овок теоретическую демонстрацию ссылки на материалы русских авторов (А.Белого, В.Брюсова, В.Хлебникова, Вл.Мяковского, В.Шкловского), которые в своей творческой практике и в своей теоретической деятельности выработали много основополагающих положений современной поэтики.

Если анализ манифестов русских футуристов (Пощечина общественному вкусу, 1912 г., Манифест из сборника Садок судей, II, 1913 г.), подписанных Давидом Бурлюком, Владимиром Маяковским, Велимиром Хлебниковым и др., или деклараций акмеистов (О прекрасной ясности Михаила Кузмина и др.) и имажинистов (Декларация, 1919 г., Почти декларация, 1923, выпущенные А.Мариенгофом, В.Шершеневичем и Сергеем Есениным) выявляют главным образом то общее, что свойственно и русским и европейским авангардистским движениям³⁰, то исследование творчества указанных авторов требует особого, отличительного внимания.

х

Хлебников оовдал целую "периодическую систему слова".

В.Маяковский

На общем фоне понимания поэзии как литургии неузнаваемого вместо песни, модулируемой чувствительностью, на фоне утверждения "объективной поэзии", как воплощения мечты о торжестве невиданной по своей овежести языка и разрушения реляционных овязей языка в пространстве поэтического выоказывания, на фоне признания положения, что слово шире смысла, поэзия и эстетика Велимира Хлебникова приобретают парадигматическое значение. Это значение выявляется не только для русской, но и для европейской литературы и поэтики. Оно было хорошо оловлено Владимиром Маяковским, который, еще при жизни поэта, называл Хлебникова "Колумбом" новых поэтических земель. Позже, Владимир Познер, в работе Русская литература 1929 г., решительно связывает мышление и творчество Велимира Хлебникова и судьбой всей оовременной литературы Европы: "воп оовитге

est devenu un des éléments les plus significatifs et les plus riches en conséquences de la littérature moderne, et l'artiste lui-même est, avec Andreï Belyi, celui qui a le plus avancé son époque pour rejoindre "la patrie de la création - l'avenir"³¹.

Эстетика Хлебникова определилась очень рано, составляя строго оформленную систему, в которой поэтическое творчество и теория являются двумя равноправными сторонами. Далее мы не ставим перед собой задачи рассматривать эти оба аспекта творческой деятельности Хлебникова. Исходя из хлебниковских теоретических работ (статей, заметок, выступлений, переписки), наша цель выявить основные идеи в области теории языка и литературы, которые могли бы дать хоть приблизительное представление об истинных размерах Хлебникова - мыслителя и поэта.

Уже в статье 1908 года Курган Святогора вполне сформулирована обще-эстетическая установка на мифологический синкретизм и на "мифо-творчество". В отличие от эстетики символизма, где поэтическое слово мыслится как полярное прозаическому и где оно ориентировано на музыку, мифопоэтическая эстетика Хлебникова требует синкретического слова, включающего в себя все возможные стилистические ипохасты: поэтическую, прозаическую, научную, бытовую. Основание для такого слова Хлебников видит в существовании "абсолютного слова" или "слова как такового", над которым он долго размышлял и которому посвятил многочисленные теоретические работы: Учитель и ученик, 1912 г., Разговор двух osób, 1912 г., Воин не наступающего царства, 1913 г., Разложение слова, 1915 г., О простых именах языка, 1916 г., Второй язык, 1916 г., Наша основа, 1920 г. Все указанные работы исходят из положения, что "бытовой язык - тени великих законов чистого слова", упавшие на неровную поверхность (подчеркнуто нами)³².

Из этого положения следует, что язык считается частным случаем языка мнимого, подобно тому, как геометрия Эвклида является частным случаем геометрии Лобачевского. Цитируя еще одну мысль Хлебникова: "слова суть лишь слышимые числа нашего бытия", отметим, что математические и астрономические аналогии в его учении о слове не случайны и тео-

ретически обоснованы. Связь этих аналогий с восточной философской и лингвистической традицией, как и с мышлением пифагорейцев ждет еще своего исследователя. Это тем более необходимо, что сам поэт мыслит об единстве Востока и Запада в "радуге Вселенной".

И математика, и космология становятся моделью для хлебниковской теории слова, где космос слова мыслится вполне подобным космосу мира и как место пребывания существа. Слово есть выражение мира. Оно не просто рассказывает о мире, думает поэт, но самой своей структурой изображает мир. Следственно, оно изоморфно миру, подобно тому, как изоморфна ему парадигма живописи: "Повидимому, язык также мудр как и природа, и мы только с ростом науки учимся читать его (...) Мудростью языка давно уже вскрыта световая природа мира. Его "я" совпадает с жизнью света"³³.

В понимании Хлебникова, слово и есть сам мир с точки зрения осмысленного его выражения и, как таковое, оно "симвито" и "мифопоэтично".

Наряду с понятием самовитого слова, природа которого сближается с природой света, Хлебников вырабатывает понятие заумного языка. Выработка этого понятия основывается на реакции против полисемии символизма, в пользу слова, употребляемого в его вещественности, которая сама по себе должна порождать смысл. В связи с этим Хлебников мыслит о нулевой степени смысла слова и об автономии словотворчества, предлагающего создание совершенно новых словесных построений, в силу того, что: "Азбука, общая для многих народов, есть краткий словарь пространственного мира"³⁴. Такие высказывания сближают Хлебникова с Малларме, который в Mots anglais мыслил об общих законах, ассоциирующих слова с корпусом одного языка, с одной стороны, и смысл со словом, с другой³⁵. Оба поэта сближаются и в их интересе к смысловой природе графема. Отличие между ними состоит в том, что Малларме интересуется больше пространство между словами, расстояние между понятием и его звуковой конфигурацией. Хлебников обращает внимание на сохранение в последовательной структуре имени некоторых звуков, свидетельствующих о постоянстве

первичного значения: "Первый звук (...) есть как бы позвоночный столб слова"³⁶. Это значение он отождествляет с инвариантным звуком или с простым именем языка (См. О простых именах языка, 1916 и Наша основа, 1920).

Инвариантный звук или простое имя языка принадлежит языку мира и своим графическим начертаниям: "Во времени, как и в звуке, боги числа живут как показатели степени и имеют облик". Художнику остается, в таком случае, начертать соответствующие идеограммы для каждого звука понятия азбуки мира и "создать общий письменный язык"³⁷. В этом положении художника относительно азбуки мира находятся корни его планетарного сознания: "Пусть один письменный язык будет спутником дальнейших судеб человека и явится новым собирающим вихрем, новым собирателем человеческого рода. Немые начертательные знаки помирят Иноголосицу языков"³⁸. В азбуке мира мы обнаруживаем предпосылки осуществления процесса, который русский поэт называет существотворчеством и словотворчеством.

Язык и поэзия, как речетворчество, создают существо, поэтический язык приобретая, при этом, статус онтологического языка, который призывает существо к собственному миру. Это потенциально возможный, энергично-смысловой мир (энергия употребляется поэтом в античном смысле "двигателя"), где действуют числоимена и числоречь (как синтез слова и числа в едином смысле) и где поэт выступает "художником числа вечной головы вселенной".

В мире существа реализуется полное субъективно-объективное тождество в слове, которое не стремится покинуть свою смысловую стихию, а принципиально словесно, будто оно погружено в собственное ядро.

В контексте такого понимания слова и поэтической речи не удивляют мысли Хлебникова о литературе и свободе, которая должна царствовать в ней: "Произведение искусства - искусство слова. Отсюда само собой вытекает изгнание тенденциозности, литературщины всякого рода из художественных произведений... все талмуды одинаково губительны для речетворца, и остается всегда с ним лишь слово как [такое] оно"³⁹.

Хлебников провозглашает, по линии идеи о свободе литературы, воскрешение мифа через слово и через тему, где форма символического чуда уничтожается взрывом великого персонажа-языка, как актуализации бесконечности единого, универсального Слова. "Словотворчество есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка" – говорит поэт в работе Наша основа.

К словотворчеству относится и создание поэтического рода и жанра. В работах Хлебникова знакомые роды и жанры литературы рассмотрены как разные стороны или разные состояния мира, выраженного Слове-мифе. Каждый из этих моментов, выдвинутый на первый план, подразумевает и все остальные моменты, так, что эстетика абсолютного или единого Слова рождает положение об относительности категории литературного жанра и о значении поэтической практики, как создания обратного жанра. Тут Хлебников возвращается к Аристотелю и к Новалису, для которых эпика, лирика и драма являются тремя различными стихиями, присутствующими, в той или иной мере, в каждом произведении. Их сосуществование и мера пребывания каждой из стихий в произведении определяют, с одной стороны, обратимость жанра, с другой стороны, его текстуальную форму. Центральным моментом выражения в такой форме жанра является, по Хлебникову, не вещь с ее материалистическим принципом, а нечто предшествующее всякому существованию и осуществленности в виде возможности. Это безначальный древний космос, пифагорейский и геркулитовый, где, как говорит поэт, "всем правит молния". Содержание творчества Хлебникова Марина Цветаева видит именно в этом внеличном, энергично-смысловом состоянии мира, которое она называет "эпическим" в своей работе Эпос и лирика современной России⁴⁰.

"Эпическое состояние мира" для Хлебникова – это внеличная данность, чистая взаимовязанность и взаимоотношенность смысла. Марина Цветаева правомерно считает, что слово у Хлебникова эпично изначально и что, в силу своей потенциальной неистощимости, оно редко оформляется в чистый жанр. Между чистыми формами лирики и эпики, например, целая лестница различных степеней эпизации лирики (Вила и Леший, Синие окопы)

и лиризации эпики (Азы и узы, Война в мышеловке, Ночь в окопе).

Но самые интересные примеры взаимопроникновения лирического, драматического и эпического можно отметить в драматургии Хлебникова, которая, до сих пор, остается своеобразным, странным и неповторяемым литературным явлением. В ней принцип обратимости жанра действует с наибольшей эффективностью.

Основной пружиной драматического текста у Хлебникова является его идея, что "человек может выпасть из времени и двигаться в любом направлении, в частности, в обратном". Поперек времени и называется одно из задуманных им произведений. На идее "поперечности времени" основывается построение драм Дети Выдры, 1912 г., Мироконца, 1913 г., Ошибка смерти, 1915 г. или монументальных драматических поэм о современности: Сестры молнии, Взлом вселенной, Настоящее, Ночной обыск, Зангези (написанные в период 1918–1922 годов). Драматический текст строится как проекция внутренних диалогов в объективном письме, которая создает впечатление подлинной стенографической записки многоголосия, звукового хаоса, не разделенного на классические реплики и не сопровождаемого авторскими ремарками. Слово звучит свободно в разных "речевых образах".⁴¹

Велимир Хлебников считает, что в самом состоянии слова как такового присутствуют драматические возможности еще до всякого жанрового оформления сюжета. Открывая эту реальность слова, он строит свои драматические произведения как "дифференциально-аналитические", т.е., по его объяснениям, процессом разложения потока сознания на самостоятельные голоса. Выделение этих голосов, "множественности" слова, и есть дифференцирование, создание "внутреннего театра". Тут Хлебников выдвигает другое основное понятие своей эстетики: бесконечно-малые художественного слова. Эти бесконечно-малые актуализируются созданием голоса персонажа как единицы и разложением этого голоса-единицы на бесконечно-малые голоса (Рассудка, Разума, Зрения, Сознания, Воли и т.д. Объединяющим принципом драматического текста считается действие в сфере внутреннего представления слова, которое может видеть, мыслить, делать, чувствовать: "слово имеет тройственную природу: слуха, ума и пути для

руки"42.

Несомненно, имя является для поэта исходным коментом и той ступенью, на которой он основывает свои открытые жанровые формы. Это непосредственно относится и к пониманию им поэтического акта как мифотворчества. Хлебников думает, что знанием истинного имени вещей художник закладывает основу власти над природой. Понять мир, значит, в этом порядке вещей, найти слово-имя, подняться до имени: "Все лишь ступог⁴³ к имени, даже ночная вселенная" - утверждает он в духе древней греческой и индийской философии языка.

Суммируя все свои мысли о слове, простом и поэтическом, о форме и жанре, Хлебников противопоставляет верленской поэтике намека и музыкальности, требованию "музыки прежде всего", поэтике полного выражения, слово в его максимально смысловой напряженности. Вместо алогической передачи "невывразимого", он предлагает адекватную экспрессию диалектической цельнораздельности мира изначальным именем вещей. "Расставание" с символизмом и с его верленской программой происходит у Хлебникова в плане пародии:

Смотрите! Приподнялись длинные губы

И похотливо тянут гроб Верлена.

Мертвец кричит:

"Ай, ай, ай"

Я принимаю господ воров

В часы от первого.

Письма до срока смерти.

Я занят смертью, господа.

И мой окончен прием.

Но вы идите. К соседу мы гостей передаем !

Делямюзик.

Такая пародия вполне согласуется в своей открытой сущности с хлебниковским мнением, что мир принципиально открыт и выразим во всей его полноте, в силу изначальной диалектической цельнораздельности вселенной.

Из этого положения вытекает, естественно образом, что структура всякой поэтической вещи фрагментарна. Эту фрагментарность следует понимать не как незавершенность и незаконченность, а как намерение художника строить произведение как творение-процесс, как выражение идеально-синтетического единства в разрыве. При этом, указанная В.Маяковским ситуация, в которой В.Хлебников прибавлял к своим текстам выражение "и т.д.", может принимать и другой смысл, по сравнению с тем, что понимает под ним такой чуткий читатель поэзии своего современника, каким оказался поэт революции.

Единство мира (и произведения) в разрыве поглощает время и пространство с такой интенсивностью, что самая минимальная единица смысла хлебниковского текста переступает границы родов и жанров поэтического высказывания. Взрывчатости смысловой структуры произведения становится в противовес тонкая техника композиции. Она характеризуется расположением на одну поверхность разнообразных временных, пространственных и стилистических единиц. Таким образом, поэт узаконивает акроним и отсутствие стиля в произведениях крупного, как и малого размера. На эти особенности его поэтической техники обращают внимание Роман Якобсон, Ю.Тынянов, Р.Дуганов, Жан-Клод Ланн, Б.Успенский и другие исследователи⁴⁴.

Представлением основных моментов мышления Хлебникова над языком, над поэтическим словом и над произведением, мы намеревались, как и было уже сказано, дать, в плане русской культуры, образцовую для первых десятилетий XX века модель понимания мира и литературы. Это понимание было плодотворным для создания критических категорий в подходе к поэтическому и к проблеме жанра как проблеме литературоведения. Эти плоды конкретизировались в русской "формальной школе" в литературоведении, которая признавала в В.Хлебникове своего великого "учителя"⁴⁵. Творческие эксперименты Велимира Хлебникова принадлежат еще будущему, как и многие гениальные находки других его современников, относящихся к поколению "чудных детей" в плане искусства.

Впечатление от творчества поэта и мыслителя Хлебникова до того

необычайно и поразительно, что Осип Мандельштам относит его к чистому образцу девственности поэтического языка и литературы: "Чтение пьес Хлебникова может сравниться с еще более величественным и поучительным зрелищем как мог бы и должен был бы развиваться язык-праведник необремененный и неоскверненный историческими невзгодами и насилиями. Речь Хлебникова до того мирская, до того вульгатна, как если бы никогда не существовало ни монахов, ни Византии, ни интеллигентской письменности" (Заметки о поэзии). Чувствуя именно такую свою чистоту и свободу, Хлебников относит их к "будущему" как "стране творчества": "Таким я уйду в века, - пишет он своей семье-открывшим законы времени"⁴⁶.

Примечания

- 1 См.: V. Pozner, Littérature russe, Paris, 1929; Luciano Anceschi, La poetica del Novecento in Italia, Milano, 1962; Camilla Gray, The Great Experiment: Russian Art (1863-1922), New York, 1962; Fortunata Bellonzi, Arte moderne. Tendenze e personalità ed altri contributi a una storiografia non tendenziosa, Roma, 1963; Robert Delavoy, Dimensioni del XX secolo. 1900-1945, Ginevra, 1965; Pierre de Boisdeffre, Une anthologie vivante de la littérature d'aujourd'hui, Paris, 1966; R. Albérès, L'aventure intellectuelle du XXe siècle, Paris, 1969; A. Marino, Modern, modernism, modernitate, București, 1969; A. E. Baconsky, Panorama poeziei universale contemporane, București, 1972; A. Marino, Dictionar de idei literare, București, 1973.
- 2 См. H. Bergson, Matière et Mémoire, Paris, 1896; Evolution créatrice, Paris, 1907; L'Energie spirituelle, Paris, 1919; Durée et simultanéité, Paris, 1922.
- 3 См. Miguel de Unamuno, Del sentimiento tragico de la vida. Ensayos, t. II, Madrid, 1943, p. 737-738.
- 4 См. Ch. Peguy, Note sur M. Bergson et la philosophie bergsonienne, Paris, 1914; Note conjointe sur M. Descartes et la philosophie cartésienne, Paris, 1914.
- 5 См. I. Biberi, Arte suprarrealistă, București, 1973, p. 14.
- 6 Giovanni Papini, Il cerchio si chiude. Archivi del futurismo, t. I, Roma, 1956, p. 189.
- 7 M. de Unamuno, La dignidad humana. Ensayos, I, p. 268.
- 8 См. Paul Gauguin, Noa-Noa și alte scrieri, București, 1977, стр.

- 121; I. Biberi, Arta suprarrealistă, București, 1973; Grigore Arbo-
re, Futurismul, București, 1975.
- 9 M. de Unamuno, La ideocracia. Ensayos, I, стр. 236.
- 10 M. de Unamuno, El secreto de la vida, Ensayos, I, стр. 824.
- 11 Stefan George, Le tapis de la vie, Paris, 1900; В.Хлебников, Ка-
труба Марсиан, Дяля на тигре, 1916; Наша основа, 1920; Or-
tega y Gasset, Moarte și reînviere, Dezumanizarea artei. Esești
spanioli, București, 1982.
- 12 См. Jean Cocteau, Les parents terribles, Théâtre, Paris, 1948,
стр. 192.
- 13 См. O. y Gasset, Dezumanizarea artei, Esești spanioli, стр.
337.
- 14 См. R.Barthes, Нулевая степень письма. Семиотика, Москва, 1983;
S.Bataglia, Mitografia personajului, București, 1976 (Гл. Arte
dezumanizată).
- 15 См. M. de Unamuno, Civilización y cultura. Ensayos, t. I, стр.
295; Alessandro Chiapelli, Il ritorno nel idealismo nella cultu-
ra moderna, Nuova Antologia, 1913, t. VI, стр. 397.
- 16 См. H.Friedrich, Structura liricii moderne, București, 1969.
- 17 См. M. de Unamuno, La juventud "intelectual" española. Ensayos,
I, стр. 279.
- 18 См. В.Хлебников, Наша основа, 1920.
- 19 См. Renato Paggioli, Teoria d'arte d'avanguardia, II, Mulino,
Bologna, 1962; Bruno Romani, Dal Simbolismo al Futurismo, Firen-
ze, 1970; А.Е.Вацаньскы, Poeți și curente. Repertoriu poeziei uni-
versale contemporane, București, 1972; Русская литература начала
XX века, Москва, 1962.
- 20 См. R.Albérès, L'aventure intellectuelle du XXe siècle, стр.
34.
- 21 См. Вл.Маяковский, Теперь к Америкам. Полное собрание сочинений
в XIII-и томах, Москва, 1955, т. 1, стр. 311.
- 22 Между прочим, и Р.М.Рильке отметил движение "Мир искусства" в
своих письмах к Елене, среди других русских явлений, которыми он
восхищался. См. R.M.Rilke, Scrisori către Helene, "Secolul XX",
301-303, стр. 169.
- 23 См. Boris Kochno, Diaghilev și baletetele ruse, "Secolul XX", 301-
303, стр. 274-286; Alina Ledeanu, Prezența lui Diaghilev, *Ibid.*,
стр. 297; Romola Nijinska, Nijinski, Paris, 1934. Отклики этого

- замечательного явления нужно видеть и в современных выставках, которые оживают период расцвета русского балета. Среди них: The Djiaghilev Exhibition, Londra, 1934; Dance et divertissement, Paris, 1969; Les Ballets Russes de Serge Diaghilev 1909-1929, 1972, Straasburg.
- 24 См. Н.Радлов, О футуризме и "Мире искусства", "Аполлон", 1917; А.Бенуа, Жизнь художника. Воспоминания, I, II, Нью-Йорк, 1955.
- 25 См. Ortega y Gasset, Dezumanizarea artei. Eseuști spanioli, București, 1962, стр. 330.
- 26 Igor Stravinski, Poetica muzicală, București, 1967, стр. 33.
- 27 Igor Stravinski, Idem, стр. 59.
- 28 См. Ал.Блок, Баябожества, безвдохновенья; Ал.Блок, Собрание сочинений в восьми томах, Москва-Ленинград, 1962, т. 6, стр. 181.
- 3) См. Н.Friedrich, Structura liricii moderne, București, 1969 (Abstracțiune și arebesc, Descompunere și deformare, Irealitate senzorială, Dinamica mișcării și energia limbajului); P.Барт, Нулевая степень письма. В кн. Самиотика под ред. Ю.Степанова, Москва, 1983.
- 30 Литературные манифесты. От символизма к Октябрю, Мюнхен, 1969; Манифесты и программы русских футуристов, Мюнхен; 1967; P.Якобсон, О поколении, растратившем свои поэты; Questions de poétique, Paris, 1979; Zbigniew Berasński, Jerzy Litwinov, Rovujskie manifesty literackie, Część I (Przełom XIX i XX wieku), Poznań, 1974; Kjeld Vjbrnager, Русская литература XX века. Воспоминания, Aarhus, 1971.
- 31 См. Vladimir Pozner, Littérature russe, Paris, 1929, стр. 276; См. и Jean-Claude Lanne, Velimir Hlebnikov - poète futurien, I, II, Paris, 1983; Roman Jakobson, Новейшая русская поэзия. Texte der Russischen Formalisten, II, München, 1972; О поисках сущности языка, в кн. Самиотика, Москва, "Радуга", 1983.
- 32 См. В.Хлебников, Наша основа; Собрание произведений в У-и томах под ред. Ю.Тынянова и Н.Степанова, Ленинград, 1928-1933, т. У, стр. 222-230. В дальнейшем цитируется по этому изданию.
- 33 В.Хлебников, Наша основа, стр. 230-231.
- 34 В.Хлебников, Художники мира, стр. 216-217.
- 35 Сам Хлебников чувствовал свою близость с французским поэтом, о котором говорит в Задачах председателей Земного шара: "Еще Малларме и Бодлер говорили о звуковых соответствиях слов и глазах

- слуховых видений и звуков, у которых есть словарь". Т. У, стр. 275. См. в связи с вопросом связи слова, буквы, звука и числа Е.Касси-рар, La philosophie des formes symboliques, Paris, 1972; Ц.Тодоров, Le nombre, la lettre et le mot, Poétique de la prose, Paris, 1974; Д.Самойлов, О "Творениях" Велимира Хлебникова, "Новый мир", 1, 1988.
- 36 В.Хлебников, Разговор Олега и Казимира, т. У, стр. 192.
- 37 В.Хлебников, Художники мира, т. У, стр. 216.
- 38 В.Хлебников, Художники мира, стр. 216-217.
- 39 В.Хлебников и А.Крученых, Слово как таковое, 1913, т. У, стр. 247.
- 40 Марина Цветаева, Сочинения в двух томах, Москва, 1980, т. II.
- 41 В.Хлебников, В.В.Каменскому, 1910 (?), т. У, стр. 291.
- 42 В.Хлебников, Неизданная статья, т. У, стр. 188.
- 43 Ступог - хлебниковское словообразование по принципу "внутреннего склонения слова" и "речетворства" от слов ступень и порог.
- 44 См. Роман Якобсон, Новейшая русская поэзия. Texte der Russischen Formalisten, II; Р.Дуганов, Краткое "искусство поэзии" Хлебникова, "Известия Академии Наук", Серия литературы и языка, т. 33,5, 1974; его же, Проблема эпического в эстетике и поэтике Хлебникова, "Изв. Акад. Наук", Серия литературы и языка, т. 35, 5, 1976; Jean-Claude Lanne, Velimir Hlebnikov - poète futurien; I.Tiniérov, Sur Khlebnikov, Linguistique et poétique, Moscou, 1981; Boris Uspenski, Problèmes de composition dans la poésie de Khlebnikov, Idem; Barbara Löpkwist, Hlebnikov and Carnival, Uppsala, 1979.
- 45 См. Роман Якобсон, Цит. работа; В. Шкловский, О поэзии и заумном языке, 1916; Письма не о любви, 1923, (Письмо четвертое); его же Жили-были, 1966; Юрий Тынянов, Архаисты и новаторы, 1929.
- 46 См. В.Хлебников, Семье Хлебниковых, Куоккала, авг. 1915, т. У, стр. 304.

НАБЛЮДЕНИЯ ВЪРХУ РАЗВИТИЕТО НА ЕДНА БАЛАДА С ОБЩ СЮЖЕТ
В БЪЛГАРСКИЯ И РУМЪНСКИ ФОЛКЛОР

Златка Юфу (Zlatica Iuffu)

Сравнителното изследване на баладата в румънския и български фолклор доказва, че в двата национални фолклора се срещат значителен брой общи сюжети и мотиви. Румънският фолклорист Ал. И. Амазулеску установява 352 баладни сюжета в румънския фолклор¹, от които 47 се срещат и във фолклора на югоизточните европейски народи. Това представлява 13 % от общия брой на баладните сюжети в румънския фолклор, а от 47-те сюжета 41 откриваме във фолклора на южните ни съседи – българите².

Ще се спрем на един от тези сюжети, който не се среща в гръцкия и сърбохърватски фолклор, а в македонския броят на вариантите е много ограничен³. Имаме предвид баладите "Тодоровата песен", разпространена из цяла България, и баладата "Тудорел" в румънския фолклор, от която Ал. И. Амазулеску посочва 17 варианта. В българския фолклор познаваме повече от 35 варианта на песента, отпечатани в различни сборници и в архивни материали. Между годините 1965–1971 записах лично 180 песни от наследници на някогашни емигранти-българи, установили се преди повече от 200 години в село Кяжна (Букурещ) и други – преди повече от 170 години – в село Валя Драгулуй (окръг Гюргево)⁴. Между тези песни се намират и две варианта на цитираната балада. В българския фолклор "Тодоровата песен" е позната и под заглавията "Забягнал мъж се връща"⁵, "Майка убива сина си пътник"⁶ и др. Ние запазиме името, с което певците-информаторки от двете села назоваха песента.

В румънския поетичен фолклор баладата "Тудорел"⁷, "Доброджан Тудор"⁸, "Кънтекул луй Тудорел"⁹, "Тудор чаушул"¹⁰, "Тудор зъвълаш"¹¹ и други съдържа множество сходни и дори покриващи се напълно елементи с онези на българската балада "Тодоровата песен". Румънската балада обаче не е изградена върху мотива "предречена смърт", а има историко-социален характер, лишена е напълно от свръхестествени елементи. В малък брой варианти и на "Тодоровата песен" наблюдаваме постепенно намаляване и

изчезване напълно на тези елементи, благодарение на настаналите промени в мирогледа на народа.

За тази балада с общ сюжет в българския и румънски фолклор беше съобщено през 1973 г.¹². През 1975 г. излезе от печат цитирания труд на румънския фолклорист А. Фоки, в който намираме (стр. 190-191) резултатите на един български и един румънски вариант (към българския е приложена библиография за други двадесет варианта, познати на автора). А. Фоки съобщава съвсем накратко и мнението си във връзка с основната идея на двете национални балади.

В България няма изследване върху тази балада. Поставяме си за цел да проследим накратко идейното развитие, на което е била подложена тя през дългия период на съществуване, сравнявайки я същевременно с румънската балада - с варианта от оборника на Г. Дем. Теодореску, записан в Букурещ¹³.

В основата на "Тодоровата песен" е залегнало старото народно вярване в съществуване на орисници, които определят съдбата на човека от люлката до смъртта му. В баладата обаче се разказва за една семейна драма - характерен елемент на този фолклорен вид¹⁴: майка, като не познава собствения си син, напунал дома си преди 9(12) години, го убива, за да го ограби, или от ревност.

Ако вземем като критерий развързката на конфликта в българската балада, ще установим голям брой варианти на една единствена версия. Обръща внимание голямата устойчивост на прототипа. Познатите ни над 35 варианта са записани в разстояние на повече от сто години¹⁵ и имат почти единни композиционна структура.

При анализа на "Тодоровата песен" ще тръгнем от записаните от нас два варианта, тъй като са доста добре запазени в присъствието на фантастични елементи в тях говори за по-голяма старинност, покрай факта, че преди повече от 170-200 години са били пренесени у нас от емигранти-българи и то вече в много добра поетична форма. За улеснение ще ги номерираме с № 1 (Кяжна) и № 2 (Валя Драгулуй),

Композиционната структура на баладата (№ 2), нейното тематично

ядро, е следното: 1) Забягването на Тодор (причини); 2) Къде отива, за колко време, спечеленото богатство; 3) Завръщане и смърт; 4) Разкриване на престъплението и последиците. Такава е композиционната структура не само на записаните от нас варианти. Направените изменения от певците – разширяване на някои от основните епизоди с повече подробности или вмъкване на нови такива, не изменят с нищо развитието на трагедията в основните ѝ линии. Най-чувствителни промени се наблюдават в най-новите варианти на баладата, малко на брой, в които завързваният се забягнал оми бива познат и значи престъпление няма.

Като причина за забягването на Тодор от бащин дом във вариантите № 1 и № 2 се посочва трагичното предсказание на врачката и желанието на Тодор да избегне "орисаното". Във вариант № 1 народният певец съобщава направо причината за забягването без никакъв пролог:

Тодор ои врачкъ връчувъ	- Тодуру, буле, Тодуре,
обуоть срещу нидельъ	ут първъ булкъ чест нямъ,
чи му врачкътъ нъмери	ут сойъ майкъ омърт имъ.
и тя нъ Тодур думъши:	

Във вариант № 2 това съобщение идва малко по-късно. Баладата започва със оватбена картина: Тодор си води булка отдалеч. Червен байрак се развява, булката олиза от колата и Тодор веднага съобщава на майка си: бил чул, че в гората "врачка и гледачка/ знае и познава/ кой от какво ще умре". И понеже Тодор иска да отиде, майка му прави опит да го спре: "Гледачкъ дъ би знайълъ,/ ни би у гуриць сидяълъ,/ гуриць прибрудявълъ". Но Тодор не послушва съветите, отива при врачката и тя му предсказва (като орекулът от античната митология)^с, че ще бъде убит от собствената си майка. Тодор оставя булка под було и забягва.

Вярата на народа в ормоници и в орисаното от тях, в "каквото ти е писано" е ясно изразена и във вариант от Еленоко, в който певецът съобщава направо, че "урисница му урись/... майкъ му дъ гу зътрий"¹⁶.

В други варианти Тодор (или Стоян) научава за своята съдба от книга¹⁷, която чете в черква, или от книга¹⁸, паднала от небето¹⁹.

В много варианти обаче забягването на Тодор е мотивирано с при-

чини, които наистина могат да предизвикат семейни и социални конфликти. Например Тодор забягва, защото майка му иска да го ожени насилва за мома, която той не обича²⁰; защото майка му отказва да го отдели с къща и имот веднага след женитбата му²¹; поради тежка обидя²²; понеже майка му, недоволна от големите разходи, направени по сватбата му, постоянно му натяква това²³; защото трябва да плати големите дългове на баща си след неговата смърт²⁴ и др. Но покрай тези конфликти народният певец не изоставя още падналата от небето "книга".

Смятаме, че по причините за забягването на Тодор можем да установим старинността на вариантите. Несъмнено най-стари са онези, в които Тодор се опитва да избегне "орисаното", за което научава или от врачка, или от книга (по-нов елемент), или пък певецът съобщава направо, че когато Тодор се родил "орисница го орисала". В първите два случая, макар и да не се съобщава направо за орисници и орисано, това се подразбира: "врачката" му "намерила", т.е. някой вече е определил това, а "врачката" (оракулът) само съобщава "решението". Но постепенно, както се казва вече, благодарение на непрекъснатия прогрес на човека във всички области на живота, се извършват промени и в мирогледа на народа. Ето защо сега народният певец вмъква в баладата епизоди, взети направо от ежедневието, в орисници, врачки и гледачки, както и книга паднала от небето изчезват, тъй като вярата в тяхното съществуване изобледнява²⁵. Обаче не изчезва още напълно вярването в "каквото ти е писано". Ето защо в ред варианти на разглежданата балада съжителствуват реалистични и фантастични елементи, въпреки че те явно си противоречат.

Като най-нови, т.е. с внесени промени в сарата балада, трябва да смятаме онези варианти, в които причините за забягването са напълно реални (семейни или социални конфликти), но и тук колят остава непроменен. Обаче сега престъплението се схваща като нещастен случай, като отмъщение поради ревност или като преднамерено убийство за грабеж. Този тип трябва да мине в групата на семейно-битовите балади, както и онези варианти, в които не се стига до престъпление, тъй като майката познава она си (или жената мъжа си)²⁶.

В заключение: според причините, които накарват Тодор да забегне, да напусне бащиния си дом, могат да се установят три типа на баладата "Тодоровата песен":

I. Тодор забягва, за да се отърве от орисаното. Вариантите, влизащи в тази група, трябва да се омятат за най-стари.

II. Тодор забягва поради семейни конфликти, но книгата, от която чете, не липсва. Този преходен тип обхваща най-голям брой варианти.

III. Тодор забягва поради семейни или социални конфликти, но при завръщането си в къщи той е познат от майка си или жена си и тогава престъпление липсва, или героят бива убит, но престъплението се извършва за грабеж или от ревност. Фантастичните елементи са отстранени напълно.

Причините за "забягването" "на Тудор или Тудорел от румънската балада са винаги едни и същи: понеже има хубава жена и понеже забогатява извънмерно, турците започват да му завиждат и го облагат с толкова тежки данъци, че той стига до просешка тояга. Това го принуждава да напусне бащиния си дом и да потърси помощта на султана²⁷. Тази уводна част на румънската балада е взета без изменение от друга румънска балада, широко разпространена в балканския фолклор - "Продадена невеста".

И тъй, установяваме един общ мотив в българската и румънска балада - забягване на героя (или напускане на семейството) независимо от причините. От тази гледна точка най-близки до румънските варианти са онези български варианти, в които и Тодор, както и Тудорел, напускат семейството си, за да се спасят от преследването на кредиторите и на завиотливите турци²⁸.

Във вариант № 1 и № 2 не е посочено къде отива Тодор. По-често обаче певецът ни осведомява, че той пристига във Влашко²⁹ или в Добруджа³⁰, или отива на война³¹, в Будим града³² и др. Където и да отиде той престоява там почти винаги девет години³³.

В румънските варианти на баладата Тудорел неизменно се отправя към Цариград, за да се оплече на султана за извършената неправда³⁴. Той остава тук на служба две години и половина³⁵, девет години и поло-

вина³⁶, а в цитирания вариант на Г. Дем. Теодореску, записан в Брила, само три дни.

Тодор натрупва голямо богатство в чуждата земя: събира девет стада рогат добитък (№ 1 и № 2); девет стада говеда³⁷; много пари, с които купува влашки говеда³⁸; добитък, девет стада овни и хергелета коне от Каравлашко³⁹; връща се с девет стада добитък и кемер с жълтици⁴⁰ или със "Сярук ми сиви говеда/ и едно конче ранено,/ на конче дисаги жълтици⁴¹.

В румънската балада Тудорел се връща в къщи също с пари и големи стада добитък. Докато в българските варианти никога не се съобщава по какъв начин е опечедил Тодор богатството си, румънският народен певец дава тази подробност: след оплакването пред султана, Тудор му иска служба, с която да осигури съществуването си – иска да го назначат управител на санджак (военно-административна единица в османската империя, поделение на вилает)⁴². В разстояние само на няколко години той събира голямо богатство в жива стока и пари и сега, обхванат от мъка по свои, се моли на султана да го освободи от службата, за да се върне при майка и жена⁴³.

Българският народен певец не намира за необходимо да ни съобщи причината, която принуждава Тодор да подкара стадата си и да се върне там, откъдето забягва, за да се спаси от предсказаната му гибел. За певеца от значение е срещата на майката със сина, за да се осъществи "орисаното". Във вариант № 2 обаче, може би под влияние на румънската балада, певецът дава такова обяснение. Тодор се разболява: покривка му е сланата, постелка – тревата, възглавница – белият камък "Чи му съ нъ Тодур дудялу". И сега Тодор и Тудорел тръгват към домовете си, следвани от големи стада добитък и от главени овчари и говедари. А когато приближават родните си села, и двамата изоставят стадата⁴⁴, като дават различни обяснения на говедарите, и бързат да стигнат в село⁴⁵.

Следващият епизод от тематичното ядро на баладата, общ за българската и румънска балада, е убийството и на двамата герои от родните им майки, които не могат да познаят синовете си.

Докато в румънската балада Тудорел не успява да се види с майка си

и невестата си, тъй като, пристигнал късно у дома, влиза в избата напива се, заспива и когато невестата му го намира там и съобщава за чуждия мъж в избата, тя го мисли за любовник на онаха си, слиза в избата и го убива. А Тодор успява да се види на двора (№ 1) или на чешмата (№ 2) с булката си и по негова молба тя го приема в къщи да преспи без да го познае, като иска предварително съгласието на свекървата си, а през нощта свекървата (майката) го убива.

По причините, които подтикват свекървата към престъпление, в българските варианти на баладата съществува разнообразие: това става или за грабеж, или от ревност, докато в румънските подтикт е само ревността на свекървата. Тук тя използва въжето⁴⁶, а в българската балада пелецът е предпочел голям касапски нож, брадва, сабя, брич⁴⁷.

В някои румъноки варианти невестата познава мъжа си по белег на ухото⁴⁸, но свекървата не вярва – когато синът ѝ заминал, бил млад, а човекът от избата е стар. Подобно съмнение обхваща снахата и в българската балада. Тя забелязва, че пътникът вързва коня си там, където и Тодор е имал обичай да го връзва⁴⁹, закачил пушката си, където Тодор я закачвал и т.н., но и тук свекървата не обръща внимание на казаното от снахата⁵⁰. По-често обаче, когато пътникът не разкрива сам самоличността си и то само на своята жена⁵¹, тя го познава по пръстена⁵² или по някакъв белег⁵³.

Почти винаги в румънските и български балади свекървата е представена като лоша и жестока жена. И в разглежданата балада тя не прави изключение. В българската балада най-често мъждата ѝ за пари я подтиква към престъпление, а ревността ѝ в оравнение със свекървата от румънската балада е по-уталожена.

Характерно и за двете балади – румънската и българската – е мрачната атмосфера, която в тази част на баладата стига до най-висока степен.

След извършване на престъплението майката на Тодор заравя жертвата си в бунцето, а майката на Тудорел скрива трупа му зад бъчвите в избата. На втория ден пристигат стадата с говедарите. Трупа на

Тудорел е открит от главния му помощник-говедар, а онзи на Тодор е изровен от бикчето на стадото (№ 1)⁵⁴.

Къту гу майкъ му зъровиль,	дету и Тодур зъровен.
гуляму съ стаду зъдалу.	Чи си бикче рови
Стадуту гу бикче ўодеши	дур си чорбъджийъ изрови
и си в дори ѱфлези.	чи му глъвътъ нъ мясту ѱгуди.
Бикче ис дору фоди и риве	Чи гу бикче лизъ, мъри,
и праў нъ бълугару ^х утиди,	дур си чорбъджийъ ѱжурчи.

Онова, което характеризира българския народен певец е, че разказът му е много сбит и динамичен. За разказаното от него в 12 стиха, на румънския певец му трябва много повече, защото удължава разказа с много подробности и повторения. От тази гледна точка посочваме като пример записаните от Г. Дем. Теодореску два варианта - в Букурещ и в Браила. Онзи от Букурещ има 620 стиха, докато вариантите № 1 и № 2 и най-голяма част от българските варианти разказват за случилото се, като използват от 60 до 180 стиха. Един единствен български вариант наброява 387 стиха⁵⁵.

В румънските варианти винаги главният помощник-говедар разкрива извършеното престъпление. Този епизод е по-разнообразен в българските варианти на баладата. Например: отрязаната глава успява да разкрие на майката кого и убила⁵⁶; когато пристигат стадата, Тодоровото конче цвили и казва, че снощи Тодор е бил убит от собствена си майка⁵⁷; кончето и другите животни го изравят от буничето - сигурно тук певецът е искал да изрази любовта и привързаността на животните към техния стопанин⁵⁸; жена му го познава по пръстена⁵⁹; сам разкрива самоличността си⁶⁰; на сутринта Тодоровата сестра идва и пита за него - бил минал първо при нея, а след това се отправил към бащиния си дом⁶¹ и т.н.

Какво става с майката и снахята след извършеното престъпление? Българският певец почти забравя да ни каже това. В малък брой варианти^х бълугар, рум. - буниче

ти се казва, че майката умира⁶² или че майката и Тодоровата невеста се самоубиват, след като научават коя е жертвата⁶³.

Румънският певец довършва винаги разказа си. Щом разбира, че убитият е нейния син, майката се самоубива, а Войжа заплаща на говедарите за труда им, задържа един от тях, който прилича на Тудорел, и се оженва за него⁶⁴.

Баладата "Тудорел" не затруднява о нищо румънските специалисти при класификацията ѝ. От самото начало тя е била включена в групата на семейно-битовите балади⁶⁵, докато у българските специалисти срещаме колебания, поради по-специалното развитие на идейното съдържание на баладата. Във Фолклор от Еленско А. Арнаудов включва песента в групата на баладите (стр. 207), като под балада разбира народно поетично творчество, в центъра на което стои свръхестественото. По-късно, в том 4-ти на Българско народно творчество, в който са събрани митическите песни и е под редакцията на М. Арнаудов, тази балада липсва, намираме я в други томове, например в том 3-ти (Исторически песни), тъй като във варианта от този том причината за забягването на Тодор са турците, в том 7-ми (Семейно-битови песни) и в том 8-ми (Трудово-поминъчни песни). След баладите със свръхестествени елементи я включват и съставителите на сборника Сенки из невиделица⁶⁶, където е придружена от следната бележка на авторите: "Този мотив, почиващ вероятно на действителна случка поради своята морална изключителност е намерил художествено оформление в силната вяра на предопределението: което е писано, това ще стане. Тази изключителна по нравствената си драматичност човешка постъпка, сигурно скоро, е предизвикала и широко разпространение на мотива, който е записан вече във всички краища на българската реч..."

В румънския фолклор две балади имат едно и също начало: "Продадена невеста" и онези балади, които са обхванати в тематичната група "тежките данъци", групирани под общо заглавие "Тудор доброджан"⁶⁷.

В баладата "Продадена невеста" А. Фоки различава три типа:

1) мъж, пияница, продава жена си, за да изплати дълговете си;

2) мъж продава на пазара жена си, защото не му е донесла зестра, но купувачът се оказва неин потурчен брат;

3) поради наложените му от завистливите турци високи данъци Оляк обеднява и продава на пазара жена си, тя с получените за нея пари да изплати дълговете си, но купувачът-турчин и тук се оказва неин брат⁶⁸.

В "Тудор доброджан" могат също да се различат три типа:

1) обеднелият поради високите данъци герой предлага жена си на султана, за да се отърве от дълговете (и тук трябва да видим един вид продажба)⁶⁹;

2) обеднелият по същите причини герой продава жена си, но купувачът се оказва неин потурчен брат⁷⁰;

3) обеднелият поради наложените му от турците високи данъци герой заминава в чужда земя (при султана), за да се оплаче и поиска служба, с която да замогне отново, но при завръщането си бива убит от собствената си майка, която не познава сина си⁷¹.

Критерият за групирането на тези балади в една обща тематична група са "тежките данъци", на които е подложен героят, като не се държи сметка, че в баладите от тип I и II става дума за продажба на невестата, а в тип III продажба липсва. Тази класификация е приета от Ал. И. Амаулеску, А.Фоки, Г.Врабие и др. Последният включва третия тип на баладата "Тудор доброджан" в тематичната група "тежките данъци", о вътре в нея я причислява към мотива "продадена невеста", макар че тук продажба няма. Самият автор изпада в недоумение и заявява: "Развитието на песента е своеобразно. Въпреки да има в ума си тематиката на продадена невеста, браилският певец я заобикаля и навревя стига до една сензационална песен"⁷².

Според нас вариантите на баладата "Тудорел" от сборниците на Г. Дем. Теодореску, Гр. Г. Точилеску, Н. Пъскулеску, Г.Джугля и Г.Вълчан, от сборника "Фолклор от Ултения и Мунтения" и др. са резултат от контаминацията на две балади, нещо, което променя основната им идея: първата част е взета от баладата с мотив "продадена невеста" (до пъл-

ното обединяване на героя), а втората - обединяване, свързване у дома, извършване на престъплението и т.н. е друга балада, чиято първа част е била изоставена от певеца. Онова, което е позволило да се извърши връзката между тях е, че и в двете се среща еднаква ситуация - в даден момент и двамата герои напускат своя дом (независимо по какви причини), а освен това там, където отива Тодор, забогатява извънредно много, нещо, към което се стреми и Тудорел. Разбира се към всичко това трябва да прибавим и епичната атмосфера, в която се развива действието и която е помогнала да стане тази връзка. Вариантите от посочените сборници и още други трябва да се групират в отделна тематична група.

Казахме, че баладата "Тодоровата песен" (тип I и II) е изградена върху върването на народа в предопределение (орисия). Тази балада не е изолиран случай в българския фолклор. Тя се свързва органически с други песни и приказки, изградени върху същото върване⁷³.

Съпоставителният анализ на "Тодоровата песен" ни дава възможност да видим както "основното единство на мотива в различните варианти, така и отликите между последните в едно или друго отношение". И "ако единството е сигурен критерий за устойчивостта на прототипа, отликите са несъмнено доказателство за дългото развитие на песента по време и по място в участието на много певци в разработката ѝ"⁷⁴.

В румънската балада "Тудорел" и в българската "Тодоровата песен" намираме множество общи елементи, обаче всеки национален певец е творил самостоятелно. Дори и да допуснем, че румънският народен певец е бил запознат с "Тодоровата песен", проникнала преди повече от 200 години от юг на север през Дунава заедно с емигранти-българи, нейни носители, румънският певец е създавал нова балада, приспособявайки мотива към историческата и социална специфика на румънския народ. Освен това характерно за румънската балада е нейният лиризъм, докато българската притежава повече динамика в разказа си.

Бележки

- 1 Al. I. Amzulescu, Balade populare românești, București, 1964.
- 2 A. Fochi, Coordonate sud-est europene ale baladei populare românești, București, 1975.
- 3 К. Църнушанов, Македонски народни песни, София, 1956, с. 217, № 406.
- 4 Zlatca Iuffu, Cîntece populare bulgărești din comunele Chiajna (București) și Valea Dragului (jud. Giurgiu), București, 1973, (Резюме на докторска дисертация). Причините, които са наложили емигрирането на по-големи или по-малки групи българи главно във Влашко преа епохата на османското иго на балканите, са познати. Историческите източници доказват, че то се засилва особено много през периода на руско-турските войни от последната четвърт на XVIII век и първите три десетилетия на XIX век. От богатата библиография ще посочим само няколко труда: P. Constantinescu-Iași, Emigrația bulgară la nordul Dunării, (Studii istorice româno-bulgare), București, 1956, с. 9-15; C.N. Velichi, Așezămintele coloniștilor bulgari din 1830, "Romanoslavica", III, 1958, с. 117-135; Emigrări la nord și la sud de Dunăre în perioada 1828-1834, "Romanoslavica", XI, 1965, с. 67-113; Emigrarea bulgarilor în Tara Românească în timpul războiului ruso-turc din 1806-1812, "Romanoslavica", VIII, 1963, с. 27-58; К.Н. Велики, В. Трайков, Българската емиграция във Валахия след руско-турската война, 1828-1829, София, 1980; Н. Трайков, Н. Жечев, Българската емиграция в Румъния, XIX век - 1878 година..., София, 1986; К.Н. Велики, Страници от миналото на българския народ, София, 1987 г. и други.
- 5 Сборник за народни умотворения (СБНУ), 42, с. 155, № 139 и 140; СБНУ, 47, с. 510, № 50.
- 6 СБНУ, 27, с. 207-209, № 69 А.
- 7 G. Dem. Teodorescu, Poezii populare române, București, 1985, с. 675-682 (запианата в Букурещ балада "Тудорел").
- 8 N. Păsculescu, Literatura populară românească, 1910, с. 303-305 ("Zăvălaș Tudor"); с. 305-306 ("Dobrogean Tudor").
- 9 Gr. G. Tocilescu, Materialuri folcloristice I, partea 1, București, 1900, с. 133, nr. 166 ("Cîntecul lui Tudor").
- 10 Folclor din Oltenia și Muntenia (FOM), V, București, 1970, с. 385, nr. 159 ("Tudor ceașul").
- 11 G. Giuglea și G. Vislan, De la românii din Serbia, București, 1913, с. 278-282 ("Tudor zăvălaș").
- 12 Zl. Iuffu, Cîntece..., с. 24.

- 13 G. Dem. Teodorescu, Poezii..., с. 675-682.
- 14 Д.М.Балашов, Баллада гибели оклеветанной жены, "Русский фольклор", VIII, 1963, с. 141.
- 15 Първият отпечатан вариант се намиря в сборника на Брятя Д. и К. Миладиновци, Български народни песни, Загреб, 1861, о. 192, № 134 ("Тодор и майка му").
- 16 СбНУ, 27, с. 207, № 69 А.
- 17 Д. и К. Миладиновци, цит. съч., о. 192, № 134; СбНУ, 14, с. 52, № 18.
- 18 Тук "книга" в омисъл на писмо.
- 19 СбНУ, 42, с. 155, № 139; 26, с. 90-92, № 82 и др.
- 20 СбНУ, 14, с. 52, № 18; 35, с. 332, № 403; 47, с. 510, № 50; Архив на Софийския етнографски институт и музей, инв. 13, инв. 13, с. 231, № 81.
- 21 СбНУ, 26, с. 90-91, № 82; 53, с. 166, № 170; в. "Знаме", с. 18-19.
- 22 СбНУ, 35, с. 332, № 403.
- 23 СбНУ, 27, с. 207, № 69 А.
- 24 СбНУ, 47, № 147 и 189; А. и Н. Примовски, Родопски народни песни, София, 1968, с. 250-254.
- 25 А. и Н. Примовски, пак там.
- 26 СбНУ, 35, с. 166, № 170; 14, с. 56, № 19.
- 27 G. Dem. Teodorescu, Poezii..., с. 673-682.
- 28 Българско народно творчество (БНТ) 3, с. 302-304.
- 29 СбНУ, 14, с. 52, № 18; 35, с. 166, № 170; 44, с. 12, № 18 и с. 148, № 145; 47, с. 106-107, № 147 и др. Не е включено и във вариантите № 1 и № 2 да се е казвало, че героят е забягнал във Влашко, но след емигрирането певецът е оставил тази подробност. В българските народни песни често се говори за идването на българи в "хубавата Влашка земя", във "Влашко и Богданско" по различни причини. Ето няколко примера.
Изгралъ й ясна зора,	Расърди съ малку мумче
от хубава Влашка земя	нъ майкъ си, нъ бъща си,
(НПСИБ, с. 76, № 130)	чи зъбягнъ татък долу,
А че си Стуян зъбягнъ	татък долу ф другъ зиме,
у Влашкъ зимя Бугданокъ.	ф другъ зиме, ф Влашкъ зиме.
(СбНУ, 35, с. 170)	(СбНУ, 10, с. 7-8, № 6)
Далеко Стуян зъбегна,	Ситен дъжд вали като маргарит
през Дунав Влашко зимина	моето либе коня седлае
зелено сено да коси,	на кяр да иде на Каравлашко.
(БНТ, о. 269)	(<u>Бълг.нар.поет творчество</u> , о. 59)
и много други.	

- 30 СОНУ, 35, с. 332, № 403; 42, с. 156, № 140; 46, с. 136, № 230 и др.
- 31 СОНУ, 42, с. 155, № 139.
- 32 СОНУ, 15, с. 21, № 5.
- 33 Почти във всички над 35 познати варианта.
- 34 G. Dem. Teodorescu, ЦИТ. СЪЦ., с. 676.
- 35 Пак там.
- 36 FOM, V, с. 385, nr. 159; Al. I. Amzulescu,
- 37 СОНУ, 27, с. 207, № 69 А.
- 38 СОНУ, с. 90-92, № 82.
- 39 СОНУ, 15, с. 21, № 82.
- 40 СОНУ, 47, с. 106, № 147.
- 41 СОНУ, 7, с. 269.
- 42 Във варианта, поместен в сборника "Фолклор от Отления и Мунтения" султанът назначава Тудорел за оайджа - олужител при Портата, който събира задължителния данок в овци от Румънските княжества.
- 43 G. Dem. Teodorescu, ЦИТ. СЪЦ., с. 677.
- 44 СОНУ, 27, с. 208, № 69 А; 14, с. 52, № 18; Д. и К. Миладиновци, ЦИТ. СЪЧ., с. 114, № 134.
- 45 G. Dem. Teodorescu, ЦИТ. СЪЦ., с. 678.
- 46 Пак там.
- 47 СОНУ, 42, с. 12, № 18; 44, с. 148, № 145; 47, с. 106, № 147; 14, с. 46, № 7; 42, с. 156, № 140 и с. 155, № 139; 14, с. 52, № 18.
- 48 FOM, V, с. 385, nr. 159.
- 49 СОНУ, 14, с. 52, № 18.
- 50 СОНУ, 14, с. 52, № 18.
- 51 СОНУ, 49, с. 191, № 207; 38, с. 80, № 126; Архив, с. 231, № 81.
- 52 СОНУ, 15, с. 21, № 5; 35, с. 166, № 170.
- 53 СОНУ, 15, с. 21, № 5.
- 54 СОНУ, 44, с. 148, № 145; 26, с. 90, № 82; 35, с. 332, № 403; 14, с. 52, № 18.
- 55 СОНУ, 14, с. 52, № 18.
- 56 СОНУ, 13, с. 155, № 139; 27, с. 209, № 69 Б; № 1 (Кяжна).
- 57 Д. и К. Миладиновци, ЦИТ. СЪЦ., с. 114, № 134; СОНУ, 44, с. 148, № 145.
- 58 СОНУ, 14, с. 52, № 18.
- 59 СОНУ, 35, с. 332, № 403; 15, с. 21, № 5.
- 60 СОНУ, 7, с. 5, № 5; Архив..., с. 231, № 73.
- 61 СОНУ, 14, с. 56, № 19; 5, с. 95-96, № 149.
- 62 СОНУ, 49, с. 191, № 207; 42, с. 155, № 139 и др.
- 63 СОНУ, 7, с. 110, № 5.
- 64 G. Dem. Teodorescu, ЦИТ. СЪЦ., с. 682.
- 65 Al. I. Amzulescu, ЦИТ. СЪЦ., с. 222.

- 66 Божан Ангелов и Хр. Вакарелски, Сенки на невиделица, София, 1936, с. 235.
- 67 Al. I. Amzalescu, ЦИТ. СЪЩ., с. 222.
- 68 A. Fochi, Coordonate..., с. 172-174.
- 69 C.N. Mateevscu, Balade, I, 1909, с. 86-92.
- 70 E. Hodoş, Cîntece populare din Banat, Balade, II, Bucureşti, 1916, с. 54-62.
- 71 Gr. G. Tocilescu, Materialuri folcloristice, I, partea I, с. 133.
- 72 G. Vrabie, Balada populară română, Bucureşti, 1966, p. 419. Сръ.
и Istoria literaturii române, Bucureşti, 1964, в Poeszia epică.
Balada nuvelistică, с. 132 (от същия автор).
- 73 Сръ. СБНУ, 35, с. 106, № 104 - "Орисана булка"; с. 107, № 105,
"Орисан младоженец" и др. Виж и Лиляна Богданова, Песента "Орисана
на невеста" в българския фолклор, "Известия на етнографския инсти-
тут и музей", кн. XIII, 1971. Сръ. и сборника Български народни при-
казки, София, 1962, с. 229-233 и 233-234.
- 74 М. Арнаудов, Баладни мотиви и народната поезия, София, 1964, с. 132.

СОЦИАЛНИ ВРЪЗКИ В РАМКИТЕ НА БЪЛГАРСКАТА ЕМИГРАЦИЯ

В РУМЪНИЯ ПРЕЗ XIX ВЕК

К.Н. Велики (С. N. Velichi)

Писано е вече много за ролята и приноса на българската емиграция в Румъния за културното и политическото Възраждане на българския народ. Изследователите започват от неотдавна да изследват и начина, по който се заражда тази емиграция и специално онази, която е изиграла споменатата роля¹. Преди всичко се апелира към най-разнообразна мемоарна литература, тъй като тя е била най-лесно достъпна. Но веднага къзиното от мемоаристите започва да се подлага на критична проверка, след която оцеляват, имайки несъмнен научен характер, само онези твърдения, които се срещат и в архивни документи и които минават през същата строга критика. Ще дадем само няколко примера. Казва се, че през 1773-1774 г., но особено след мира, оключен в *Кючук-Кайнарджи*, били напунали България и се установили във Влашко, но специално в Южна Русия повече от 160,000 българи, а след войната, приключила с мирните договори, сключени в Свищов и Яш, - 360.000². Много преувеличени са цифрите, посочени в миналото, и за емигрирането на българите след руско-турските войни от 1806-1812 г. и 1828-1829 г.

В две мои по-ранни изследвания се занимаваме с емигрирането на българите по време и след тези две войни, като се спираме оамо на онези българи, които са преминали във Влашко, установявайки, изключително въз основа на документи, както областта, от която са се откъснали, така и онази, в която са се установили те, отбелязвайки съдвременно, че доста много от емигриралите са се завърнали по-рано или по-късно в отечеството си. Безспорно най-голямата част от тях остава на север от Дунав. За щастие, притежаваме за Влашко един много точен демографски документ, който показва ясно колко емигранти българи или по-точно колко българи живеят на север от Дунав през 1838 г. Става дума за катаграфите т.е. за списъците от преброяването на населението у нас, станало през тази година, и които ни дават точни данни³. За нещастие, публику-

ваните документи, за които говорим, са доста малко на брой и те се отнасят почти само до българите, настанили се във Влашко, и много малко за онези в Молдова. Беше и естествено да е така, защото значителният принос за българското политическо и културно Възраждане, за което споменахме по-горе, се дължи в най-голямата си част на първите от тях.

И наистина, наскоро след създаването на съвременната румънска държава, в Букурещ се основават най-важните политически и културни организации на българската емиграция. В Букурещ и в Браила започват да излизат главните политически вестници на емиграцията, тук се отпечатва голям брой книги и все тук се развива тяхната главна политическа и културна дейност⁴. Може би и за това изследователите, които са публикували документите, за които споменахме, са имали предвид българите от Влашко и по-малко или почти никак онези от Молдова. Във връзка с тези публикувани документи трябва да кажем, че тук ще цитираме само два главни труда. Първият излиза в София през 1930 г. и е на академик Стоян Романски. Той е озаглавен Българите във Влашко и Молдова. Документи. Книгата има 685 страници и съдържа 399 документа. Всички, с изключение само на 20 от тях, се отнасят до емигрирането по време и след руско-турската война от 1828-1829 г. до 1938 г. Почти всички документи се отнасят до Влашко, въпреки че в заглавието се споменава и Молдова. Втората книга с документи, публикувана от К. Велики в сътрудничество с Веселин Трайков, е озаглавена Българската емиграция във Влахия след руско-турската война 1828-1829 и е отпечатана в София през 1980 г. в издателството на БАН. На 452 страници авторите публикуват 256 документа, отнасящи се до емигрирането във Влашко и до някои завръщания в отечеството до 1839 г. Подчертаваме, че в съдържанието на някои от тези документи се говори и за емигрирането в Молдова. От тях става ясно, че първо в Молдова и след това във Влашко се организира настаняването на тези емигранти. Статутът или Уставът на българските колонисти с предвидените за тях привилегии е съставен първо в Молдова, а след това във Влашко. В замяна на това мерките за приемане и записване на емигрантите са по-добри и по-точни във Влашко, където са се съставяли подробни кондики, съдържащи всички

дини, отнасящи се до новодошлите, които за Молдова остават под въпрос. Все пак от документите, публикувани от К. Велики и В. Трайков, става ясно, че Диванът в Молдова изпраща в Галац постедника (велик болярин, член на княжеския съвет) Йордаке Куза, който е трябвало да ги приеме и да ги настани в Молдова. Този изключително важен документ посочва условията, при които колонистите са настанявани в Молдова и които са изключително изгодни. Интересно е, че новодошлите са могли да си изберат свои места, в които са искали да се настанят, и едва след това областните управители са съобщавали на Изпълнителния Диван пълните списъци с имената и броя на настанените колонисти. Освен това изглежда, че е имало първоначално записване и в Галац, откъдето емигрантите влизали в Молдова. Според направените досега проучвания, оставаме с впечатление, че не всички списъци са запазени. Окончателният отговор на този въпрос ще бъде даден от изследването, което продължаваме.

В същност нашето съобщение има като предмет точно този въпрос: наличието на документи, отнасящи се до емигрирането на българите в Молдова в периода 1830–1838 г., откриването им, върху което продължаваме да работим, какво сме научили от откритите досега документи, какво допускаме още да открием и накрая публикуването им в една подобна на малязката през 1980 г. книга.

От откритите досега документи става ясно, че някои българи, пристигнали във Влашко, взели решение веднага да минат в Молдова, нещо, което по-рано не било позволено. Още от 1965 г., откогато започнахме да изследваме емигрирането от 1830 и следващите години, забелязахме, че доста голям брой българи, влезли във Влашко през карантината в Браила, отиват в Молдова и се настаняват в Галац или във Фокшени. Така например между 9 май и 1 август 1830 г., 29 семейства, наброяващи 129 души с 89 глави добитък, отиват в Галац; други 16 семейства – 80 души с 120 глави добитък се настаняват в Бърлад; 69 души с 136 глави добитък, отиват в Текуч, но пък 53 семейства, минали в Галац, се връщат в Браила⁵. През септември 1830 г. се съобщава за мигрането на други 51 семейства в Молдова. Най-после други българи, минали през каранти-

ната в Бриля, идват в Гадац, откъдето след това се разпръскват в Бърлад, Текуч, Хуш и т.н., а 44 българи от Анхиало поискали да се върнат в отечеството си. Дадохме тези примери, за да се види, че колебанията са много големи.

Кои са и какво разкриват новооткритите досега документи в Държавния архив в Яш. Става дума за фонда Молдовски държавен секретариат. В този архивен фонд, в дело 157 от 1836 г., се съхранява докладът на главния управител, от който цитираме извадки: "По време на завършилата турска война, т.е. войната от 1829 и 1830 г., принудени от обстоятелствата през тази война, преминаха река Дунав в Молдова повече от 439 гръко-български семейства, които Общото събрание от 14 юни 1830 г. реши да настани в долните земи, (т.е. в Южна Молдова), както и стана, и същевременно съставиха и един специален Устав" и т.н. В продължение се изброяват дадените привилегии, освобождаване от данъци и т.н., както и някои задължения, за да се отигне до основния въпрос на доклада, а именно искането да се завърнат обратно през Дунав на някои български семейства. Това е и заглавието на дело 157 от 1836 г. - Завръщането на сърбо-българите по родните им места. Все в същото дело, което съдържа 187 страници, срещаме много подробности като например за ужасите, преживени в турската държава, разказани на голям брой страници, както и още много други интересни подробности, върху които тук не се спираме.

Друг интересен и богат фонд, намиращ се все в Държавните архиви в Яш, е съставен от така наречените "Кондикни Асвки". Между другото те обхващат и главното дело по настаняването на бежанците-българи в Молдова. Става дума за делото от 1830 година, съдържащо 759 листа, озаглавено Въпросът на гръко-българите, които пристигат отвъд Дунав, за да се настаният в Молдова. Тук би трябвало да се намира списъците на всички преминали в Молдова през Гадац и настанили се тук или в други градове на Молдова. Изглежда обаче, че не всички окръзи са изпратили съответните доклади и че нито в Гадац записването на новодошлите не е станало по всички правила. Възможно е те да са били тук, а по-късно да са били разпратени по окръжните клонове на Държавните архиви. Значи двете дела

ва които говорихме, съставят само главните архивни фондове, които сега се намират в Яш без да говорим за други по-маловажни. Освен тези архивни фондове има и други в архивите на други градове. Например голям брой дела, отнасящи се до българите в Молдова, се намират в клон на Държавни архиви в Хуш, когато този град беше още окръжен град. Сега тези архиви са прехвърлени във Васлуй и т.н.

Разбира се, един от главните въпроси е броят на семействата, преминали Дунав, с желание да се настаният в Молдова и които остават тук, както и други от същата националност. Документите ги наричат гръко-българи. Следва по-ограничен брой гърци, но и той доста значителен, и една много малка група ерменци. За разлика от емигрирането във Влашко, където между бежанците средата доста румънци, в най-големия си част произхождащи от селата по десния бряг на Дунав, в Молдова те са рядкост. По сведения на главния вистьер (управител на държавната казна) на Молдова, намерени в откритите досега документи и които датират от 1836 година, когато емиграционният процес е вече завършен, единствената цифра, намерена досега, е цитираната по-горе, а именно "повече от 430 семейства". Интересно, че един толкова висш чиновник, който е трябвало да познава отлично този въпрос, е бил толкова недостатъчно осведомен. По направените досега изследвания можем да заявим, с много малки колебания, че броят на емигрантите е бил много по-голям, бихме могли да кажем най-малко двойно. Тъй като само българите от Карнобат и околните му села, които са се записали да заминат за Молдова и които били получили и представили руски билети за емигриране, са на брой 471 семейства. Към тези се прибавя списък от други 324 семейства от "различни места от Румили", (т.е. от България), които получили билети за емигриране в Молдова. И за да не изброяваме повече, ще цитирем само още един списък от 96 български семейства и по-малко гърци от Сливен, Созопол, Анхиалс, Василико и т.н. И тъй, ако имаме предвид само тези сигурни цифри, а имаме и други, които подлежат още на проверка, стигаме до около 900 семейства.

Друг въпрос са областите, от които идват емигрантите и които беще засегнат между другото в изложеното по-горе. Може да се заяви със сигурност, че всички идват от Североизточна България. Значи не става дума за селищата, намиращи се по десния бряг на река Дунав, откъдето са дошли част от аселилите се във Влашко емигранти. Но както тук, така и в Молдова, бежанците произхождат от градовете Сливен, Котел, Карнобат, Ямбол и техните околности. В Молдова обаче идват и от по-южни области, като например от оелища, намиращи се по брега на Черно море като Бургас (броят им е голям), Созопол (гърци и българи), Анхияло (гърци и българи, гърци от Василико). Покрай тях намираме българи и по-малко гърци от Одрин и околните села, ерменци от Акдоса (неустановена местност). Малко са българите от Пловдив, Казанлък, Свищов, София, те са изолирани случаи. По отношение на занятията им българите са земеделци, занаятчии и търговци, гърците - търговци и моряци (в документите те са наречени "ходещи по морето").

Що се отнася до градовете, в които искат да се заселят в Молдова, мнозина ги посочват още преди да са напуснали България. Мнозина, особено гърци, но и българи от Бургао, заявяват, че искат да се настаният в Галац. Други се настаният във Фокшани, Бърлад, Текуч или в Хуш и новооткритите документи ги посочват като настанили се вече в тези градове. Например, като говорим за града Хуш, орещаме в цитираното деле (157/1832-1836) един списък с имената на българските семейства, които живеят вече тук в 1834 г. Друго дело от фонда на Молдовския държавен секретариат, посочва основаването на българско Настоятелство (Ефорие) на град Хуш и избиране на членовете му. Прибвя се плана на град Хуш и неговите махали (Дело 423/65/1837 съдържа 242 листа). Друго дело от 1833-1836 г. обхваща списък на 95 български семейства от селата на местността Фълчиулуй, които искат да се върнат обратно в отечеството си (Дело 278/387/1833-1836, 138 страници). Множество данни намираме за настаняването в Галац, о което приключваме без да се опираме на онези, които се отнасят до Бърлад, Текуч, Фокшани и т.н.

Една група от 150 семейства, предимно гърци и по-малко българи

от Бургас, Анхиало, Созопол и др., са искали настоятелно да се настанят в Галац. Това не трябва да ни учудва, тъй като особено през XVIII век голям брой търговци от гръцки произход и българи минават през Галац на път за Яш. Познати са търговците на вина от Свищов и Никопол, които идвали в Молдова, минавайки през Галац. Техният брой е бил голям особено в началото на XIX век. В 1832 г. градът е имал 6 квартала или махали, незовани по цветове, но паралелно са имали и по още едно име. Например махалата "бялата боя" се наричала и "долната" махала, т. е. онази към брега на Дунав; "зелената" се наричала и махалата на пощата и т.н., а жълтата се наричала и "сърбската" махала, т.е. българската. Не намираме обаче махала, която да се нарича "гръцката" махала, тъй като търците са били пръснати из целия град също както и българите, въпреки че тези са си имали и една специална тяхна махала. Разбира се, всички, установили се тук, са били занаятчии, работници, моряци, но най-вече търговци. Градът е имал много търговци-българи и преди емиграцията от 1830 г. Така например, от един списък с дата 20 юли 1820 г. на търговци от Галац - 31 на брой - 14 от тях прибавят към подписа си и "сърбина", т.е. "българина". Или: една група търговци от Галац изпраща тълба в Яш и всички прибавят към подписа си "сърбина". Мнозина от тях получават чуждо подаяство, за да се радват на закрилата на съответните консули. Подчертаваме, че до се отнася до политическата и културна дейност на българите от Молдова, Галац заема челно място.

Новооткритите документи говорят за установяване на емигранти и в села, близо до Галац, като например Мънжина, Мовилени, днес почти предградия на Галац, и др., или в села, които тогава са се причислявали към землищата на Текуч, Фълчиу, Путна и др. Например селото Плотунец от землището на Фълчиу, откъдето 66 български семейства са искали да се върнат обратно през Дунав.

Виждаме, че документите отбелязват и опитите на емигрантите да се завърнат в напуснатото отечество. Тук обаче въпросът е по-сложен, тъй като той се подвигна не само от българите, настъпили се в Молдова веднага след 1830 г., а и от други, дошли тук по време на войната от

1806-1812 г. дори и от по-рано, т.е. от XVIII век. Доста много са онези българи, които първо се настаняват в Бесарабия, които след известно време преминават в Молдова и които също искат да се завърнат в отечеството си.

Ще добавим още някои неща с по-общ характер. Проучихме списъците, съдържащи имена на бежанци, които идват в Молдова, както и списъците на онези, които искат да се завърнат по старите си огнища. Като ги сравняваме с подобни списъци за Влашко, установяваме, че първите са победни на сведения. В тях не е посочен броят на добитъка, с който идват бежанците, а също и на онези, с които се връщат. Вярно е, че и на трите категории във Влашко е пропуснато отбелязването на добитъка, но това само в първите няколко дни, веднага след което започва да се отбелязва не само броят им, но и какъв вид добитък е. В Молдова много пъти не е било отбелязвано и името на селото, към което са се отправяли бежанците, а често се е изпусकвало и отбелязването на професията им. Дори и имената на бежанците не са написани ясно много пъти. Вярно е, че някои списъци са дублирани от написаните на руски език списъци, които помагат до известна степен за разчитане на имената, а все пак то представлява доста труден въпрос дори и за един опитен архивист и палеограф. Въпреки отсъствието на някои данни, документите, които говорят за емигрирането на българи в Молдова в периода 1830-1834 г., както и за завръщане в отечеството на някои от тях, представляват много важни източници, както във връзка с различни демографски въпроси, така и за ползване на сведенията, отнасящи се до румъно-българските отношения от съответния период. Всичко това налага тяхното публикуване, тъй както бяха публикувани и списъците за емигрирането във Влашко, чрез сътрудничеството на Академиите на двете приятелски страни и чрез старанията на двамата изследователи. Макар че броят на тези документи е по-ограничен, работата по откриването им и подготовката им за печат е много по-трудна, тъй като те не са съхранени в архивите само на един град, а в повече градове на Молдова и специално в Яш.

СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Валерия Костакек (Valeria Costăchei)

В центре творчества Ф.М.Достоевского находились русский народ и русская жизнь во всех ее проявлениях. Писатель изображал русскую действительность в период глубочайшего кризиса в России – распада крепостничества и периода капитализма. Изображая русскую жизнь, писатель стремился "знать до малейшей точности (исторической и текущей) изображаемому действительность"¹.

Для описания жизни Достоевский считал необходимым условием всестороннее знание действительности, так как никакая фантазия не может выдержать сравнение с реальными фактами. Ознакомление с содержанием Дневника писателя способствует проникновению в мироприятие автора. Материал из Дневника служил ему как бы подготовительным этапом в создании его романов. Дневник писателя, утверждает его автор, – это "отчет о действительно пережитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном"². На страницах своего Дневника Достоевский стремился облизать литературу и жизнь до крайнего предела, это попытка объяснить жизнь³.

В центре изображения русской действительности был "человек", изучение которого занимало писателя всю жизнь, было его целеустремлением: "Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будем разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время"⁴. Для Достоевского настоящим человеком был тот, который жил широкими интересами не только своего народа, но и всего мира. Человек должен себя чувствовать частью Вселенной.

Всестороннее изучение русского человека, вышедшего из низших слоев народа, стало возможным для писателя во время его каторжных работ в Сибири. Постоянное общение с людьми из народа дало ему возможность проникнуть в душу русского человека. Об этом он постоянно упоминает в Дневнике писателя и в своих письмах: "Сибирь и каторга: ... Я сам себя понял... русского человека, что я сам русский из русского народа"⁵.

Среди произведений Достоевского Записки из Мертвого дома полностью посвящены теме народа. Писатель описывает характер русского человека, отводя особое место его трудолюбию и энергии. Отмечает чувство собственного достоинства, чувство справедливости и восторженного желания ее. Писатель старается выявить характер русского человека со всей его сложностью, отмечая оптимизм, любовь к свободе, необычайное терпение.

Цель Достоевского была познакомить читателя с жизнью каторжников как с реальной действительностью, которая не может не вызвать чувства возмущения и ужаса перед жестокостями царской каторги. В то же самое время писатель выражает любовь и сочувствие к народу, который больше всего страдал от этих порядков, и подчеркивает, что большинство каторжников принадлежит не к худшим, а лучшим элементам народа. Писатель верил в народ и ценил его огромные силы.

Наблюдения в Сибири были бытовым материалом, источником знаний о человеке в самых необычных обстоятельствах. Достоевский описал только то, что он сам видел, наблюдал, изучал: работу каторжников, наказания, болезни, развлечения.

Задачей писателя было проникнуть в глубины человеческой души и выявить одну из основных проблем: отношение самих преступников к совершенному ими преступлению. За годы каторги он не заметил в среде этих людей ни малейшего проявления раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении, — большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми.

Описание каторги со всеми ее жестокостями и нападательством над людьми было суровым обличением крепостного строя в России. Это была страшная книга в русской и мировой литературе, показавшая живую картину русского крепостного общества. Книга эта потрясла Россию. Герцен писал: "Эта эпоха оставила нам одну книгу, страшную книгу, которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царства Николая"⁶.

Значительность этого произведения в его правдивости, ценности как исторического документа. Перед читателем протекает реальная жизнь, живые люди, безмерное страдание, отрицательные результаты наказания,

так как наказуемые оставались такими же, какими они были и до каторги. Книга была принята в России как обличение существующего строя.

С вступлением в стадию капитализма в России происходит глубокая ломка, так как отмена крепостного права привела к исчезновению существовавших до того устоев старого порядка. После проведения крестьянской реформы Достоевский считал, что вопрос земледелия является основным вопросом в русской жизни⁷. По мнению писателя, этот главнейший вопрос не был решен. Землевладение и земледелие не были организованы продуманно и основательно. Оставался нерешенным вопрос рабочей силы — основы земледелия. Придавая огромное значение этому вопросу, Достоевский основывался на характерной черте русского крестьянина: "Русский человек никогда не мог себя представить без земли"⁸. Связь его с землей была настолько сильна, что для него означала начало всего — семья, честь, свободы⁹. Тот, кто обрабатывает землю, является всем в государстве, его ядром, его сердцевинкой.

После проведения крестьянской реформы положение крестьянина оставалось по-прежнему необычайно тяжелым, которое Достоевский определяет следующей фразой: "Есть от чего в отчаяние прийти"¹⁰.

Крестьяне, недовольные скудными наделами, надеялись на передел, о котором ходили слухи. Недовольство масс принимало угрожающий характер. "Крестьянский вопрос был самым острым, не только социальным, но и политическим вопросом эпохи"¹¹.

Уничтожение крепостного права было одним из самых колоссальных переворотов, которые когда-либо переживала Россия. Произошла глубокая перемена во всем¹². Достоевский указывает, что "многие дворяне думали, что с освобождением крестьян все погибло — и деревня, и земля, и землевладение, и дворянство"¹³.

Сельский труд был неорганизован и не обеспечен. Землевладение стало непрочным, постоянно меняло своих владельцев; "личная поземельная ответственность в полном хаосе"¹⁴. Ф.М.Достоевского глубоко интересовал вопрос земледелия. Он отмечает расслоение пореформенной деревни, появление купцов и спекулянтов. Подчеркивая новые явления в пореформенной

деревне, Достоевский старается предугадать, "каково будет окончательно обюквенное русское земледельческое сословие, в какую форму преобразуется оно?"¹⁵. Ответ писателя на заданный им вопрос: "Будущее землевладение - хаос". Разрешение вопроса землевладения писатель считал "главнейшим вопросом русской будущности"¹⁶.

Распад крепостничества и вступление России в стадию капитализма изображены Достоевским в реальных образах многих его произведений, к примеру, в романе Преступление и наказание. Этот роман можно считать "обвинительным актом и приговором общественному строю, основанному на власти денег"¹⁷.

Обсуждая положение крестьян в царской России, Достоевский неоднократно высказывал свое возмущение неграмотностью крестьянских масс. Он не мог примириться с тем, что в России существовала высоко образованная интеллигенция, и безграмотная масса крестьянства. Достоевский утверждал, что "никогда не мог свыкнуться с мыслью, что лишь одна десятая людей должна получить развитие и образование, а остальные девять десятых должны служить лишь материальным орудием"¹⁸. На страницах Дневника писателя он высказывает свое возмущение, говоря, что в России лишь "маленькая верхушечка имеет возможность получить образование, тогда как масса народа служит лишь материальной базой культурного слоя"¹⁹.

Писатель был убежден, что образование широких масс народа в самое короткое время даст замечательные результаты: "Я не могу мыслить и жить иначе, как верю, что все наши 90 миллионов русских... будут образованы, очеловечены и счастливы"²⁰.

Это несоответствие между условиями в области образования постоянно отмечалось Достоевским в Дневнике писателя: "Я никогда не верил... гнусной идее, что только верх образован, я хочу и верю, что у нас будет социальный порядок, что мужик будет понимать великую мысль..."²¹.

В условиях, создавшихся после крестьянской реформы, писатель был убежден, что открытие школ является самой главной и необходимой мерой: "Грамотность прежде всего, грамотность и образование усиленное - вот единственное спасение, единственный передовой шаг".

Указывая на великое значение грамотности, он образно утверждал: "Кто грамотен, тот уже двинулся, тот уже пошел, поехал, тот уже вооружен"²².

Достоевский придавал исключительное значение чтению, утверждая, что чтение в высшей мере способствует развитию человека. В то же самое время он отмечал большой пробел в русской литературе – совершенное отсутствие книг, понятных народу, книг, подходящих к уровню развития масс²³. В этом отношении он приближался к позиции Льва Толстого и стремился способствовать созданию необходимой литературы.

В произведениях Достоевского события имеют место в городской среде, что дало повод некоторым критикам назвать его писателем-"урбанистом".

Почти во всех произведениях Достоевского события происходят в столице России – в Петербурге, начиная с первой повести Бедные люди. Основная черта, характеризующая жизнь этого огромного города – богатство одних и нищета других обитателей столицы.

Правдивые зарисовки Петербурга: колоссальные здания фабрик с длинными трубами и ветхие лачуги бедняков на окраине города. Огромный город населен разношертным людом: живут здесь мелкие чиновники, студенты, ростовщики, ремесленники, проститутки, нищие.

В романах Достоевского описание Петербурга является ярким моментом в изображении русской действительности. В некоторых романах образ Петербурга передан с исключительной правдивостью, как, например, в романах Преступление и наказание и Подросток.

С большими подробностями описаны бульвары, тротуары, базары, ломбарды, закусочные и другие заведения столицы, создавая картину бедности, социальной несправедливости и беспорядка.

Многочисленные детали передают внешний образ города, облик домов и улиц. Из этих описаний явствует мрачный и угрюмый характер города. В романе Преступление и наказание описана Сенная площадь, центр торговли Петербурга того времени. В очерках Маленькие картинки даны зарисовки Петербурга и его жизни. Особое место занимает описание Невского проспек-

та - гордости русской столицы.

Лето в Петербурге было невыносимым из-за пыли, духоты, зловония. В 60-х годах в Петербурге еще не было водопровода и от многочисленных каналов, предназначенных для водоснабжения, распространялся зловонный воздух. Многие современники Достоевского воспринимали некоторые страницы его романов как точное, почти "физиологическое" описание петербургского лета²⁴.

Как переносили лето обитатели Петербурга Достоевский передает переживаниями Раскольникова: "На улицах жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известки, кирпич, пыль и та особая летняя воля, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности снять дачу"²⁵.

В романе Подросток приведена характерная деталь: "Поднялся скверный петербургский ветер, язвительный и острый".

Но все же среди множества мрачных и угрюмых дней Достоевский находит, что иногда бывают прелестные дни - светлые, теплые, тихие²⁶.

В произведениях Достоевского Петербург описан как равноправный герой со своей реальной жизнью, с различными подробностями и сценками большого и нищего города. Среди произведений Достоевского о описании Петербурга роман Подросток, по мнению А.А.Блока, был самым петербургским романом, в котором широко показан Петербург, и особенно некоторые стороны его жизни, отражавшие процессы, характерные для России в целом²⁷.

Описание Петербурга с его пейзажами и эпизодами жизни проникнуто стремлениями автора выразить боль за человека, обиженного и затравленного в городе роскоши и нищеты.

Идею Достоевского описать Петербург, как реального героя воплотил румынский писатель Й. Яноши в произведении Роман одного города - Петербург - Петроград - Ленинград²⁸.

На первый план в своих произведениях Достоевский ставит вопрос: что представляло русское общество в пореформенный период? Семья, находящаяся в центре описываемых событий, характерных для русского общества того времени, описана особенно ярко. Писатель утверждает, что се-

мья – основа общества, находится в состоянии полного разложения. Русское семейство находится в полном хаосе и у дворян, и у купцов²⁹. Достоевский объясняет это явление непониманием происходящих в стране событий. Для русского общества того времени характерны беспорядочные люди, недоконченные люди, утратившие всякую правду³⁰.

Ф.М. Достоевский утверждает, что происходит массовый переход родовых семейств в "семейства случайные". Постепенно "родовые семейства" сливаются с "случайными семействами".

Тема "случайного семейства" – одна из основных тем всего творчества Достоевского. Этой теме посвящен роман Подросток, в котором главный герой романа – Аркадий – является выходцем из "случайного семейства". Понятие "случайное семейство" писатель поясняет подробно на страницах Дневника писателя.

В романе Идиот Достоевский описывает несколько вариантов "случайного семейства". Отставной опустившийся генерал Иволгин, мелкий чиновник, ходатай по делам Лебедев, ростовщица капитанша Терентьева. Это семьи, в которых разброд и нравственная опущенность проявляются необыкновенно сильно³¹. "Случайность современного семейства состоит в утрате современными отцами, всякой общей идеи в отношении к своим семействам..., в которую они сами верили и научили бы так же верить своих детей, передали бы им эту веру в жизнь"³².

В романе Подросток Версилов-отец является примером такого отца, который не передал своим детям то, во что он верил. Достоевский утверждает, что "никогда семейство русское не было более расшатано, разкомлено, нерассортировано и неоформлено, как теперь"³³.

Русское семейство пореформенной эпохи становится все более и более случайным семейством.

Ф.М. Достоевский называл Льва Толстого историком московского помещичьего семейства, сам же он стал историком случайного семейства³⁴.

Разложение русского семейства Достоевский объяснял переходным состоянием общества, которое порождает леность и апатию. "Горячей мысли нет, великой веры нет, нельзя отпускать детей в жизнь без великих

роко использовал обранные материалы в своих романах, к примеру, в романе Братья Карамазовы.

Тема о судьбе женщины в русском обществе привлекала особое внимание писателя на всем протяжении его творчества. Женщина занимает ведущую роль в его литературных произведениях. Положение женщины в обществе, анализ женской психологии, особенности ее характера – вопросы, поднятые писателем. О положении женщин в обществе он постоянно упоминает в Дневнике писателя. В 1881 году он пишет: "Женщины, женщины, потому что они всем орудут. Нище век женщины повсеместно"⁴¹.

На страницах Дневника писателя Достоевский обсуждает роль женщины в обществе и подчеркивает ее обязанности: "Иметь детей и родить их – есть самое главное дело в мире, было и не переставало быть"⁴², указывая, что эта обязанность является счастьем для нее.

Положение женщины в русском обществе вызвало его глубокое неодобрение: неграмотность, отсутствие прав, подчинение мужчине. Особенно его удручала роль женщин в деревне, где они были обременены различными тяжкими работами и обязательствами. Писатель определяет работу женщины в деревне как "каторжину"⁴³.

Тема женщины тесно переплетается с темой ее борьбы против домашнего и семейного рабства⁴⁴.

Достоевский не только поднимал вопрос о грамотности, он утверждал, что женщинам должны получать высшее образование: "Университет должен наступить для всех женщин, и для будущих ученых и для просто образованных, потом, после университета – брак и родить детей"⁴⁵.

Неоднократно писатель изображает бедственное положение женщин в низших слоях общества. Таково положение жены в Кроткой, Оди – в Подроске. Женщины, лишённые средств на жизнь, пытаются найти какую-нибудь работу по газетным объявлениям. Невозможность обеспечить себя работой приводит их к самоубийству.

Исключительно ярко описывает Достоевский положение женщины при вступлении в брак: обязательство иметь приданое. Безвыходно положение девушки без приданого. Обстоятельства жизни девушек без приданого зани-

март писателя во многих его произведениях. В романе Подросток описан богатый старый князь, который занимается тем, что выдает замуж бедных девушек, давая им приданое. Безотрадное положение девушек-бесприданниц обсуждается писателем в различных его произведениях.

Но сильнее всего Достоевского занимала судьба женщины поруганной и отвергнутой обществом. Он поднимает вопрос об искоренении социальных причин проституции и ищет путь для нравственного возрождения женщины⁴⁶. С этой темой связан образ Настасьи Филипповны из романа Идиот. Яркий образ женщины-красавицы, вынужденной обстоятельствами жизни, помимо ее воли, стать содержанкой, своего рода товаром в руках претендентов, стремящихся за деньги овладеть беззащитной женщиной.

Образ Настасьи Филипповны создан с необыкновенной силой. Помимо замечательной внешности, она обладает и необыкновенными чертами человека исключительной духовной красоты, бесконечно страдающего от своего унижения и оскорбления. Это - образ прекрасного человека, и Достоевский в одном из своих писем утверждает, что в романе Идиот не "один", а "два" героя. Настасья Филипповна является вторым героем романа, почти равным по своему значению Мышкину.

И в других своих произведениях Достоевский показывает, как крайняя нужда приводит женщину к мысли "идти на панель": Соня в романе Преступление и наказание, а также Дуня, сестра Раскольникова, готовы пожертвовать собой.

Достоевский стремился определить положение русской женщины в пореформенный период, в период развития капитализма в России, когда все было хаотично и неопределенно. Все произведения Достоевского отражают русское общество в этот новый переломный период, когда старые порядки были сломаны, а новые только зарождались. Появилось "одураченное семейство", которое занимает крупное место в произведениях писателя. Появились люди, оторванные от старого мира, с новыми взглядами на жизнь. Произошла глубокая перемена во всем. Новое положение дворянства и расслоение деревни нашли отражение в романах писателя. Достоевский пытается предугадать, каково будет землевладение в будущем, но не да-

- 12 Дневник писателя, том 23, стр. 133.
- 13 Там же, том 25, Москва, 1983, стр. 137.
- 14 Там же, стр. 137.
- 15 Там же, стр. 138.
- 16 Там же.
- 17 Д.И.Заоловский, Ф.М.Достоевский, Москва, 1956, стр. 51.
- 18 Указ, соч., том 24, Москва, 1982, стр. 116.
- 19 Там же, стр. 101.
- 20 Там же, стр. 127.
- 21 Там же, стр. 193.
- 22 Там же, стр. 45, том 27.
- 23 Там же, том 22, стр. 23.
- 24 Е.Саруханян, Достоевский в Петербурге, Ленинград, 1972, стр. 175.
- 25 Там же, стр. 175.
- 26 Идиот, Москва, 1955, стр. 251.
- 27 Е.Саруханян, указ. соч., стр. 229.
- 28 I. Ianoși, Romanul unui oraș. Peterburg - Petrograd - Leningrad, București, 1972.
- 29 Дневник писателя, том 25, стр. 236.
- 30 Там же,
- 31 Г.М.Фридлендер, Реализм Достоевского, Москва, 1964, стр. 227-228.
- 32 Дневник писателя, том 25, стр. 178.
- 33 Там же, стр. 173.
- 34 А.С.Долинин, Последние романы Достоевского, Москва - Ленинград, 1963, стр. 195.
- 35 Дневник писателя, том 25, стр. 244.
- 36 Там же, том 22, стр. 14.
- 37 Там же, стр. 7.
- 38 Л.Гроосман, Достоевский, Москва - Ленинград, 1955, стр. 555-556.
- 39 Дневник писателя, том 22, стр. 17, 21, 26, 59.
- 40 Там же, стр. 18.
- 41 Там же, том 27, стр. 50.
- 42 Там же, том 23, стр. 92.
- 43 Там же, том 22, стр. 29.
- 44 Г.М.Фридлендер, указ. соч., стр. 85.
- 45 Дневник писателя, том 23, стр. 92.
- 46 Г.М.Фридлендер, указ. соч., стр. 229-230.
- 47 V. Costăchel, Nicolae Iorga despre rolul literaturii în cunoașterea societății, "Viața Românească", București, 1985, nr. 12, стр. 24-29.

установил ряд общих принципов лингвистических заимствований, актуальных и в наше время, иллюстрируя их как рядом торкизмов румынского языка, так и славянскими заимствованиями, которые он сам всесторонне проанализировал в других своих работах²: "Dans toute langue l'étymologie d'un mot emprunté à l'étranger est instructive surtout au point de vue de l'histoire politique ou culturelle et de la psychologie du peuple auquel le mot est prêté. Il en résulte le devoir impérieux de fixer d'une manière positive, d'une côté, la chronologie et la géographie d'un tel mot - c'est à dire l'époque et le lieu de son introduction -, d'autre part, son degré de circulation pour savoir s'il est devenu d'un emploi général ou seulement provincial, sporadique ou strictement littéraire, et enfin les modifications de sens, les différentes nouvelles applications sémasiologiques qu'il a subies dans sa nouvelle patrie".

Мы находим здесь широкую программу исследований, которую развивали как сам Хашдеу, так и последующие поколения лингвистов в направлении двуязычных контактов, в том числе славяно-румынских. Причем основоположник новой румынской лингвистики добавлял: "Quand on nous donne, par exemple, un mot slave en roumain, la science n'y gagne rien si l'on n'indique pas la provenance ancienne ou moderne de ce mot, en constatant qu'il est paléo-slave, bulgare, serbe, polonais ou russe, qu'il a subi tel ou tel changement de signification, qu'il a remplacé tel ou tel mot indigène ou a comblé tel ou tel vide" (стр. 10-11).

Через четыре года молодой в то время Иван Богдан (1864-1919), находившийся на специализации в России после венской стажировки у И.В.Ягича, прочел на VIII Археологическом съезде в Москве (январь 1890 г.) доклад Грамота Ивана Ростиславича "Берладника" 1134 года, в котором излагал резюме своего исследования, представленного ранее Румынской Академии³. На том же съезде известный историк русского языка А.И.Соболевский доказал на основе ряда языковых данных неоригинальность грамоты, приписанной князю Ивану Ростиславичу⁴ - ранее опу-

оликованной Б.П.Хашдеу (в 1860 и 1869 гг.) по "копии" своего отца -, в то время как румынский олавист привел новые лингвистические, дипломатические и исторические данные⁵. "Совокупность изложенных соображений (...) - заключал с полным правом И. Богдан, который на этом съезде был избран членом-корреспондентом Общества истории и древностей при Московском университете⁶, - приводит нас к решительному выводу, что грамота Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. есть новейшая подделка, притом очень неудачная"⁷.

Подобным же образом позже на конгрессах смежных дисциплин славяно-румынские проблемы были предметом докладов ряда румынских филологов. Так, например, на Первом международном съезде по византиноведению, организованном в Бухаресте (апрель 1924 г.) по инициативе и под председательством великого румынского историка Н.Йорги (N.Iorga, 1871-1940)⁸, новый профессор славянских языков в Бухарестском университете Петре Канчел (1890-1947) изложил доклад Podunavje - Paristri- on et autres parties du titre de Mircea le Grand, prince de Valachie, основанный на олавяно-румынских грамотах, изданных его канцелярией⁹. На том же съезде Иоан Биану (1856-1935), директор Библиотеки Румынской Академии и профессор истории румынской литературы в Бухарестском университете, представил участникам конгресса Les miniatures et les ornements polychromes de l'Évangélaire écrit en langue slave et greque en 1429 dans le monastère de Neamtz en Moldavie par le moine Gabriel¹⁰.

II.

Научное сотрудничество в области славистики - как и в других отраслях филологических наук - вступило в новую фазу в начале нашего века, когда в Российской Академии возникла идея созыва международного съезда, который однако не был проведен из-за русско-японской войны (1904-1905 гг.)¹¹. Зато в последующие годы Отделение русского языка и словесности сумело сгруппировать ряд ученых из различных стран вокруг широкого проекта Энциклопедии славянской филологии, первый том которой был написан инициатором этого проекта И.Б.Ягичем и охватывал

Академии¹⁶.

Его приемный сын Александр Чихак (1825-1887)¹⁷, получивший филологическое образование в Майнице, где прожил долгое время, сохранив однако тесные связи с яскими научными кругами, в частности с литературным обществом "Junimea" и с журналом "Convorbiri literare", был также избран почетным членом Румынской Академии в 1872 г. Он является автором первого этимологического словаря румынского языка: Dictionnaire d'étymologie daco-romane (I-II, Francfort s/M., 1870-1879), премированным Французской Академией, как пишет И.Барбулеску, "pour les vastes connaissances qu'il y avait témoignées, enfin pour les résultats obtenus" (стр. 9), хотя уже в то время Б.П.Хашдеу выявил ряд методических недостатков и ошибочных выводов¹⁸.

В заключении румынский филолог кратко представил деятельность яской кафедры славистики, основанной в 1905 г. в связи с его назначением профессором после специализации в Праге у Я.Гебвуера, Фр.Пастрника и И.Поливки¹⁹.

Второй автор в своем докладе Livres populaires roumains traduits du slave²⁰ представил ольвистам часть результатов своих исследований в области, в которой он стал авторитетом, ибо в том же году появился первый том его обширной монографии Народные книги в румынской литературе²¹. Бухарестского литературоведа интересовали особенно те античные и средневековые литературные произведения, которые распространялись и перерабатывались на многих языках Востока и Запада, став объектом занимательного чтения у широких кругов читателей из-за фантастических элементов и нравоучительных историй. В своем докладе Н.Картожан представил четыре такие книги, переведенные в XVI-XVII вв. с книжнославянского языка разных редакций: Fiore di virtù (Цвет дарования), знаменитая антология нравоучительных сентенций и рассказов, приписываемая болоньскому монаху Tommaso Gozzadini (XIII в.), проившая в хорватско-сербские земли, вероятно, в следующем веке и переведенная на румынский язык в XVI в. в Трансильвании (древнейшая копия, известная в то время, содержится в Codex Neagoeanus

языке и частично параллельно с этой письменностью.

Что касается зачатков славянского книжного влияния у румын, П.П. Панаитеску, следуя за своим предшественником И. Богдином, подчеркивает: "Il est certain que la langue slave employée en Valachie et en Moldavie (к которым автор добавляет ниже также Трансильванию и Банат - прим. н.) est une langue d'église; c'est de l'église qu'elle a passé à la littérature et dans la chancellerie princière" (стр. 1-2). Начало этого сложного явления восходит к X-XI вв., когда на территории Румынии еще находились южные славяне (СЛОВЯНЕ) в стадии ассимиляции румынским мажоритарным населением, как подтверждают фонетические явления древнейших южнославянских заимствований в румынском языке³¹. Особенно важным нам кажется заключение румынского слависта, подтвержденное последующими исследованиями: "Après la romanisation des Slaves de Dacie la liturgie slave s'est maintenue chez ceux-ci à l'aide de l'influence du second empire bulgare et par le contact continu de la langue bulgare vivante avec les Roumains" (стр. 3-4), в том числе и в результате миграции отдельных болгар на север Дуная после завоевания Болгарии турецкой империи. "C'est pourquoi, - добавляет П.П. Панаитеску, - les textes roumains des XIVe et XVe siècles sont écrits, non pas en vieux slave, mais en médio-bulgare, où percent souvent des formes néo-bulgares (pour la Valachie), où bien un mélange de ruthène et de médio-bulgare (pour la Moldavie)" (стр. 4).

Именно в этих условиях проявилось болгарское и сербское книжное влияние у румын: как известно, основателем первых монастырей в Валахии (Țara Românească) является сербский иеромонах Никодим (ок. 1374 г.); патриарх Евфимий Тырковский переписывался с ним и Антимом, первым митрополитом страны и т.д. Таким образом, постоянный контакт румынских монахов, священников и высшего духовенства с болгарскими и сербскими церковными деятелями, в том числе и в монастырях Афонской Горы, привел к тому, что "les manuscrits slaves de Bulgarie et de Serbie étaient copiés dans les monastères roumains, toute la littérature des Slaves méridionaux du moyen-âge (nomocanons, vies des saints, apocryphes,

кие слова, как: паун, калуш, каруца, крачун, топ. Вакарел, Пасарел и др., из которых одни могут быть действительно древними, но другие являются более новыми, диалектными⁴⁴.

Интересные соображения в области славяно-румынских языковых контактов можно найти в докладе Гр. Нандриша, Les critères phonétiques dans l'étude de l'élément slave du roumain⁴⁵, в котором автор подчеркивал необходимость "faire résulter de l'analyse phonétique, géographique de l'élément slave du roumain les conclusions relatives au temps, au lieu et aux conditions sociales", в которых происходили эти заимствования (стр. 80). В этом отношении оказалось целесообразным отделение книжнославянизмов от старых народных заимствований, поскольку первые представляют нерегулярные вокализации еров в слабых позициях (вогос, вобор, сăvîrși < книжносл. СЪРОКЪ, СЪБОРЪ, СЪВРЪШИТИ). Были высказаны также интересные соображения относительно фонетических черт древнейших славянских заимствований в румынском языке (судьба носовых: амбрава, опинти и др., гласного Ъ: бреаз, сигеадă и др.), а также относительно этимологии одного глагола на основе диалектной старославянской (древнеболгарской) формы: рум. пофти < ст.сл. *похотѣти, а не ПОХОТѢТИ⁴⁶.

Наконец, Гр. Ионеску-Нишков представил ряд данных Sur le premier slaviste roumain⁴⁷: Александр Хышеу (1811-1872), переводчик на русский язык трактата В.А.Мацеевского, Historja prawodawstw słowiańskich (1832-1835), ряда румынских народных песен и автор небольших историко-филологических работ, которые характеризуют его как достойного предшественника своего ученого сына Богдана Петричейку Хышеу⁴⁸.

Третий международный съезд славистов намечался на сентябрь 1939 г. в Белграде, но начавшаяся вторая мировая война помешала его осуществлению. Однако с полным правом он вошел в историю славистики, тем более, что к нему были опубликованы подготовительные материалы: 115 докладов и сообщений были распределены по пяти секциям - языковедение, литературоведение, дидактика, балканонология и фонология⁴⁹.

Во второй том, Saopštenja i referati, включены более или менее детальные резюме трех румынских докладов, принадлежащих IV-ой секции - Балканолингвистической. Их послали: Север Поп (1901-1961), доцент Клужского университета (с 1940 г. профессор), Николае Картожан и Эмиль Турдяну (р. 1911), находящийся в то время на специализации в "École roumaine en France" (Fontenay - aux - Roses).

Первый из них, автор замечательного Румынского лингвистического атласа (Atlasul lingvistic român), вместе с Эмилем Петровичем (под ред. С.Пушкариу)⁵⁰, представил краткое сообщение на тему: L'influence slave dans la terminologie de quelques noms de fêtes roumaines d'après l'Atlas linguistique roumain I⁵¹. В румынской религиозной терминологии, как писал С.Поп, исходя из данных своих анкет, книжнославянское влияние оставило значительные следы, в результате использования этого языка в церкви на протяжении ряда веков: "Tandis que la terminologie fondamentale du christianisme roumain est d'origine latine, la terminologie de l'organisation ecclésiastique et celle qui concerne le service divin, ont toutes deux été empruntées aux Slaves du Sud" (стр. 200), которые, в свою очередь, заимствовали или переводили ее из византийско-греческого. Автор намеревался показать на основе карт сръбциум "рождество", bobotează "крещение", sfint "святой" и др., "dans quelle mesure la langue slave ecclésiastique a influencé la langue roumaine..." (стр. 201)⁵².

С этим докладом связаны два ответа на вопросы, высказанные организаторами съезда, данные двумя румынскими лингвистами: Т.Калиданом (1879-1953), профессором Клужского университета (с 1937 г. - Бухарестского университета), членом Румынской Академии, и А.Грауром (р. 1900), доктором филологии, бывшим в то время преподавателем лицея, ставшим впоследствии (1946 г.) профессором Бухарестского университета и членом Академии СР Румынии (1956 г.). Оба ответили на вопросы из области балканистики: 4. Несловенски елементи у јужнословенским језицима, в частности румынские, герр. 5. Преткљивични супотрит и његов значај

за топонимистику словенских языка, а нарочито дукнословенских. Из ответа первого⁵³ отметим интересную мысль о том, что во взаимных южнославянско-румынских языковых контактах следует выделить две эпохи: древнюю, охватывающую данные языки в целом, и новую, диалектальную. Второй избрал более узкую тему, но не разрешенную до настоящего времени, ввиду ограниченности языковых данных (гlossы и собственные имена): L'illirien langue s e n t u m?⁵⁴

Остальные два доклада были посвящены вопросам старой литературы. Н.Картожан возвратился к своему излюбленному предмету в докладе Romans de chevalerie dans les littératures balkaniques, представленном в кратком изложении: "Les romans courtois et les romans de chevalerie rédigés en France entre le XIIe et le XVe siècle ont été de bonne heure portés en Italie par les pèlerins et les chanteurs. Traduits, remaniés, mis en vers, ils ont connu outre-monts une vogue inespérée. De l'Italie ils ont passé l'Adriatique sur les côtes dalmatiques de la Yougoslavie et dans le littoral et les îles vénitiens de l'Archipel. Je passerai en revue les romans chevaleresques dans les littératures balkaniques et dans la littérature roumaine et j'insisterai surtout sur le roman d'Alexandre le Grand, sur Paris et Vienne et sur Pierre de Provence et la Velle Maguelonne pour apporter là-dessus des nouvelles contributions"⁵⁵.

В своем докладе Georges Branković et les Pays Roumains Эмиль Турдяну⁵⁶ сообщал об итогах недавнего исследования об этом интересном сербо-румынском деятеле (1645-1711)⁵⁷, добавляя притом новые архивные данные. Кроме уже давно известных историографических работ на румынском и сербохорватском языках, автор открыл в Библиотеке Сербской Академии оригинальную рукопись (Док. 168/8⁰) и копию (№ 236) трех религиозных сочинений на румынском языке: Молитвенник, Катехизис, советы К настоящим путешественникам (конечная часть утрачена), написанные в 1690 г. (в тюремном заключении в Вене), а также другие документы: 1) бумага, относящиеся к румынской православной церкви в Трансильвании во времена митрополита Саввы Бранковича (1656-1679 гг.), стар-

шего брата Георгия Бранковича (особенно док. 333/12⁰); 2) документы, относящиеся к политической деятельности самого Георгия Бранковича, тайно поддерживаемого господарем Валахии (Тага Ромânească), Константином Брынковичу (1689 г.); 3) грамоты, изданные канцелярией княжества, особенно в период правления господаря Шербана Качакузино (1678-1688 гг.).

Среди докладов литературоведческой секции фигурировало исследование Ефросиньи Двойченко-Марковой (1901-1980), работавшей в то время в Бухаресте: L'influence de la littérature russe sur la littérature roumaine⁵⁸. Синтезируя результаты своих прежних работ и добавляя новые данные и идеи, автор делала обзор переводов и адаптации из новой русской литературы, среди которых важное место занимали сочинения и переводы К.Стамати (из Державина, Жуковского, Фонвизина, Пушкина, Лермонтова и др.), А.Доница (из Крылова) и К.Негрруци; последние два - известные переводчики произведений Антиоха Кантемира и А.С.Пушкина⁵⁹.

Если Третий международный съезд славистов реально не имел места, то на югославских славистов выпала честь организовать через 16 лет, в новую мирную эпоху, Beogradski međunarodni slavistički sastanak (сентябрь 1955 г.)⁶⁰, на котором был учрежден Международный Комитет Славистов во главе с акад. В.В.Виноградовым (СССР) и была назначена дата будущего Четвертого международного съезда славистов (Москва, сентябрь 1958 г.). На этой широкой конференции, имевшей характер международного конгресса, дополнившей и "подкрепившей" третий съезд, созданный в той же столице Югославии, были представлены, с одной стороны, Доклады о развитии славистики от 1945 до 1955 гг., а с другой - Доклады об отдельных вопросах славянского языкознания и литературоведения.

В первой сессии акад. Эмиль Петрович (1899-1968), избранный членом МКС, сообщил о Вопросах славистики в Румынии за последние десять лет⁶¹. В частности, известный славист, профессор Клужского университета, ставший через год первым председателем Ассоциации румынских славистов (1956-1968 гг.), а в 1963 г. членом-корр. Болгарской Академии

Науку, сделал обзор основных работ по топонимии (Йоргу Иордана) и лексикологии (Д.Макря, А.Граур), где в той или иной форме затрагивались некоторые аспекты славяно-румынских языковых отношений. Особое место отводилось работам акад. А.Росетти (Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române, București, 1954)⁶² и его са-мого, посвященным, в первую очередь румынской топонимии южнославянского происхождения и славяно-румынским фонологическим проблемам⁶³.

Доклад намечал таким образом переход от первого этапа румынской славистики XX века ко второму этапу, современному; правда, он уделил внимание только лингвистическим работам.

Участие румынских филологов в трех конгрессах показывает, что диапазон их исследований был широким, охватывая и литературоведческие проблемы, в частности, вопросы древнерумынской литературы на книжно-славянском языке и научно-литературных взаимных славяно-румынских отношений в новую эпоху, которые станут предметом детальных исследований в последующие десятилетия. Что касается лингвистики, то соответствующие исследования охватывали комплексные взаимные славяно-румынские контакты, как в древнюю эпоху, так и в новую, намечая вехи и направления для будущих поисков.

В работе этих съездов участвовали известные румынские лингвисты и литературоведы, продолжавшие работу своих предшественников Б.П.Хашдеу, И.Богдана и других. Они были или славистами в прямом смысле слова - Илие Барбулеску (два раза), П.П.Панаитеску, А.Балота, Гр.Нандриш, Тр.Ионеску-Нижков, Э.Турдану, к которым следует добавить Евфросиню Двойченко-Маркову -, или специалистами по румынскому языку и литературе, с широкой ориентацией в их отношениях с славянскими языками - Н.Картожан (два раза), С.Поп, Т.Калидан и А.Граур. Эти доклады, как правило, основывались на их более широких исследованиях и знакомили зарубежных специалистов с интересными аспектами интерзоны - между романистикой и славистикой, обращая внимание на специфику румынского языка и литературы. Они вносили важный вклад в широкую область междисциплинарных исследований. Современное поколение румынских славистов продолжает и развивает

в новых условиях эти исследования, направляя их, как мы увидим, по новому пути.

III.

Благодаря основанию в июле 1956 г. Ассоциации славистов Румынии, исследования в области славистики приобрели более организованный характер, получив возможность быть опубликованными в виде статей в "Romanoslavica" (тт. I-XXV, 1958-1987) и других журналах, а также книг и монографий. В этих условиях значительно расширилось румынское участие в международных съездах славистов. Румынские слависты были участниками всех шести съездов, начиная с IV, московского (1958 г.), и кончая IX, киевским (1983 г.)⁶⁴, на которых было представлено всего 120 докладов и сообщений.

Намечается не только количественный рост работ, сравнительно о предшествующим периодом, но и большое разнообразие исследуемых тем. К богатой информации добавляется тенденция к оригинальной трактовке, о новыми решениями и идеями, которые стали достоянием румынской и международной славистики. Естественно, наряду с исследовательскими работами, посвященными различным аспектам славянских языков и литератур, фольклора и истории славян, важное место в румынском вкладе на международных съездах славистов заняли изыскания в области языковых и литературных славяно-румынских отношений.

I. В области языкознания, представленные румынскими славистами доклады и сообщения касались различных важных вопросов истории славянских языков (балтийско-славянских, общеславянского языка, развития отдельных славянских языков), взаимных славяно-румынских отношений, диалектологии и ономастики.

Так, в области исследования древнейшего периода языка славян были сделаны важные уточнения по таким вопросам как субстрат и этногенезис (А.Врачу, 1965, В.Гр.Келару, 1966), единство и продолжительность общеславянского языка (И.Пэтруц, 1967, который считает, как и другие исследователи, что период общеславянского языка длился до VIII в. и даже до начала IX в.; это мнение было высказано и на IX

сло-Куцук, IX¹⁰² и М.Лозба, IX¹⁰³.

Диалектология — одна из областей языковедения, в которой в Румынии последних десятилетий были достигнуты значительные успехи. В этой связи усилилось исследование славянских говоров на территории нашей страны. Показательны в этом отношении доклады, представленные на международных съездах Марией Думитреску, У¹⁰⁴; М.Живкович, УІІІ¹⁰⁵ и др.; не были упущены из виду и вопросы интерференции между славянскими говорами и некоторыми неславянскими балканскими языками, как, например, албанским, о чем свидетельствует доклад Лючи Джамо-Диаконице, УІ¹⁰⁶.

В области топонимики первое место занимают фундаментальные исследования покойного акад. Эмиля Петровича, изложенные, например, в докладах на трех международных съездах славистов, ІУ¹⁰⁷, У¹⁰⁸ и УІ¹⁰⁹; к ним мы добавляем сообщение Д.Гемулеску, УІІІ¹¹⁰ о румынской топонимике в восточной Сербии.

Особый и постоянный интерес, с хорошими результатами в румынской славистике последних десятилетий, уделяется всестороннему (историческому, лингвистическому, литературному) изучению старой румынской культуры. В этом отношении особо выделяются исследования в области книжнославянского языка румынской редакции славяно-румынских текстов. Были сделаны уточнения принципиального характера относительно специфики книжнославянского языка румынской редакции, сравнительно с другими редакциями: Лючия Джамо-Диаконице, Ольга Стойкович, Мария Завера, Елена Линца, Михай Миту, У¹¹¹; Н.П.Нанаитеску, У¹¹²; Г.Михаила, УІІ¹¹³; были высказаны некоторые сообщения о книжнославянском языке как языке культуры в Трансильвании (Н.Олтяну, ІУ¹¹⁴); специальные исследования были посвящены различным типам старославянских и книжнославянских текстов румынской редакции, начиная с древнейшей славянской надписи на территории нашей страны (Д.П.Богдан, ІУ¹¹⁵), за которой последовали мунтянские и молдавские грамоты (Д.П.Богдан, ІУ¹¹⁶; Валерия Костакел, ІУ¹¹⁷, У¹¹⁸; Ольга Стойкович, УІІ¹¹⁹; Лючия Джамо-Диаконице, УІІІ¹²⁰), историографические памятники (Г.Михаила, УІІІ¹²¹), а также литературные, философские и религиозные тексты (Н.Олтяну, УІ¹²², УІІ¹²³, УІІІ¹²⁴, ІХ¹²⁵).

Непосредственным следствием усиления и расширения исследований по книжнославянскому языку румынской редакции являются сообщения, посвященные книжнославянско-румынским языковым интерференциям. После выявления влияния книжнославянского языка на лексику румынского литературного языка (Г.Михаила, у¹²⁶) последовал анализ вопросов, связанных с первыми румынскими переводами из книжнославянского языка (Мария Эдренга, у¹²⁷), а несколько позже уточнилось место, занимаемое румынским элементом в лексике книжнославянского языка румынской редакции (А.Росетти, у¹²⁸; Г.Болокан, К.Регуш, Й.Робчук, у¹²⁹), а также значение румынских рукописей в издании южнославянских текстов (Г.Михаила, у¹³⁰).

2. Сообщения, представленные в литературоведческой секции международных съездов славистов, являются результатом обобщения развития румынской литературной историографии последних десятилетий. Возвращаясь к представленным на предыдущих съездах темам, трактуя новые темы, характерные литературному явлению социалистической культуры, румынские слависты охватили в своих сообщениях широкую гамму литературных вопросов, начиная с вопросов общего характера, существующих во всех славянских литературах, затем анализ явлений того или иного ареала славянских литератур и кончая анализом явлений одной славянской литературы. Естественно, особое внимание было обращено к изучению взаимных славяно-румынских отношений (темы и мотивы, общие для славянских литератур и для румынской литературы), восприятию славянских литератур в Румынии или румынской литературы в отдельных славянских странах.

Так, в рамках общей проблематики славянских литератур рассматривались темы, связанные с реализмом в разные эпохи, в том числе в социалистическую эпоху (М.Новиков, у¹³¹, у¹³²); высказывались соображения в сравнительном плане о романтизме в славянских и неславянских литературах (М.Новиков, у¹³³; А.Ковач, у¹³⁴; Елена Логиновская, у¹³⁵), о романе в стихах (К.Барборикэ, у¹³⁶) и о специфичности системы славянских литератур (К.Барборикэ, у¹³⁷).

В области русской литературы особо выделяются доклады, посвященные как литературным течениям и направлениям, так и творчеству отдельных писателей. Так, например, можно упомянуть доклады о русском романтизме и его связях с западноевропейским романтизмом (Татьяна Николеску, УІ¹³⁸; А.Гижицкий, УІІ¹³⁹), о экспрессионизме (Татьяна Николеску, ІХ¹⁴⁰), о романтических элементах в русской литературе XX века (В.Шоптеряну, УІІ¹⁴¹; М.Кроитору, УІІ¹⁴²). Предметом румынских исследований на съездах явилось творчество таких писателей, как, например, Лев Толстой (М.Новиков, УІІІ¹⁴³), И.Тургенев (А.Ковач и Елена Логиновская, ІХ¹⁴⁴; Сорина Балэнеску, ІХ¹⁴⁵) и М.Горький (В.Шоптеряну, УІ¹⁴⁶).

В более широком сравнительном плане были представлены также сообщения, касающиеся украинской литературы (о барокко: Д.Х.Мазилу, ІХ¹⁴⁷; о творчестве Шевченко и украинской поэзии XX века: Магдалена Ласло-Куцук, УІІ¹⁴⁸, УІІІ¹⁴⁹) или польской литературы: о поэзии Мицкевича (И.К.Кицимия, УІ¹⁵⁰); о польской литературе в период 1918-1939 гг. (Екатерина Фодор, ІУ¹⁵⁰).

В области литературной истории, как и в области языковедения наши слависты уделили внимание вопросам славяно-румынских отношений. Так, например, разнообразные аспекты русско-румынских литературных связей были изучены Тамарой Гане, У¹⁵², Татьяной Николеску, У¹⁵³, УІ¹⁵⁴ и М.Новиковым, ІХ¹⁵⁵; польско-румынскими литературными отношениями занимались И.К.Кицимия (Мицкевич и Асаки), ІУ¹⁵⁶ и Д.Струнгару, (польская и румынская поэзия XVII века), УІІ¹⁵⁷. Интересными и богатыми в сравнительном плане были доклады, посвященные некоторым литературным героям, общим для славянских и неславянских литератур: Кирджали (Т.Йонеску-Нишков, ІУ¹⁵⁸), Мазепа (С.Веля, ІХ¹⁵⁹) или доклад, касающийся барокко в восточнославянских литературах и в румынской литературе (И.К.Кицимия, ІХ¹⁶⁰).

В области восприятия славянских литератур в Румынии, вслед за обзором литературы о советской литературе в нашей стране (М.Новиков, ІУ¹⁶¹) заслуживают внимания сообщения о восприятии произведений круп-

ных русских писателей - Н.В.Гоголя (Татьяна Николеску, IY¹⁶²), И.С.Тургенева (А.Гиждкий, IX¹⁶³), В.Г.Белинского (А.Ковач, у¹⁶⁴), М.Горького (В.Шоптеряну, у¹⁶⁵) или болгарских (Златка Кфу и Д.Заверь, у¹⁶⁶). Следует упомянуть также сообщение, посвященное защитителю румынской литературы в Польше (И.Петрике, уII¹⁶⁷).

3. Наравне с предыдущими, доклады и сообщения в области фольклористики также получили общее признание. Две работы этого рода, продолжающие блестящую традицию Н.Карожиана, были посвящены "народным книгам" (И.К.Кицимия, у¹⁶⁸, уI¹⁶⁹), связи славянских писателей эпохи романтизма с фольклором стали предметом доклада И.К.Кицимии на VIII съезде славистов¹⁷⁰. Другие сообщения подчеркивали румыно-славянские интерференции в области народного творчества (М.Поп, у¹⁷¹; М.Живкович, уY¹⁷²), элементы народного творчества в произведениях Иво Андрича и М.Седовяну (Воислава Стоянович, уII¹⁷³), значение фольклора как лексикографического материала (Алла и Онуфрия Винцелер, IX¹⁷⁴). Были затронуты также некоторые аспекты народного творчества славян в Албании (Лучия Джамо-Диаконице, уII¹⁷⁵).

4. Доклады и сообщения историков были посвящены равнообразным аспектам истории славян, частично, относительно истории нашего народа. Так, эволюцией и распространением славянской цивилизации в эпоху Средневековья занималась Мария Комша (уY¹⁷⁶, уI¹⁷⁷, уII¹⁷⁸); о болгарско-румынских отношениях в XIX веке написали К.Н.Велики (уI¹⁷⁹, уII¹⁸⁰) и Т.Йонеску-Нишков (у¹⁸¹); о связях славян (чехов и поляков) с румынами в период второй мировой войны - Н.Чакир (уI¹⁸², уII¹⁸³).

5. В области истории славистики выделяются два доклада, посвященные связям румынской славистики с мировой славистикой (Г.Михвила, уI¹⁸⁴; Т.Йонеску-Нишков, уI¹⁸⁵).

Выводы. 1. Богатое, разностороннее участие румынских ученых в международных съездах славистов говорит о их постоянном интересе к научным достижениям соседних стран, интересе, получающем новую валентность и новые размеры в эпоху социализма. Хотя и немногочисленные в период до 1944 г., румынские доклады и сообщения на первых трех

съездах (1929 - Прага; 1934 - Варшава; 1939 - Белград) обратили на себя внимание высоким научным содержанием, в духе хороших традиций румынской филологии в этой области, связанных с именами Б.П.Хашдеу и Иоана Богдана.

2. В новых условиях, созданных победой социализма, румынский вклад на международных съездах славистов включается в общие координаты развития румынской науки. Румынское участие в международных съездах славистов представляет собой выражение возросшего и более разнообразного присутствия румынской науки на международной арене, на конгрессах и конференциях в области лингвистики, сравнительной литературы, классической и романской филологии, ориенталистики, истории и археологии, фракологии, юго-восточноевропейских исследований и др.

3. Румынские доклады и сообщения на международных съездах славистов, судя по их содержанию, отражают два основных принципа, которыми постоянно руководствуется румынская наука в ее отношениях с наукой других стран, а именно: открытость и восприимчивость румынской культуры по отношению к фундаментальным ценностям мировой культуры и науки; выявление румынского вклада в развитие культурных ценностей других народов, в частности, народов Юго-Восточной Европы.

Примечания

- 1 Первая и вторая части написаны Г.М., вторая - М.М.
- 2 См. особенно: В.Р.Хашдеу, Baudouin de Courtenay și dialectul slavo-turanic din Italia. Cum s-au introdus slavismele în limba română, București, 1876 (отдельный оттиск из "Columna lui Traian"); Suvențe den bătrâni, t. I-III, București, 1878-1881 (переизданные с вступительной статьей и примечаниями G.Mihăilă, 1983-1984); Din istoria limbii române, București, 1883; Etymologicum magnum Romaniae, t. I-IV, București, 1885-1898 (переизданный с вводной статьей Гр. Брынкуше - Gr.Brâncuș, 1972-1976).
- 3 Ioan Bogdan, Diploma birlădeană din 1134 și principatul Birladului. O încercare de critică diplomatică slavo-română, A.A.R., Seria II, t. XI, Mem. Secț. ist., 1889, стр. 65-112 (отдельный оттиск, 48 стр.); см.: Scrieri alese. Cu o prefață de Emil Petrovici. Edi-

отдельных страницах. Недавно об этом вопросе писал Zergiu Iosirascu, Doi cnestiuni de geografie istorică: 1) în Podunavie...,

в об.: Marele Mircea voievod, coord. Ion Patroiu, București, 1987, стр. 430-441. О научной деятельности Н. Канчела (Г. Сандел) см.: G. Mihăilă, Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești, București, 1973, стр. 196-197.

- 10 Premier Congrès..., 18 avrîl; краткое резюме на отдельной странице. См. также прекрасные репродукции в: Documente de artă românească din manuscripte vechi, adunate de Ion Bîanu. Fasc. I. Evangelhia slavo-greacă, scrisă în Mănăstirea Neamțului din Moldova de Gavriil Monahul la 1429, București - Oxford, University Press, 1922; об этой известной рукописи писал в последние годы E. Turdeanu: The oldest illuminated Moldavian MS (1429), Études de littérature roumaine et d'écrits slaves et grecs des Principautés Roumaines, Leyde, 1985, стр. 98-112. О научной и педагогической деятельности И. Биану (I. Bîanu) см. статьи, напечатанные в "Memoriile Secției de științe filologice, literatură și arte" (Academia R.S. România), Seria IV, t. VII, 1985, стр. 19-47 (D. Simonescu, G. Strelpel, Al. Dobre).
- 11 См. Первый съезд славянских филологов и историков, т. I. Материалы по организации съезда, вып. I, СПб., 1904; Н.И. Толстой, Славистические съезды, в: Краткая литературная энциклопедия, 6, Москва, 1971, стр. 930.
- 12 См. также: История на славистиката от края на XIX и началото на XX век. Редакционна колегия: Е. Георгиев и др., София, 1981.
- 13 Напечатана вместе с: П.А. Лавров, Палеографическое обозрение кирилловского письма (вып. 4.1), Петроград, 1914 (на обложке: 1915). Обе работы сопровождалась двумя замечательными приложениями, собранными также в одном томе: Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма П.А. Лаврова; Альбом снимков с кирилловских рукописей румынского происхождения Е. Калужняцкого и А. Соболевского (Петроград, 1916); см. D.P. Bogdan, Emil Kalužniacki și scrierea chirilică la români, "Rorânoslavica", I, Prague, 1948, стр. 11-39.
- 14 См.: J. Horák, I. Sjezd slovanských filologů v Praze, "Slavia", VII, 1928, 3, стр. 711-712; M. Murko, Reč při zahájení I. Sjezdu slovanských filologů 6.X.1929 v Praze, там же, VIII, 1930, 4, стр. 840-849; J. Horák, Stan. Petřra, I. Sjezd slovanských filologů v Praze, там же, стр. 850-865; Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Svazek II. Přednášky, Praha, 1932; I. Sjezd slovanských filologů v Praze 1929. Bibliografie,

Praha, 1968.

- 15 Sborník, II, стр. 3-9; см. также: I. Bărbulescu, Ceský duch v základech rumunské vědy, "Slovníkový přehled", XXI, 1929, 2, стр. 155-157.
- 16 См. также монографию: Paul Pruteanu, Iacob Cihaș, București, 1966.
- 17 Он был сыном жены Якова Чихака Терезы от ее первого брака с профессором J. B. Hirth (Там же, стр. 24-26; его же, Noi date biografice despre Alexandru Cihaș, Rsl, VI, 1962, стр. 269-270).
- 18 См.: В. P. Hasdeu, Suvențe den bătrâni, I, 1983, стр. 551-562, 607-608; III, 1984, стр. 9-12, 113-116; S. Mihăilă, Studii..., стр. 173-175.
- 19 Из Праги он переехал в Загреб, где защитил докторскую диссертацию под руководством Т. Маретича: Fonetika ciriliske azbuके u pisanju rumunjskoga jezika XVI i XVII vijeka..., Zagreb, 1899; см. и румынскую, более обширную версию: Fonetica alfabetului cirilic în textele române din veacul XVI și XVII, în legătură cu monumentele paleo-, sîrbo-, bulgăro-, ruse- și româno-slave..., București, 1904. О его научной деятельности см.: G. Mihăilă, Studii... стр. 188-194.
- 20 Отдельный оттиск из: Sborník, II, Praha, 1931, 8 стр. (в сборнике, стр. 37-44).
- 21 N. Cartoian, Cărțile populare în literatura românească, vol. I. Epoca influenței sud-slave, București, 1929; vol. II. Epoca influenței grecești, 1938 (переизданы в 1974 г.).
- 22 См. его монографию: Fiore di virtù în literatura românească, отдельный оттиск из: Academia Română, Mem. Sect. lit., Seria III, t. IV, 1928; полная библиография в книге: Mihai Moraru - Cătălina Velculescu, Bibliografia analitică a cărților populare laice, Partea a II-a, București, 1978, стр. 265-306.
- 23 См. его исследования и издание: Alexandria în literatura românească, București, 1910;... Noi contribuții. Studii și text, București, 1922; полная библиография у: Moraru - Velculescu, Bibliografia..., Partea I, 1976, стр. 55-115.
- 24 См.: V. Jagić, Život Aleksandra Velikoga po tekstu recenzije bugarske, "Starine", knj. V, Zagreb, 1873, стр. 22-27; В. P. Hasdeu, Suvențe..., II, 1984; стр. 25, 521-523, прим. 10 и 12; Радмила Маринковић, Српска Александрида. Историја основног текста, Београд, 1969.

- См. о его научной деятельности: Jana Balaceiu - Rodica Chiriacescu, Dictionar de lingvisti si filologi romani, Bucuresti, 1978, стр. 60-61; Iordan Dancu - Sabina C. Stroescu, Dictionarul folcloristilor, Bucuresti, 1979, стр. 54-55.
- 42 См.: II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich). Księga referatów. Sekcja I - Językoznawstwo; Sekcja II - Historia literatury; Sekcja III - Kulturalno - społeczna, Sekcja IV - Dydaktyczna, Warszawa, 1934.
- 43 Księga, I, стр. 4-8.
- 44 См.: Th. Capidan, Raporturile lingvistice slavo-române, I. Influența română asupra limbii bulgare, "Dacoromania", III, 1923, стр. 129-258. Результаты новых исследований зарегистрированы, с богатой библиографией, в: Български етимологичен речник. Составили Вл. Георгиев и др., т. I-II, А - М, София, 1962-1985 (издание продолжается).
- 45 Księga, I, стр. 80-84.
- 46 О научной деятельности Гр. Нандриша (Gr.Nandriș) см.: G.Minăilă, Studii..., стр. 197-199; Enciclopedia istoriografiei românești, coord. št. Ștefan Ștefănescu, București, 1978, стр. 232.
- 47 Księga, III-IV, стр. 37-39.
- 48 В докладе приводятся данные и об отце Александра Хыждеу - Фаддее (1769-1835); автор, защитивший докторскую диссертацию в Пражском университете, возвращался впоследствии несколько раз к этой знаменитой семье (см. Mihai Mitu, Istoricul Traian Ionescu-Nișcov la a 85-a aniversare, Rsl, XXII, 1984, стр. 479-487, с библиографией; Enciclopedia istoriografiei..., стр. 181). Идея его доклада находится также в одной из последующих работ Вьфросиньи Двойченко-Марковой, которая ^{дополнила} ее новыми данными: Зарождение румынской славистики (А.Хашдеу и В.А.Мацеевский), отдельный отиск из сб. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время, Москва, 1974, стр. 231-237. Отметим здесь два новых издания сочинений двух авторов: Tadeu Hăjdeu, Scrieri alese, ed., trad., prefață și note de Elena Lința, București, 1985; Александр Хыждеу, Избранное. Составление Н.Н.Романенко. Биографический очерк и комментарии П.Т.Балмуша, Кишинев, 1986.
- 49 III Међународни конгрес слависта (словенских филолога), № 1. Збирка одговора на питања; № 2. Саопштења и реферати; № 3. Допуне; № 4. Говори и предавања; № 5. Организација, Београд, 1939. К сожалению, в Бухаресте мы нашли только I-3 книги. В конце 3-го тома Организационный Комитет (председатель А.Белић) напечатал сле-

- tică de D. Mîoc și Marieta Adam-Chiper. Studiu introductiv de D. M., București, 1987.
- 58 Снопштеъа, стр. 92-96; перепечатано с некоторыми поправками и дополнениями (в том числе в названии: ... moderne), в журнале "Procurări literare", București, 1940, № I, стр. 33-36 (отдельный оттиск, 4 стр.).
- 59 Е.М. Двойченко-Маркова вернулась к этой проблематике в ряде последующих работ, из которых упокинем здесь: Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века, Москва, 1966; Пушкин в Молдавии и Валахии, Москва, 1979; см. о ее научной деятельности: Gh. Barbă, Din istoria relațiilor literare româno-ruze (E.M. Dvoicenco-Markova la 75 de ani), в сб.: Probleme de filologie ruză, București, 1976 (размножено), стр. 169-186; Dan Simonescu, N. Iorga - Eufrosina Proicenco. Fascinația modelului, "Manuscriptum", an. XI, 1980, nr. 2 (39), p. 174-178.
- 60 См.: Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15-21. IX. 1955), Beograd, 1957.
- 61 Там же, стр. 459-464.
- 62 Новое издание, пересмотренное и дополненное книги : Al. Rosetti, Istoria limbii române, vol. III, București, 1940; см. последнее издание всех частей в одном томе: Istoria limbii române, I, București, 1986. О научной деятельности А. Росетти (р. 1895), ставший вторым председателем Ассоциации румынских славистов (1968-1978 гг.), см.: Omăgiu lui Alexandru Rosetti, București, 1965; G. Minăilă, Studii de lingvistică și filologie, Timișoara, 1981, стр. 237-249 (с библиографией).
- 63 Первые из этих работ были собраны, вместе с другими, в сб.: Emil Petrovici, Studii de dialectologie și toponimie, volum îngrijit de I. Pătruț, B. Kelemen, I. Mării, București, 1970; см. о его научной деятельности: Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici..., "Cercetări de lingvistică", III, Supliment, 1958; I. Pătruț, Emil Petrovici, "Limba română", XXIII, 1974, nr. 6, стр. 469-477; D. Macrea, Contribuții la istoria lingvisticii și filologiei românești, București, 1978, стр. 365-384; G. Minăilă, Studii de lexicologie..., стр. 199-205; его же, Studii de lingvistică..., стр. 213-228.
- 64 Тексты их были опубликованы в "Romanoslavica" (в тт. I-II и, частично IV - сообщения, представленные на IV съезде, Москва, 1958 г.; в IX т. - на V съезде, София, 1963; в XVI т. - на VI съезде, Прага, 1968 г.; в XXI т. - на IX съезде, Киев, 1983 г.),

в отдельных отисках (Сообщения на VII съезде, Варшава, 1973 г.) или в "Analele Universității București", серия "Limbi slave" (сообщения на VIII съезде, Загреб, 1978 г.).

- 65 К вопросу о роли суострата в истории славянских языков, Rsl IX, 65-94. Здесь и далее следующая за фамилией автора римская цифра означает порядковый номер съезда (IV - Москва, 1958; V - София, 1963; VI - Прага, 1968; VII - Варшава, 1973; VIII - Загреб, 1978; IX - Киев, 1983).
- 66 L'ethnogenèse des peuples slaves du sud et les données linguistiques concernant le substratum, Craiova: Centrul de multiplicare al Universității, 1978.
- 67 Об единстве и продолжительности общеславянского языка, MKS, 59.
- 68 Le slave commun à la lumière des interférences linguistiques, Rsl XXI, 3-11.
- 69 Отношения между общеславянским языком и древними языками Балканского полуострова, Iași, Universitatea "Al.I.Cuza", 1973; резюме в: MKS, 129-130.
- 70 Éléments autochtones et latino-romans dans la structure des langues et des cultures sud-slaves, Rsl XXI, 19-39.
- 71 Детерминологизация в современных славянских языках, Rsl XVI, 123-137.
- 72 Sur l'origine et l'évolution des fonctions syntaxiques de l'accusatif dans les langues slaves, Rsl, XVI, 161-174.
- 73 Types de calques dans les rapports linguistiques inter-slaves, MKS, 11-12.
- 74 Wpływ wzdłużenia zastępczego w uformowaniu się słowiańskich systemów fleksyjnych, MKS, 49-50.
- 75 Словообразование и семантика (к вопросу о внутренней валентности слов на материале восточнославянских языков), MKS, 371-372.
- 76 Словосложение в восточнославянских языках, Rsl XXI, 95-107.
- 77 Die südslawische Fachterminologie der Berufe, AUBS, 37-46.
- 78 Южнославянская земледельческая лексика и ее распределение на балканском ареале, Rsl XXI, 47-63.
- 79 Новое в лексике современного русского языка, MKS, 367.
- 80 К вопросу о сокращениях в современном русском языке, AUBS, 21-26.
- 81 Язык берестяных грамот, Rsl, XXI, 41-45.
- 82 Фонологическая категория твердости/мягкости как центральное явление русского фонетизма, Rsl, XXI, 131-143.

- 83 Le développement du bulgare littéraire au XIXe siècle. Facteurs extralinguistiques, Universitatea din Craiova, 1973, 35 стр.; см. также резюме: Формирането на българския литературен език (1806-1877); външните екстра-лингвистични фактори, МКС, 309-310.
- 84 Slavo-romania. Sur la constitution du système vocalique du roumain, Rsl, I, 27-30.
- 85 О морфологической структуре румынских глаголов славянского происхождения, Rsl, IX, 13-21.
- 86 Вопросы составления этимологического словаря славянских заимствований в румынском языке, Rsl, II, 115-131.
- 87 Influences slaves et magyares sur les parlers roumains, Rsl, I, 31-43.
- 88 Относительно древности славянского влияния на румынский язык, Rsl, XVI, 23-29.
- 89 Sur quelques emprunts anciens du roumain au slave méridional et au magyar, Rsl, VI, 19-22.
- 90 Slavo-romania. Considérations sur les rapports linguistiques slavo-roumains à l'époque la plus ancienne, AURS, 27-30.
- 91 Variations régionales de l'influence du vieux-slave sur la langue roumaine, Rsl, XVI, 31-42.
- 92 Кальки славянского происхождения в румынском языке, Rsl, XXI, 85-97.
- 93 L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves, Rsl, XVI, 59-121.
- 94 Румынские ботанические термины у славян северных Карпат, МКС, 352.
- 95 Contributions à l'étude de l'influence roumaine dans le vocabulaire des langues slaves méridionales, МКС, 373.
- 96 Элементы румынского происхождения, общие для украинского, словацкого и польского языков, МКС, 411.
- 97 Деривационная система глагола в русском и румынском языках, МКС, 356-357.
- 98 Метафорический перенос в развитии слов в русском и румынском языках, Rsl, XXI, 75-84.
- 99 Лингвистические аспекты переводов с русского языка на румынский, Rsl, XVI, 397-407.

- 100 Румынские переводы поэмы Александра Блока "Двенадцать" (Проблемы и решения), Rsl, XXI, 331-347.
- 101 "Повесть о капитане Копейкине" в более старом переводе на румынский язык, Rsl, XVI, 349-357.
- 102 Деякі теоретичні питання взаємних румуно-українських перекладів, Rsl, XVI, 385-398.
- 103 Функциональный анализ художественного текста: "Шинель" Н.В.Гоголя (с учетом переводов на румынский язык), Rsl, XVI, 399-417.
- 104 Наблюдения над фонетикой русских говоров на территории Румынии (село "Mila 23", Добруджанской области), Rsl, IX, 219-227.
- 105 Srpski i hrvatski govori iz SR Rumunije - nove tendencije i pojave, AUBS, 5-14.
- 106 Contributions à l'étude du lexique d'un patois slave d'Albanie (Boboșica et Drenovjane), Rsl, XVI, 175-192.
- 107 Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики, Rsl, I, 9-26.
- 108 Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии, Rsl, IX, 5-12.
- 109 Румыны как создатели "славянских" топонимов, Rsl, XVI, 5-18.
- 110 Toponimi rumunskog porekla u SFR Jugoslaviji i njihov značaj za rumunsku dijalektologiju, AUBS, 15-20.
- 111 Характерни черти на книжнославянски език, румънска редакция (XIV-XVI в.), Rsl, IX, 109-161.
- 112 Характерные черты славяно-румынской литературы, Rsl, IX, 267-290.
- 113 Книжнославянский литературный язык в Румынских княжествах и его характерные лексические черты (XIV-XVII вв.), MKS, 103-104.
- 114 Некоторые особенности славянского языка Трансильвании, Rsl, II, 77-114.
- 115 Добруджанская надпись 943 года. Палеографический и лингвистический очерк, Rsl, I, 88-104.
- 116 Фонетические особенности языка славяно-румынских грамот XIV века, Rsl, II, 55-75.
- 117 Общность терминологии "Русской Правды" и румынских средневековых памятников, Rsl, I, 73-87.
- 118 Славяно-румынская терминология, обозначающая отношения зависи-

- 176 Новые сведения о расселении славян на территории РНР, Rsl, IX, 505-529.
- 177 L'influence romaine provinciale sur la civilisation slave à l'époque de la formation des états, Rsl, XVI, 447-460.
- 178 Unité et diversité de la civilisation slave du VIe siècles, MKS, 972-973.
- 179 Un poète "slavo-roumain": Georges Peșacov, Rsl, XVI, 353-395.
- 180 La Roumanie et l'insurrection bulgare ou byzantine du mois d'avril 1876, UABS, 141-145.
- 181 Quelques aspects de l'activité de G.S. Rakovski et de ses rapports avec les Principautés Roumaines, Rsl, IX, 555-568.
- 182 Вклад Румынии в освобождение Чехословакии (1944-1945 гг.), Rsl, XVI, 461-465.
- 183 О некоторых неизданных материалах, относящихся к помощи, оказанной Румынией польским беженцам в 1939-1941 гг., MKS, 994.
- 184 Principales étapes de l'histoire des études slaves en Roumanie et de leurs rapports avec les études slaves internationales, Rsl, XVI, 193-225.
- 185 Contacts établis entre l'historiographie roumaine et tchèque dans le problème de la formation du peuple roumain durant la seconde moitié du XIXe siècle, Rsl, XVI, 409-447.

Сокращения

- AAR - "Analele Academiei Române"
- AUBS - "Analele Universității din București" Seria Limbi slave, XXVI, 1977.
- MKS - VII Międzynarodowy Kongres Slawistów, Warszawa, 21-27 VIII 1973. Streszczenia referatów i komunikatów, Warszawa, 1973.
- RESl - "Revue des études slaves"
- RIR - "Revista istorică română"
- RRL - "Revue roumaine de linguistique"
- Rsl - "Romanoslavica".

СОДЕРЖАНИЕ - SOMMAIRE

I. Языкознание - Linguistique

1. Ariton Vrăciu - On the old Linguistic Balto-Slavic Relations	3
2. Ioan Pătruț - L'élément de provenance slave dans l'anthropologie roumaine	9
3. Екатерина Фодор - Семантическое развитие цветообозначений в русском и польском языках	15
4. Мария Думитреску - О словаре произведений Владимира Маяковского	27
5. Андрей Иванов, Феодор Кириля - Лексика русских (липованских) говоров на территории Румынии	37
 <u>II. Литературоведение и фольклористика - Histoire littéraire et folklore</u>	
6. Ion C. Chițimia - L'humanisme et son existence dans les littératures slaves du sud-est européen et dans la littérature roumaine	51
7. Дан Хория Мавилу - Един "литературен жанр" (агиографията) и развитието му в юго-източно-европейските литератури (XIV-XVII в.)	59
8. Михай Новиков - Соотношение между этической проблематикой и художественным выражением в прозе славянских литератур XX века	73
9. Георге Барба - Эпилог в структуре славянского романа XIX-XX веков	93
10. Альберт Ковач - Поэтика жанровых форм русской литературы в европейском контексте (К постановке вопроса)	107
11. Вирджил Шоптеряну - Традиция и новаторство в современном советском историческом романе	133

12. Сорина Бэлэнеску – Искусство Виктора Шкловского – от теории прозы к прозе 151
13. Ливия Которча – Система европейского поэтического мышления в начале XX века и русская культура. Велимир Хлебников. 161
14. Златка Юфу – Наблюдения върху развитието на една балада с общ сюжет в българския и румънски фолклор 183

III. Историческая проблематика –

Problèmes historiques

15. К.Н.Велики – Социални връзки в рамките на българската емиграция в Румъния през XIX век 199
16. Валерия Костакед – Социально–критическая направленность произведений Ф.М.Достоевского..... 209
17. Г.Михаила, Михай Миту – Румынские филологи на международных съездах славистов 221

Bun de tipar 25-V-1988 Apărut Iunie 1988

Tiraj 347 Căli tipar (Fasc.) 13

Tipar executat sub comanda nr. 40
Tipografia Universității București